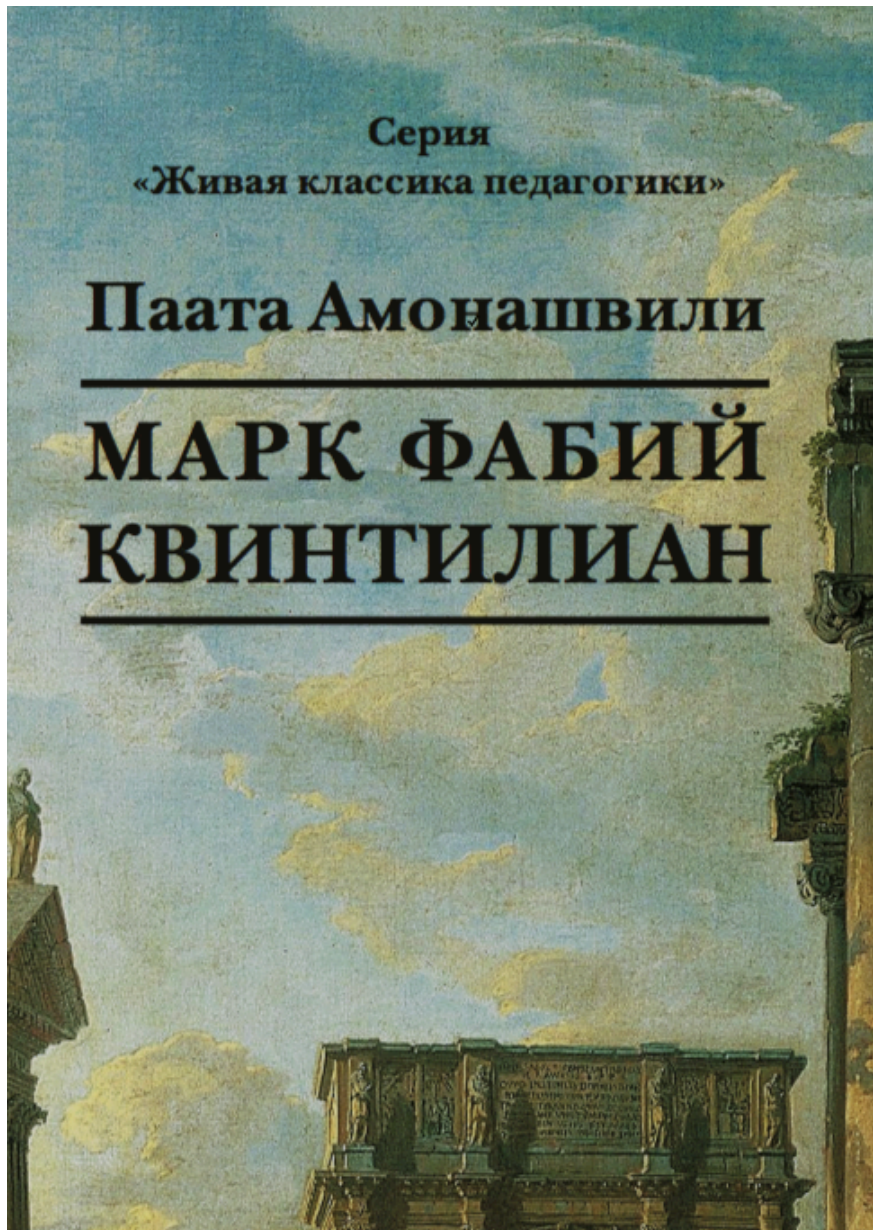

Серия
«Живая классика педагогики»

Паата Амонашвили

МАРК ФАБИЙ
КВИНТИЛИАН

Серия «Живая классика педагогики»

Паата Амонашвили

МАРК ФАБИЙ
КВИНТИЛИАН

Роман в жанре духовной фантастики

Москва

Издательский Дом Шалвы Амонашвили

2015

УДК 82-31
ББК 84-44
А62

Вступление М. В. Богуславский

Амонашвили П. Ш.

А62 Марк Фабий Квинтилиан: Роман в жанре духовной фантастики / Паата Амонашвили; Вступ. Богуславский М. В.; Ред. Куликова О. В. — М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2015. — 256 с.; 20*14 см. — (Серия «Живая классика педагогики»).

ISBN 978-5-8205-0290-3

«Марк Фабий Квинтилиан» — первая книга серии «Живая классика педагогики». Автор предлагает захватывающий рассказ о великом классике педагогики, который жил и работал в I веке. Книга предназначена для педагогов, психологов, студентов, родителей и для всех, кто интересуется вопросами образования.

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-8205-0290-3

© Амонашвили П. Ш., 2015

© «Издательский Дом Шалвы Амонашвили», 2015

Вступление

Герой этой книги – Марк Фабий Квинтилиан, первый классик гуманной педагогики. Поэтому глубоко символично, что именно с книги о Квинтилиане начинается серия «Живая классика». По отношению к данному изданию это вдвойне правомерно. Прежде всего, потому, что на страницах этой талантливой книги действительно живет, действует, проповедует, любит и страдает Марк Фабий Квинтилиан. Но не только поэтому. Автор книги – педагог-гуманист Паата Шалвович Амонашвили, сын живого классика гуманной педагогики Шалвы Александровича Амонашвили. И это очень о многом говорит и многое объясняет.

Поскольку на страницах книги, которая читается на одном дыхании, в соответствии с жанром представлен художественный, а не энциклопедический образ Квинтилиана, то необходимо сказать немного о герое книги.

Марк Фабий Квинтилиан (*Marcus Fabius Quintilianus*, ок. 35, Каллагурис, совр. Калаорра, Испания – ок. 96, Рим) прожил по меркам того времени достаточно долгую и очень насыщенную жизнь. По официальным данным, он родился в одной из самых знатных семей Испании, по другим источникам, вырос в небогатой и незнатной семье. Но главное – он был потомственным ритором, поскольку риторам были и его отец, и дед.

Образование Марк Фабий получил в Риме, где в то время работал его отец. Затем он вернулся в Испанию и позднее

был приглашен императором в Рим. Там он создает первую в истории государственную школу ораторского искусства, в которой подвижнически трудился около 20 лет. Его воспитанниками был цвет римской молодежи. Квинтилиану было поручено и воспитание наследников императора, а наиболее известными питомцами являлись Ювенал, Плиний Младший и, по некоторым данным, выдающийся историк Тацит.

Последние годы жизни Квинтилиан посвятил написанию 12-томного труда «*Institutio oratoria*», название которого переводят по-разному: «Наставления оратору», «Воспитание оратора» и «Об ораторском образовании». Первый том весь пронизан идеями гуманизма и содержит в себе много мудрых советов о первоначальном семейном воспитании и образовании детей. Вторая книга посвящена обучению у ратора. Книги 3–7 характеризуют содержание образования ораторов. 8–11-е книги содержат методики образования ратора. И наконец, венчает этот эпохальный труд 12-я книга, где рисуется впечатляющий портрет идеального оратора — человека высокой нравственности и широкой образованности. По праву Квинтилиан вошел в историю как автор первого специального педагогического труда. Ранее педагогические сентенции содержались в основном в философских произведениях.

Подчеркнем, что не только потомки, но и современники прекрасно понимали и высоко оценивали как результаты деятельности, так и масштаб личности Квинтилиана, который был, разумеется, не только педагогом, но и незаурядным адвокатом, реформатором литературного стиля, талантливым исследователем проблем латинского языка, тонким знатоком греческой и римской литературы. Поэтому вполне правомерно, что его ставили даже выше «бога гуманистов» — Цицерона.

Что касается личной судьбы Квинтилиана, то, как прекрасно это показано в книге, он был фигурой трагической. При жизни он был обласкан императором Домицианом. Познал и почет, и богатство, даже, по некоторым данным, стал из риторов консулом, — случай беспрецедентный в Риме. Вместе с тем, и это очень талантливо раскрыто в книге, Марк Фабий был человеком щемяще трагичной судьбы. Главной трагедией его жизни стала смерть молодой жены и двух подававших большие надежды совсем юных сыновей, для которых он и начал, собственно, писать свой наиболее полный учебник ораторского искусства.

Вся эта краткая историко-биографическая характеристика Квинтилиана правомерна, поскольку, еще раз подчеркну, мы читаем не научный труд, а полноценное художественное произведение, в центре повествования которого несколько насыщенных высоким драматизмом дней из жизни Квинтилиана. Как мы видим, Паата Шалвович Амонашвили сжал реальную историю, что абсолютно уместно для жанра произведения.

На страницах книги читатель не найдет последовательного и систематичного изложения педагогической системы Марка Фабия Квинтилиана. Но это является не недостатком, а достоинством книги. Основная совокупность идей родоначальника гуманной педагогики и отца индивидуального подхода умело вплетена в ткань произведения. И все же постараемся в стилистике книги и опираясь на соответствующие фрагменты, выделить центральные идеи педагогики Квинтилиана, квинтэссенция которой во многом заключена в выражении Марка Фабия: «Отец, когда у тебя родится сын, возложи на него большие надежды, ибо большие надежды рождают большую педагогику».

Как же на страницах книги П. Ш. Амонашвили, устами самого Квинтилиана представлена эта большая гуманная педагогика?

Прежде всего, приведем удивительно мудрые мысли Марка Фабия, обращенные к наставникам:

«По-иному взгляни на того же мальчика, и ты увидишь, что он не просто сорванец, а посланник от небес. Как же ты будешь небесного посланника ремнем хлестать? Сам стань ребенком. Вспомни свои детские ощущения и верни их себе. Стань чистой и радостной душой, которая не знает обмана. Тогда в озорном мальчишке черты божественного замысла будешь находить. Если же ты его бьешь, он будет убегать... Это мы их учим врать, предавать, ненавидеть и калечим их небесную душу. Наказанием, понуканием и жестокостью заставляем их перенимать все самое худшее, что накопилось в человеке и в нашей стране. Первое, наставник должен открыть в себе отеческие чувства к подопечным. Представить себя на месте родителей, которые вручают тебе детей. Такая мысль даст тебе опору для попечения детей. Но, кроме того, ты должен освободить от всех пороков себя. Будьте просты и терпеливы в воспитании. Охотно отвечайте тем, кто спрашивает, а стеснительных вызывайте собственными вопросами. Щедро хвалите, однако знайте меру, чтобы похвала ваша не вызвала беспечности. Поправляйте детей, когда нужно, но не будьте суровыми. Выговоры в устах иных учителей походят на явную ненависть. А учительская ненависть рождает отвращение к учению. Говорите детям в наставление такое, что навсегда останется в их памяти. Знайте, что дети очень любят слушать и подражать учителю, которого почитают, которого душевно любят».

На страницах прекрасного произведения П. Ш. Амонашвили, по сути, в интерьерах античности новой педагогической поэмы мы встретим жемчужины мыслей Квинтилиана, обращенные к своим питомцам:

«Господа сенаторы, я буду смотреть не по вашим летам, а по вашим успехам в учении. Проявляйте больше прилежания, и вы добьетесь великих успехов. Чтобы прожить эту жизнь достойно, вам необходимо иметь зрелый ум, благородное сердце и широкую душу. Вы готовы брать на себя ответственность как взрослые? Оратором вообще быть невозможно, не являясь честным человеком. И это простейшая истина, ибо человек злой есть бессмысленный человек, а бессмысленный человек никогда не может быть оратором. Счастье нужно искать в благодетелях. Поэтому я посвящаю всю свою жизнь воспитанию честных людей, носителей великой добродетели в душе».

Воистину, точнее не скажешь...

Как замечательно показано в книге П. Ш. Амонашвили, Квинтилиан, повседневно трудясь в своей школе, смотрел далеко вперед

«Он видел перед собой не юношей, которые еще не готовы для жизни и для великих дел... Он видел в них пронизательных политических деятелей, мудрых полководцев, опытных судебных защитников и честных обвинителей. Он видел перед собой будущее великой страны, которая будет держаться на плечах этой молодежи. Им сейчас по 12–15 лет, скоро они покинут стены школы и возьмут управление страной в свои руки».

Это высоко оценивали современники. Приведем из книги одно такое высказывание: «Дорогой Марк, ты великий учитель! Ты воспитываешь великие умы. Императоры и сенаторы доверяют твоему попечению своих детей. Мы верим, что в стенах твоей школы они, наши наследники, приобретают все необходимое, чтобы стать достойными сынами нашей Родины...».

Такое же отношение Квинтилиан стремился внушить и родителям своих питомцев. Приведем характерный фрагмент из книги:

«Дорогие отцы! Я прошу вас изменить ваше отношение к своим детям. Как только у вас родится ребенок, с того же самого времени возложите на него самую добрую надежду. Это очень важная мысль, так как она направит вашу заботу о воспитании ребенка. Усмотрите в вашем чаде великого человека, истинного гражданина Рима, и тогда ваше отношение к нему станет гораздо уважительнее! Я согласен, что один имеет больше ума, нежели другой, однако я не нахожу никого, кто бы через прилежание в чем-нибудь не преуспел. Итак, дорогие отцы, зная эту истину, да проникайтесь надеждой о своем ребенке от самого его рождения и делайте все для воспитания будущего человека! Внимательно наблюдая за детьми, я понял нечто очень важное и хочу, чтобы вы тоже поверили в это! Наша душа есть небесного происхождения».

На страницах книги П. Ш. Амонашвили тщательно собраны и рассыпаны жемчужинами по тексту очень продуктивные, как сказали бы сейчас, технологии, которые использовал в своей педагогической деятельности Квинтилиан (авансирование развивающейся личности, содействие в творчестве не с другими учениками, а с самим собой и др.). Поручим найти и по достоинству оценить их читателю, а, главное, соотнести со своим личным и педагогическим опытом.

...Перелистана последняя страница этой самобытной, ни на что не похожей книги, у которой три автора. В первых, сам Марк Фабий Квинтилиан, чьи мудрые мысли талантливо обобщены, осмыслены и представлены собственнo автором книги Паатой Шалвовичем Амонашвили, который является не только ярким педагогом-практиком, незаурядным методистом и дидактом, но и, как мы теперь убедились, талантливым писателем.

Признавая все это, не могу в завершение не сказать и о третьем авторе, незримо присутствующем в книге, —

Вступление

Шалве Александровиче Амонашвили. И не только как отца Пааты Шалвовича, его наставника, а теперь и сподвижника по общему делу развитию гуманной педагогики. Все на много стереоскопичнее. Когда читаешь мудрые мысли Квинтилиана, слышишь разделенный почти на два тысячелетия голос Шалвы Александровича. И это вселяет светлый оптимизм. Значит, идеи гуманной педагогики воистину бессмертны!

М. В. Богуславский,
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук, профессор

Первая глава

Три дарованные минуты до последнего вздоха

...Дух пребывал в спокойном ожидании далекого путешествия...

Пришла пора воссоединиться с давно потерянной любимой семьей...

Наставали последние минуты земного пути...

Одряхлевшее тело было готово к смерти. Голова раскалывалась, режущая боль в желудке мучила все сильнее, суставы ломало невыносимо. Возникло ощущение безысходности, смешанное со смятением, и тогда заговорил внутренний голос:

— С этой постели уже не подняться.

В темнице черепа, в коварных оковах беспорядочных мыслей, в капкане произвольной суеты тихо тускнело тревожное сознание, как и угасающий светильник на тумбочке.

В густом тумане забвения исчезала прожитая жизнь, оставляя за собой одну светлую мечту — поскорей обнять давно потерянную жену и полететь к звездам с любимыми сыновьями.

Как из потустороннего мира, слышался вой ветра.

Как с высоты эфира, на обветшавшую черепицу лил дождь.

В этих звуках растворялось ощущение времени, и казалось, что ночь тянется уже второе тысячелетие.

На окраине Рима, к востоку от Аппиевых ворот, в начале улицы Высокая Тропа, в своей Школе радости умирал великий учитель риторики — Марк Фабий Квинтилиан, ритор...

У его постели неподвижно стоял верный раб по имени Актуарий. Он, замирая от ужаса, ловил тревожные признаки надвигающейся смерти и взывал к богам:

— О благословенный Гениус! Ты великий дух, которому подвластны вода, ветер, земля и небо! Ты с рождения оберегал моего господина! Молю тебя, не оставляй его в предсмертный час, а в благодарность на ближайшем празднике Сатурналии я пожертвую тебе ягненка.

Так, пытаясь договориться с Гениусом и направляя молитву ввысь, Актуарий с опаской смотрел на потолок. Ветер разошелся вовсю, дождь превратился в ливень, и стихия пугала раба даже больше приближающейся кончины хозяина:

— Несчастье какое... Ветер снесет крышу, и дождь будет литься на умирающего господина... Вот беда...

Великого ратора земные дела уже не волновали. Он даже попытался успокоить Актуария, но язык не послушался, мускулы лица отказались повиноваться, и вдруг... на него сошло чудесное видение...

Сначала повеяло покоем, потом осветилась темная стена перед кроватью, и, наконец, там иконой проявился образ светлого старца в голубом ореоле. Этот голубой свет коснулся ратора, и тело его свело судорогой, как в агонии...

Застыв ненадолго, старец отделился от стены, выступил вперед и, приблизившись к постели, пристально посмотрел на Марка. Взгляд, полный вселенской любви, согрел умирающему душу.

Полегчало и телу, судорога прошла, пелена с глаз спала, и Квинтилиан узнал эти голубые глаза беспредельной

глубины. Они навсегда запечатлелись в памяти риторика после того, как он увидел их... В огне...

Тотчас обрел подвижность язык, позволяя риторика заговорить:

— Благовестник... Я тебя приветствую.

Актуарий не видел чудесного старца, однако слышал голос своего хозяина. От неожиданности он вздрогнул и решил, что господина посетил Гениус, польстившись на обещанного ягненка.

Это встревожило раба, и он задрожал.

Благовестник же протянул руку и, прикоснувшись к голове риторика, сказал:

— Благодать тебе, мастер слова, и мир от Бога Отца нашего Господа Иисуса Христа.

Марку показалось, что теплые звуки мягко окутывают его, и ответил:

— Благовестник, я виноват перед тобой. Не смог защитить тебя от несправедливого и жестокого суда. А должен был...

— То был суд людской. Он страшен лишь разбойнику. Я же боюсь Господа нашего Бога. Да будет на все Его воля. Но ныне пекусь я не о себе, ибо постоянством в добром деле мне уже дарована жизнь вечная. Мысли мои обращены к тебе. Однажды ты купил мне три минуты жизни перед казнью.

— Да... Это были судьбоносные минуты для меня.

— Теперь же я хочу вернуть долг. Прими от меня в дар три минуты для нашей беседы.

— Это поистине божественный подарок. Хоть я и спешу к своей давно потерянной семье...

Благовестник сказал:

— Многократно намеревался я прийти к тебе для утешения. Ныне вижу, ты нуждаешься в путеводителе, как

никогда ранее. Вот потому я предстал перед тобой в час, когда душа твоя готовится к дальнейшему странствию.

На морщинистом лице ритора отразились противоречивые чувства:

— Дни и ночи я трудился без отдыха, создавал нечто полезное для благонравного юношества. Хотел оставить после себя доброе имя в наследство сыновьям. Я думал, что творю правое дело...

— Ты и творил правое дело всю свою жизнь.

— Так почему же я вдруг получил такую рану, когда двадцать лет назад неумолимая смерть неожиданно похитила мою молодую супругу? Она была душой ребенок, украшена всеми добродетелями и покинула меня в мучениях, но счастливая...

Глаза Квинтилиана наполнились слезами.

Старец дотронулся до его руки, успокаивая:

— Праведной верой жив будешь, сын мой. Добродетели твои даруют милость Бога с небес. И милость эта озарит тебя священным светом.

Речь старца немного успокоила великого ритора.

Он тихо сказал:

— Вскоре меня постигли другие несчастья. Сначала младший сын, кудрявый Калидус, последовал за своей матерью, чуть не сведя меня самого в могилу. Он был светлой и радостной душой, нашей надеждой и утешением. И тут же я потерял старшего сына, Элоквенция. В нем проявлялось благоволение богов, и был он награжден всеми добродетелями — ясным голосом, любезным видом и твердостью духа... В последние минуты своей жизни он сам утешал меня. Его одаренность в словесности проявлялась даже в бреду... Так я остался отцом бездетным и мужем без жены...

Квинтилиан плакал...

Благовестник опять прикоснулся к нему:

— У тебя было дело жизни твоей, и ты его закончил.

Да пребудет с тобой мир.

Слова Благовестника умиротворяли.

Марк ответил:

— Да, я последовал мудрому совету и нашел утешение в занятии наукой.

— Труды твои еще возвеличат тебя.

— Тоска пожирает меня изнутри из-за того, что все плоды моих усилий — и это имение, и мои книги — все достанется в наследство посторонним людям. Вот какова моя участь. Но близость последнего вздоха меня радует, ибо знаю, что дух мой унесет меня на крыльях надежды навстречу моим любимым.

Старец утешил:

— Бог приготовил любящим его то, что не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку! А твое наследство больше имения твоего, и оно послужит грядущим поколениям. Об этом позабочусь я.

Квинтилиан спросил:

— О каком наследстве ты говоришь?

Благовестник помолчал:

— Это любовь твоя.

Марк поднял усталый взор на старца:

— Какая любовь?

— Та, которую ты построил на мудром основании, положенном Господом Богом нашим. Каждый на этом основании строит по-своему. Кто из золота, кто из серебра, кто из драгоценных камней, а кто из дерева, сена или соломы. Каждого дело откроется в огне, и огонь испытает дело каждого. У кого-то дело сгорит, у кого-то устоит... Твоему делу суждено процветать! Но не мне судить! Придет Господь к тебе, и осветит скрытое во мраке, и обнаружит

сердечные намерения. И будет тебе похвала от Бога за любовь твою, долготерпеливую, милосердную, которая сорадуется истине, всему верит, всегда надеется и все переносит. Она в тебе.

Лицо рителя было в слезах:

— Благовестник, послушай... Ты великий человек, с Господом беседуешь... Эту любовь я в себе чувствую... Молю, скажи, поможет ли она мне воссоединиться с потерянной семьей?

— Да, ибо праведно прожил ты век свой. Ты всегда был честен, хоть и жил среди обезумевших людей. Когда они оскверняли тела свои, ты молился за их души. Когда предавались постыдным страстям, ты мечтал о жизни во благе. Среди моря злонравия и вероломства ты снискал себе славу и честь постоянством в добром деле. Теперь ты на пороге вечной жизни, и мне выпало счастье сопроводить тебя.

Квинтилиан ответил в слезах:

— Я хочу быть крещенным во имя тебя...

Старец кивнул:

— Юношеских похотей ты всегда избегал, держался правды, веры, любви и мира. От глупых и невежественных состязаний ты всегда уклонялся, зная, что они рожают споры. Подобно рабу Господа, ты не ссорился, был приветливым ко всем, почтительным и незлобивым. Ты с кротостью наставлял всех. Ты понял первым, что неуместно опускаться до мелких тем и дразг, пагубно пристращаться к словопрениям, ибо пустыми словесными состязаниями устлана дорога к распрям, злоречию и зависти. Пройдя столь славный жизненный путь, ты заслуживаешь многого и, конечно, можешь быть крещен... Но я почти никогда не крестил, чтобы не сказал кто, что крестил я в имя мое. И Христос послал меня не крестить, а благовествовать...

Марк всматривался в глубокие голубые глаза:

— Так ты откажешь?

Все мироздание отступило в бесконечность, и во вселенной остались они одни — умирающий ритор и озаренный Благовестник, приготовившийся ответить...

Но тут вспыхнула молния.

Она заставила сильнее задрожать Актуария, который внимательно прислушивался к бреду умирающего хозяина и думал, что это Гениус говорит с господином.

— Великий Гениус! Ты так быстро откликнулся на мою молитву, что ягненка будет мало, надо тебе барана заколоть...

Опять вспыхнула молния, и раб забился в угол...

Молния осветила душу Марка и, не дав ответить Благовестнику, оживила былое.

Пространство и время растворились в густом тумане...

Послышались детские голоса...

И тут сознание ритора погрузилось в далекое прошлое...

Вторая глава

Будни ратора

1.

Озаренный лучами восходящего солнца, наслаждаясь звуками счастливого детского смеха, Квинтилиан тем не менее проснулся с тревогой на душе. С одной стороны, его охватила радость, ибо первое, что он увидел, было нежное лицо молодой жены Витруции, однако неприятный сон портил прекрасное начало дня.

Нельзя было вообразить картину возвышеннее. Занимающееся утро, прохладная спальня, смех сыновей и любимая жена, шептавшая:

— Молю богиню Весту, да озарит она твоё пробуждение счастьем. Молю хранителя твоего, великого духа Гениуса, да оберегает он тебя до заката. А мы щедрым жертвоприношением возблагодарим всех богов.

Он улыбнулся ей в ответ.

Но плохой сон напоминал о себе, омрачая блаженство.

Витруция спросила:

— Марк, дорогой, что случилось?

— Передо мной восхитительная жена, встречающая меня с любовью. Я переполнен благодарностью судьбе и богам. Но видение, посетившее меня перед пробуждением, очень тревожит.

Витруция нежно прикоснулась к супругу:

— Да не приведут тебя кошмары в смятение. Расскажи мне, что привиделось? На столе есть бумага и твоя чернильница

с пером. Я быстро запишу неприятный сон, мы тут же сожжем бумагу, и зло рассеется вместе с дымом.

Марк кивнул:

— Благодарю тебя, прекрасная Витруция. Ты моя спасительница.

Витруция присела к столу:

— Рассказывай...

Марк встал, подошел к умывальной ванне с ароматной водой и, освежив лицо, ответил жене:

— Я видел себя старым, больным и умирающим, и мудрый святой подарил мне три минуты до последнего вздоха. Он был с пронизательными голубыми глазами, и мне казалось, что я его давно знаю. Он обещал привести меня к...

Марк запнулся.

Витруция взяла его руки в свои и спросила:

— К кому привести?

Он ответил:

— К вам...

— К нам?

— Да... В этом ужасном сне я будто бы знал, что судьба отняла у меня тебя и мальчиков. И я умирал одинокий. Не хочу верить, что это предзнаменование сбудется.

Витруция поцеловала супруга и сказала:

— Я никогда не стремилась опередить тебя. Обещаю, не бывать этому и впредь. Вот, смотри, я запишу твой сон и сожгу его вместе с этой бумагой прямо сейчас.

Витруция взяла перо, но дописать не успела. Длинная и массивная штора, отгораживающая спальню от жилого атриума, раздвинулась, как в театре, и два очаровательных мальчика вбежали в спальню. За детьми следовал верный раб, писец Актуарий, с коробкой в руках.

Нарядные, радостные и готовые к школе дети предстали перед родителями, заполнив весь дом искренним счастьем.

Марк подозвал к себе сначала старшего сына:

— Доброго дня тебе, Элоквенций, подойди ко мне.

Элоквенций был уже большим мальчиком. В свои двенадцать лет он успел постичь глубину наук. Его речь была красивой, сдержанной и четкой. Все предрекали ему достойное будущее на благо великого Рима.

Он поклонился отцу и выступил вперед с приветствием:

— Да хранят тебя боги, наш любимый родитель. Ты наше счастье, наш кормилец, опора и надежда. Мы уповаем на твою благосклонность и приложим все силы, чтобы оправдать твои надежды.

Марк обнял Элоквенция:

— Любой отец гордился бы таким первенцем. Ты наполняешь нас счастьем и радостью. Да будет этот день для тебя плодотворным!

Элоквенций ответил:

— Отец, прошу твоего благословения на прилежную учебу в группе ритора. Хочу быть таким же ученым и знаменитым, как ты.

Марк сказал:

— Это достойная цель... Хотя я пожелал бы для тебя большего. Даст Бог, ты превзойдешь меня во всем. Твоя речь будет утонченнее моей, твои мысли будут глубже, а твои поступки благороднее. Как я буду радоваться, когда весь Рим признает, что сын выше отца.

Элоквенций поклонился отцу.

После этого Марк обратился к младшему сыну:

— Мой дорогой Калидус, ты мое счастье! Чем ты порадуешь сегодня своего отца?

Кудрявый и светлый, как солнышко, семилетний Калидус с гордостью показал свои школьные принадлежности — цилиндрическую капсулу на поясе со свитками учебников и масляную табличку для письма со стилусом:

— Любимый отец, посмотри, у меня все готово для того, чтобы быстрее выучиться грамоте. Без грамоты мне не стать достойным гражданином Рима.

Марк ответил:

— Конечно, моя радость! Я жду от тебя великих достижений.

Элоквенций спросил:

— Отец, ты придешь сегодня к нам на занятия?

Калидус подпрыгнул от нетерпения:

— А к нам?! Приходи сначала к нам...

Марк сказал:

— Да, мне не терпится побыстрее оказаться с вами. Сначала я приду на занятие к Калидусу, в группу грамматика, а оттуда приду к вам, Элоквенций, в группу ритора.

Калидус захлопал в ладоши.

Тут Марк заметил коробку в руках раба и спросил:

— Актуарий, что это ты держишь?

Верный раб поклонился и ответил:

— Гонец доставил тебе коробку из ювелирной мастерской.

Марк обрадовался:

— Знаю, это азбука из слоновой кости, которую я недавно заказал. Она для группы грамматика. Возьми ее с собой, Актуарий.

Калидус обрадовался:

— Вот будет радость мальчикам.

Марк обратился к жене:

— Витруция, дорогая, помоги мне одеться...

Заботливая Витруция уже спешила с тогой в руках. Помогая мужу, она сказала:

— Мои дорогие мужчины! Желаю вам счастливого дня!.. Но Марк, ты еще не позавтракал...

Марк засмеялся:

— Позавтракаем вечером.

Вся компания удалилась с веселым шумом.

Оставшись одна, Витруция задумалась, подошла к письменному столу, села и, обмакнув перо в чернильницу, написала:

«...Великая богиня Веста! Молю тебя, унеси жуткий сон любимого супруга с дымом и не дай сбыться дурному предзнаменованию! Ты великая хранительница целомудрия, развей несчастье над бездной и предотврати беду. А я принесу тебе в жертву годовалого теленка и кувшин вина в Вестальские праздники...»

Закончив писать, она отложила перо и поднесла бумагу к горящей лампе. Бумага сразу вспыхнула и, превращаясь в пепел, развеялась с дымом. Витруция долго следила за огоньком, зажав в руке свой драгоценный амулет, буллу с серебряным шариком в виде солнца, подаренную в день свадьбы весталкой Рубрией. Подарок великой жрицы Витруция ценила превыше всех своих сокровищ и никогда с ним не расставалась.

Когда дым улетучился и огонек погас, Витруция пропела свою молитву:

Помоги нам, Божья Мать, Весну-Весту закликать,
Лес-лесочек пробуждать, тепло в душу зазывать.
Помоги нам, Божья Мать, с Весной-Вестой поиграть,
Травку каплей орошать, с облаками полетать.

2.

Марк с сыновьями вошли во внутренний дворик школы с небольшим садом и прекрасной бархатной лужайкой, на которой дети очень любили играть и бегать. Марк со всего мира собирал редкие растения и привозил их в свою школу. Получилось поистине райское место.

В глубине лужайки стояла небольшая палатка, в которой жил школьный авгур, жрец по имени Ауспик. Его пожаловал школе покойный император Клавдий в знак благодарности за прекрасное воспитание своих племянников. Авгур Ауспик усердно разводил священных цыплят, подкармливал их несколько раз в день и толковал по их поведению волю богов. Каждый день он сообщал всей школе, какой будет день. Если куры хорошо клевали, то день обещал быть благоприятным. Тогда школа могла смело заниматься своими делами и ни о чем не беспокоиться. Если же куры отказывались от зерна, то день предвещал неудачу и всем надо было вести себя осмотрительно и осторожно.

У жреца Ауспика можно было также попросить благословения на то или иное дело. Тогда он готовился к гаданию, опять подкармливал кур, подолгу смотрел на них, потом с закрытыми глазами советовался с богами и выдавал заключение — благоволят ли боги твоему делу сегодня. При решении самых важных вопросов он затевал ритуальный танец и всматривался в небеса, ожидая ответа.

Марк издали приветствовал жреца и увидел, что он как раз подкармливает цыплят:

— Ауспик, мой тебе поклон. Что у нас на сегодня?

Авгур помахал ему в ответ и сказал:

— Сегодня день противоречивый! Смотри, ритор, некоторые жадно клюют мой горошек, а другие совсем отказываются есть. Это значит, что день потребует много усилий и может преподнести много неприятных сюрпризов. Будь осторожен сегодня. Не пытайся прыгать выше кур и кукарекать после рассвета...

Квинтилиан кивнул:

— Спасибо за предупреждение, Ауспик!

— Всегда рад.

– Подсласти свои зерна, чтобы задобрить богов.

Сказав это, Марк заметил на лужайке двоих мальчиков 8–9 лет из числа подопечных учителя грамматики Децима Агелатуса. Их звали Гелицион и Верминтий. Они что-то жарко обсуждали, но, увидев главного ритора, смущенно умолкли и встали.

Марк обратился к старшему сыну:

– Мой дорогой Элоквенций! Ты иди вперед, в свою группу. Мы немного здесь задержимся. Хочу поговорить с этими юношами.

Элоквенций поклонился, поблагодарил и побежал, а Марк подозвал мальчиков:

– Уважаемые господа, достопочтенный Гелицион и достопочтенный Верминтий, примите самые искренние пожелания здравствовать.

Мальчики чинно поклонились и ответили по очереди:

– Тебе тоже желаем здоровья, господин ритор.

– Живи долго и счастливо, господин ритор.

Мальчикам поклонились и Калидус с Актуарием.

Марк спросил:

– Скажите, почему вы здесь, во дворе, когда должны быть на занятии? Что случилось?

Мальчики растерялись и начали мямлить что-то невнятное. Тогда Марк сказал:

– Признаюсь, ваша речь меня не очень восхитила. Скорее, наоборот. Когда вы будете выступать в сенате, помните, что вы обращаетесь к слушателям, а поэтому вы обязаны убедиться, что большинство присутствующих вас понимает. Кто же вас поймет, если вы будете так пережевывать слова? Получится, что вы говорите впустую, а это, согласитесь, бессмысленно!

Верминтий с Гелиционом стояли, понуриив головы.

Квинтилиан продолжил:

— Слава богам, до выступления в сенате у вас еще есть время потренироваться. Советую начать упражнение прямо сейчас и ответить на мой вопрос еще раз. Сказать вы должны это так, чтобы мы не только вас поняли, а чтобы ваша речь нам еще и понравилась... Итак, повторяю свой вопрос: что случилось?

Мальчики замялись сильнее.

Наконец Гелицион, который был постарше, собрался с мыслями и произнес с запинками:

— Господин ритор, позволь сначала поблагодарить тебя за внимание к нам и за вопрос... Дело в том, что... некоторые обстоятельства вынудили нас покинуть занятие...

Тут заговорил и Верминтий:

— Господин ритор, я думаю, что тебе не очень понравится то, что прямо сейчас происходит в классе... Мне тоже это не понравилось, потому я ушел... Подтверди, Гелицион...

— Да... Там плохо...

Марк взглянул на мальчиков вопросительно:

— Хорошо. Надеюсь, слушая себя, вы понимаете, что тренироваться в риторике вам надо усердно и много. Иначе вы не приблизитесь к совершенству. Однако вам удалось меня заинтересовать. Я хочу узнать, какие обстоятельства вас заставили покинуть занятие и что там мне может не понравиться... Поэтому тренировку по риторике мы отложим на потом, а сейчас посмотрим, что там у вас происходит.

Класс помощника Квинтилиана, грамматика Децима Агелатуса, находился в здании, сразу за внутренним двориком. Подойдя поближе, они услышали звуки невероятной суматохи, доносившиеся изнутри.

Марк быстро раздвинул шторы, отделявшие портик от класса, и перед ним предстала мрачная сцена свершающегося возмездия.

В самом центре, на фоне раскрашенного барельефа богини правосудия Юстиции, находился сам Децим с кожаным ремнем в руках. Четверо детей перед ним крепко удерживали пятого за руки и ноги. На него и было нацелено орудие наказания.

Не глядя вокруг, Децим замахнулся, и ремень со свистом опустился на оголенный зад мальчика. Ребенок вскрикнул от боли и стиснул зубы.

Рядом стоял помощник грамматика, ученый раб Свистоний, отсчитывающий количество ударов. Он торжественно объявил:

— Девятый удар ремнем получил за дерзость Агенобарб Гней Тутуций. Остался последний, десятый удар.

Дети хором повторили за Свистонием:

— За дерзость Тутуцию удар ремнем...

Тутуций с ненавистью смотрел на своего палача и грозно шипел:

— Подожди, господин грамматик, я тебе отомщу...

Сам Децим был весь потный, лицо его побагровело от злости, а глаза вылезали на лоб от ярости.

Он тут же взмахнул ремнем и закричал:

— Так будет караться дерзость каждого!

Чувствовалось, что в последний удар он вкладывает всю свою ненависть к бедному Тутуцию. Мальчик закусил губы и крепко зажмурил глаза, но...

Неожиданно пришло спасение.

Квинтилиан вовремя схватил палача за руку, вырвал ремень и громко сказал:

— Достаточно! Казнь прекращена!

Свистоний не растерялся и объявил торжественно:

— За дерзость Агенобарб Гней Тутуций получил девять ударов кожаным ремнем и был избавлен от последнего милостью господина нашего, главного ритора

Марка Фабия Квинтилиана. Справедливость восторжествовала!

Дети немедленно отпустили Тутуция, который сразу натянул на себя одежду и перед тем, как выбежать, закричал Дециму со злостью:

— Помни, господин грамматик, ответная кара наступит тебя за это!..

Децим вспыхнул и пригрозил ему:

— Как ты смеешь, маленький гаденыш?! Я из тебя сильно сделаю человека.

Остальные мальчики застыли в напряженном молчании. Децим отдышался, потом махнул рукой и закричал:

— Перерыв в занятиях! Убирайтесь на лужайку! Я вас призову звонком. После сегодняшнего урока ваша дерзость должна поубавиться. Если нет, то я все равно выбью из вас всю дурь! Вон!

Выбегая, дети по очереди кланялись Квинтилиану.

Калидус постоял смущенно, не зная, как быть, потом побежал за детьми.

Марк приказал своему рабу:

— Актуарий, побудь с детьми во дворе. Открой там коробку с нашей новой азбукой из слоновой кости. Пусть дети поиграют буквами. Смотри еще, чтобы Тутуций никуда не убежал. Свистоний пусть здесь останется, со мной и Децимом.

Актуарий вышел, а грамматик вытер потное лицо полой своей тоги и сказал:

— Марк, тебе привет мой. Зря ты меня остановил... Именно в тот десятый удар я вкладывал самое важное наставление. За свой гадкий поступок он заслуживал большего! Я еще проявил милосердие...

Марк посмотрел на ремень Децима, который все еще держал в руках, отбросил его и проговорил:

– Дорогой Децим, пожалуйста, освободи себя от раздражения. Давай присядем и поговорим спокойно. Думаю, ты знаешь, что только что безжалостно избил первенца и законного наследника великого сенатора Северия Агенобарба, двоюродного брата божественного императора нашего Нерона. Должно быть, у тебя были веские причины на то?

Децим, не в силах одолеть свой гнев, тяжело дышал. Не дождавсь ответа, Марк повторил вопрос:

– Децим, расскажи мне, что здесь произошло?

Грамматик махнул рукой рабу-помощнику и бросил:

– Пусть Свистоний рассказывает.

– Хорошо. Пусть будет так, а мы послушаем вместе. Ты займи свое высокое место на кафедре, я сяду на место твоего помощника... Вот так... Уселись... Ну, давай, Свистоний, начинай.

Чувствуя гордость за доверие, Свистоний встал в театральную позу, показав, что настраивается на красноречивый рассказ, откашлялся и начал:

– Господа мои повелители! Рано утром, еще не пропели петухи, как мы начали наши занятия. Господин Агелатус поприветствовал детей с подобающей строгостью, рассадил их и проверил у всех наличие табличек и стилусов для письма. Все вели себя смиренно, кроме озорного Тутция.

Услышав характеристику «озорной», Децим возмутился и, в непреодолимом порыве высказаться, вскочил со своей кафедры, закричав:

– Озорной?! Да ты бредишь, жалкий раб! Как ты смеешь называть этого вероломного предателя озорным? В нем не озорство, а зло и дерзость растут!

Раб испугался и съезжился.

Квинтилиан успокоил разъяренного учителя:

— Угомонись, Децим. Мы приказали ему рассказать, и пусть он закончит. Продолжай, Свистоний.

Децим вернулся на свое место, хотя усидеть ему было трудно.

Раб продолжил:

— Так вот, этот вероломный, дерзкий и злой Тутуций с самого начала выкидывал непозволительные штучки. Сначала он нагло шептался со своими товарищами Гелиционом и Верминтием, подстрекая их на какую-то гнусность.

Децим опять не усидел:

— Они замышляли заговор! Возможно, они хотели заколоть меня своими острыми стилусами...

Выкрикнув это, Децим сел на место, а Свистоний заговорил вновь:

— Потом господин Децим прочитал им для пересказа басню Эзопа про осла и философа.

Марк заинтересовался:

— Какую басню? Хочу послушать.

Свистоний дотянулся до свитка на столе и начал читать с чувством:

— Эзоп. Басня «Осел и философ». Однажды хозяин решил научить осла наукам и отвез его к философу. Философ был беден, не смог отказаться от предложенной платы и взялся за обучение животного, хоть и знал, что осла ничему не научишь. Через некоторое время пришел хозяин и справился о достижениях своего осла. Философ ответил ему: «Знаешь, я должен вернуть тебе деньги, ибо не я его просветил, а он меня». Хозяин удивился: «Как такое возможно?» Философ ему ответил: «Вот объяснил я твоему ослу строение мироздания один раз, он не понимает. Объяснил ему строение мироздания второй раз, он опять не понимает. Когда объяснял в третий раз, вдруг

сам понял, в чем суть мироздания, и теперь не переживаю, что я беден».

Марк невольно рассмеялся и спросил:

— Чему же учит эта басня?

Свистоний ответил:

— Господин Агелатус внятно объяснил детям, что мораль басни в том, что бессмысленно учить того, у кого от природы способностей к учению нет.

Марк с улыбкой посмотрел в сторону Децима, который всем своим видом показывал, как он устал от всего этого, и особенно от тупых учеников.

Марк обратился к рабу:

— Хорошо, допустим, басня нас именно этому и учит...

Что было потом?

Свистоний продолжил:

— Во время чтения басни Тутуций вел себя очень вызывающе. Он все настойчивей подстрекал Гелициона и Верминтия к чему-то недоброму. Поэтому хозяин сделал ему замечание с помощью линейки.

Марк уточнил:

— То есть бил линейкой?

— Да, это легкое напоминание о правилах поведения в школе. Хозяин приказывает сорванцу показать ему руки, замахивается и бьет линейкой по ладоням. Тогда сказанное лучше укладывается в бестолковых головах.

Децим возвел руки к небу, подчеркивая свое негодование.

Свистоний же продолжал:

— Потом хозяин прочитал басню еще раз и приказал детям письменно пересказать ее в чистых выражениях. Когда пересказ был готов, дети по очереди начали читать свои работы вслух. Тутуций прочел свой пересказ последним и получил заслуженное наказание от господина.

Вспомнив о сочинении, Децим схватился за голову и с горечью проговорил:

— Ах я несчастный! С каким сбродом приходится мне работать и бороться...

Марк внимательно посмотрел на Децима и попросил раба:

— Хочу послушать сочинение Тутуция, читай...

Свистоний кивнул, нашел табличку мальчика и начал:

— «Басня Эзопа про осла и философа, пересказанная Агенобарбом Гнеем Тутуцием. Хозяин сдал своего осла философу, желая сделать из животного ученого. Философ был алчным на плату. Поэтому он приступил к обучению, повторяя своему ученику, как устроено мироздание. Ослу это пользы не принесло, зато суть мироздания открылась самому философу. Теперь возникает вот какой вопрос: кем, по басне, являются сам хозяин и философ? Я рассудил, что раз уж они принялись учить осла наукам, то они сами и есть ослы...»

Свистоний тут остановился и взглянул на Децима вопросительно:

— Прикажете читать концовку тоже?

Децим ударил себя по голове и закрипел зубами.

Марк приказал:

— Читай!

Свистоний набрал побольше воздуха и с такой же выразительностью дочитал:

— «Что же есть сам наш грамматик, господин Децим Агелатус? Он часто называет нас ослами и каждый раз бьет линейкой и ремнем, будто мы правда ослы. Он видит в нас ослов и учит нас, как ослов, многократно повторяя одно и то же. Вот я и рассудил, что раз уж он учит нас, ослов, на подобие героям пересказываемой басни, то это значит, что он сам тоже есть не что иное, как большой осел...»

Децим громко запричитал:

— Ах я бедный! Надо было наказать негодяя тридцатью ударами ремня!

Квинтилиан грустно покачал головой и приказал рабу:

— Свистоний, иди теперь к детям на лужайку.

Раб покорно склонил голову, сложил дощечки и вышел.

Помолчав немного, Квинтилиан взял табличку Тутуция, внимательно перечитал написанное и сказал:

— Посмотри, Децим, он написал все без единой ошибки. Замечаний по грамматике у меня нет, все звучит складно, буквы выведены отменно, и слог хороший. Как ты оцениваешь эту работу?

Децим поднял на Марка удивленный взгляд и ответил:

— Марк, ты, наверно, шутишь? Он же назвал своего учителя ослом! При чем тут хороший слог и моя оценка?

— Согласен, сочинение, бесспорно, оскорбительное по содержанию и заслуживает порицания. Однако оно же составлено безукоризненно и формально заслуживает высшей оценки. Да, он назвал тебя ослом, но сделал он это складно, хорошим слогом и без грамматических ошибок.

Децим насторожился:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Для меня очевидно, что свойства ума мальчика заслуживают похвалу. Уровень этого сочинения обязывает меня перевести мальчика в группу ритора. Ему пора к старшим. Из него мог бы вырасти выдающийся оратор, однако нрав у него дурной; если его не исправить, то вырастет Тутуций безнравственным человеком и будет использовать свой дар в недостойных целях. Кто же виноват в том, что у мальчика дурной нрав? Конечно, его воспитатели. И в первую очередь, ты, Децим...

Децим опять схватился за голову и запричитал:

— Ах я несчастный...

Марк же продолжил:

— Выходит, что природа одарила мальчика острым и понятливым умом, способностями к наукам, а воспитатели вложили в него пороки и худые привычки. Он перенял много плохого от родителей, близких, но и от своего грамматика тоже. Не обижайся, Децим. Если мы не исправим это, то вырастет Тутуций в великого оратора, блистающего красноречием, который свои способности будет использовать лишь для худых дел. И чем больше расцветет его талант, тем больше может сделать зла.

Агелатус ответил, тяжело дыша:

— Что ты говоришь, Марк? Ты винишь в плохом нраве Тутуция?

— Да, в том твоя вина ошутима. Дети ведь перенимают твои поступки. А от тебя они видят только повелительную грубость, впитывая, как губки, твою жестокость. Эти пороки, возможно, уже не оставят их и в зрелых годах. Потому и захлебывается Рим от насилия, злобы, грабежей и войн. Тебе не стоит на меня сердиться. Тебе лучше бы изменить свое отношение к детям. Хочу, чтобы ты знал: я тебя люблю. Потому и прошу тебя, мой дорогой Агелатус, успокойся и обсудим, как ты будешь менять свои воспитательные принципы.

Децим выпил стакан холодной воды, остыл и ответил:

— Я тоже тебя люблю, Марк. Скажи мне, как я могу относиться по-другому к этим негодьям?

Квинтилиан ответил:

— Для начала тебе надо вместо негодяев увидеть перед собой посланников Неба. Тогда ты будешь блюсти в них чистоту и нравственность. Если они негодяи для тебя, ты будешь испытывать желание изощряться в наказаниях, хлестать ремнем побольней, кричать погромче. Ты будешь грозно смотреть, строго приказывать и принуждать. Как

следствие, ты получишь лишь только ответную ненависть. Посмотри на себя со стороны. Ведь именно это и происходит.

Агелатус развел руками:

— Что же мне делать? Хрисипп нас этому и учит — быть строгим, твердым, наказывать, когда надо... Я всему учусь у этого великого философа.

— Не только ты. К советам Хрисиппа, к сожалению, прислушиваются многие. Оттого у нас воспитание понукательное. От учителей только и слышны приказы — «Не делай! Не смей! Не шали!». Выходит, дети тебе, Децим, мешают жить. Если же это так, то лучше иди ты домой, оставь должность грамматика. Живи себе спокойно в деревне, где вместо детей рядом с тобой будут покорные овцы.

Децим сердито воскликнул:

— Так, я понял, к чему ты стремишься. Ты хочешь, чтобы я ушел из твоей школы? Скажи это прямо!

Марк ответил:

— Нет! Я тебя ценю, уважаю и хочу, чтобы ты остался. Но я также желаю, чтобы ты изменил свое отношение к подопечным и возлагал на них самую добрую надежду. Такая мысль возбудит заботу о них. Ибо школа наша называется Школой Радости! В ней нет места ремням и розгам...

— Хорошо. Допустим, я возжелаю того же. Как, по-твоему, я должен это делать?

— Подумаем вместе. Что это за существа, дети? Откуда и с чем они пришли в этот мир?

Децим усмехнулся:

— Известное дело, все пришли в этот мир из чрева матери! Вот откуда они появились.

Квинтилиан кивнул:

— Да! Их тела зародились там. Но кроме тел у них есть еще и души. Какое же чрево выносило душу? В чреве какой матери душа зарождается?

Децим пожал плечами:

— Я никогда не видел душу и не могу судить об этом. Ты сам-то что думаешь?

Квинтилиан взвесил ответ:

— В каждом ребенке есть нечто небесное. Это надо понимать и помнить! А высокие небеса никогда не пошлют на землю худое и вредное. Природа дарит людям способность к наукам. Это есть нечто врожденное в человеке. Птицам дано летать, зверям — быть свирепыми, а нам дан разум и понятливость. Откуда это все? С небес... Тупые и бестолковые головы появляются против законов природы. Их мало. В каждом ребенке мы видим многообещающее начало. Но это с годами исчезает. Следовательно, не природа в этом виновата, а недостаток воспитания. Если тебя убеждает эта истина, тогда ты должен исполниться надеждой и употребить всевозможное попечение о воспитании будущего оратора, а главное — человека.

Децим вопросительно взглянул на Марка:

— Ты хочешь сказать, что у каждого ребенка есть душа от Бога?

— Да! Я это говорю. Вот представь перед собой озорного малыша. Он бежит от тебя прочь и не желает твоего Гомера зубрить. У тебя уже наготове ремень, крик и приказы. Так учит тебя Хрисипп. Верно?

— Верно. А как же по-иному?

— По-иному взгляни на того же мальчика, и ты увидишь, что он не просто сорванец, а посланник небес. Как же ты будешь небесного посланника ремнем хлестать? Сам стань ребенком. Вспомни свои детские ощущения и верни их. Стань чистой и радостной душой, которая не знает обмана. Тогда в озорном мальчишке будешь находить черты божественного замысла... Если же ты его бьешь, он будет убегать... Это мы их учим врать,

предавать, ненавидеть и калечим их души. Наказанием, понуканием и жестокостью заставляем их перенимать все самое худшее, что накопилось в человеке и в нашей стране.

Марк встал, собираясь уходить, и сказал:

— Дорогой Децим, обещай, что подумаешь над этим.

Децим кивнул:

— Обещаю... Но это так сложно...

Квинтилиан направился к выходу, но там он задержался и добавил напоследок:

— Небеса насадили прекрасный цветущий сад в душе ребенка. Мы можем поливать и возделывать этот сад. Тогда ребенок вырастет в прекрасного богоподобного человека. Мы также можем вырвать все ростки, выровнять землю и построить там ипподром для скачек или цирк для гладиаторских боев. Тогда ребенок вырастет истинным римлянином, суровым и беспощадным...

3.

На лужайке Квинтилиан застал горячий спор между мальчиками, уже переходящий в потасовку. Новая азбука была заброшена, а два раба, Свистоний и Актуарий, безуспешно пытались успокоить подопечных. Марк быстро подошел к ним, и спор угас мгновенно.

Присев среди детей, ритор предложил им тоже расположиться на траве и обратился к ним вовсе не как к детям, а как к настоящим, взрослым гражданам великой страны:

— Господа, примите мое сердечное пожелание здравствовать. Могу я на время привлечь ваше внимание?

Дети уселись полукругом, и когда на лужайке воцарилась полная тишина, Марк продолжил:

— Во-первых, предлагаю возблагодарить солнце, которое решило послать нам сегодня такое приятное тепло. Думаю, в такую хорошую погоду лучше и нам отложить

распри и вспомнить, что мы друг друга любим, ибо мы все сыны великой родины, Рима!

Некоторые из детей взглянули на небо.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что наш школьный жрец, Ауспик, предвещал нам противоречивый день, и мы это видим. День начался не лучшим образом, однако в нем еще может быть много хорошего, и это должно нас всех ободрять.

После этого Марк заговорил тихо, еле слышно:

— Наконец, я требую напрячь ваше воображение и представить, что вы не подопечные грамматика на лужайке школы, а настоящие отцы-сенаторы. На руках вы носите золотые перстни, обуты в красную обувь, облачены в величественные тоги с пурпурными лентами. Но вы не просто сенаторы, а сенаторы честные, порядочные, вас переполняет любовь к своему народу, а движет вами не стремление к собственной выгоде, а добрая забота о семье, о родине, о стране...

К концу фразы Марк перешел на шепот, и среди мальчиков воцарилась такая тишина, что казалось, они слышали даже мысли их учителя.

Перед ними действительно ожили картины, нарисованные Квинтилианом. Им понравилось вообразить себя сенаторами, и они с удовольствием улыбались. Некоторые расправили плечи и подтянулись, напуская на себя важность.

Квинтилиан предложил им:

— Представьте еще, что собрались мы не здесь, на школьной лужайке, а в храме Юпитера на Капитолийском холме и находимся в окружении древних святынь...

Мальчики оглянулись вокруг, как бы с почтением приглядываясь к святыням.

— И наконец, представьте, что мы собрались, чтобы обсудить и принять мудрое решение относительно того,

что произошло сегодня... А я сенатор среди вас. Мы все равны.

Сделав паузу, Квинтилиан дождался, пока мальчики вживутся в образы:

— Вы будете обсуждать создавшееся положение как самые мудрые люди и как настоящие римляне. Вы должны убедить нас красивой речью. Представьте, что словами вы рисуете захватывающую картину. И ваша живопись должна восхитить нас!

Подождав еще немного, пока все сосредоточатся, Марк сказал:

— Теперь мы готовы обсудить, что сегодня случилось на вашем занятии с господином Агелатусом. Предлагаю слово сенатору Гнею Тутуцию. Обратите внимание, он не забудет, что в самом начале речь требует обращения к слушателям. Теперь, дорогой Гней, поведай нам, что случилось?

Хмурый Тутуций вышел перед всеми, встал в позу оратора и сказал:

— Господа сенаторы, господин ритор, большая честь и великая радость находиться в кругу столь благородных патрициев. То, что произошло сегодня на занятии, огорчает меня, как каждого из вас, ибо сегодня несправедливо пострадал я, а завтра может пострадать любой из вас, приумножая тем самым несправедливость господина грамматика... Все присутствующие помнят, господин грамматик часто называл нас ослами и сегодня выбрал басню, где мы, сенаторы, его подопечные, выставлены в роли ослов...

Услышав это, сенаторы разом осмелели.

Товарищ Тутуция Гелицион не смог усидеть и выкрикнул:

— Господин ритор, кроме ослов он нас обзывает еще козлами и другими низкими животными.

Дети зашумели, поддерживая, крича наперебой:

— Он еще больно бьет нас линейкой по рукам...

— Он все время кричит...

— Он даже матерится...

Второй товарищ Тутуция, Верминтий, выбежал вперед и перекричал всех:

— Подождите! Замолчите! Вы же сенаторы! Дайте досказать Тутуцию...

Квинтилиан грустно подумал: «Да... И кричат, как в настоящем сенате...»

Как ни странно, Верминтию подчинились, и Тутуций продолжил:

— Вы помните также, что господин грамматик приказал нам пересказать басню. Я честно выполнил задание и в конце так же честно сделал заключение, которое логически следовало из предпосылок басни. Если учитель видит в нас ослов, то, пытаясь научить ишаков грамоте, что для любого здраво рассуждающего сенатора есть глупость, сам есть осел. Это так же очевидно, как то, что мы сейчас под голубым небом. Теперь скажите: если я прикажу назвать цвет неба, что вы скажете? Скажете, что оно голубое. И если вас подвергнут наказанию за то, что вы способны правильно определить очевидное, неужели это справедливо и честно?

Квинтилиан внимательно слушал речь Тутуция, понимая, что ребенок продвинулся в искусстве красноречия дальше своих товарищей. Он говорил складно, красиво и ясно. Его доводы были убедительны и выводы у него разумны. Несмотря на то, что совсем недавно он был жестоко наказан, держался он достойно, хоть и чувствовалось, что его переполняют негодование и страсть мщения, что рано или поздно непременно подтолкнет его к беде. Его бы следовало перевести из группы грамматика в группу ритора немедленно. Он там не уступал бы старшим товарищам по успехам, хотя годами моложе. Но что же делать

с его дерзким нравом? Надо бы как-нибудь подтолкнуть Тутуция на то, чтобы он победил в себе злость и жажду мщения...

Понимая, что искоренять отрицательные черты характера Тутуция необходимо, Квинтилиан решил пока прилюдно и с излишком похвалить его за достижения, а с недостатками разобраться позже и наедине.

Чувствовалось, что Тутуций рассказал не всю правду. Чтобы подтолкнуть детей к откровенности, Марк добавил:

— Поблагодарим сенатора Тутуция за, бесспорно, красивую речь и глубокие выводы. Его слово мне понравилось, и уверен, что остальные сенаторы не остались равнодушными. Но я чувствую, что сказано было не все. Уверен, другие сенаторы захотят поведать и иные факты. Кто хотел бы высказаться?

Мальчики замялись. Сначала никто не хотел говорить, наконец, Верминтий решился выступить и, встав перед всеми, сказал:

— Господин ритор, я хочу дополнить картину.

Квинтилиан кивнул:

— Прекрасно, достопочтенный сенатор! Мы тебя слушаем.

Верминтий вышел вперед, поклонился всем и сказал:

— До того, как Тутуций написал господину грамматику то, что он... ну, такое низкое животное... До этого он договаривался с нами... Он сказал нам, что мы не решаемся сказать грамматику правду в лицо, однако все бы хотели это сделать. Мы подтвердили! Конечно, все бы хотели вернуть оскорбление грубому учителю! Тогда Тутуций сказал, что он способен отомстить за всех нас и обзовет господина грамматика... ну, низким животным... Также он потребовал плату от нас за свою смелость в размере десяти сестерциев...

Тутуцию не понравилось, что Верминтий раскрыл его хитрость, и ритор подметил в нем алчность. Он хмуро стиснул зубы, но промолчал, и Верминтий продолжил:

— Однако после наказания ремнем, выйдя сюда на лужайку, Гней потребовал от нас удвоить плату. Теперь он хочет по двадцать сестерциев. Он говорит о справедливости. Вы думаете, что это справедливо? Вот о чем мы спорили, когда ты, господин ритор, вышел к нам...

Вскочил со своего места Гелицион и выкрикнул:

— Это правда! Почему мы должны платить ему двадцать сестерциев, когда договорились только о десяти?!

Остальные отцы-сенаторы гулом выразили согласие.

Тутуций нахмурился еще сильнее.

Марк задумался, взвесил все и ответил:

— У меня сложилось собственное мнение, однако не знаю, можно мне высказываться перед вами? Господа сенаторы, могу ли я быть уверен, что говорю с друзьями?

Мальчики начали вскакивать и выкрикивать:

— Я твой друг...

— Конечно, мы — друзья...

— Я тоже хочу дружить с тобой...

Марк переспросил:

— Точно?

Мальчики загалдели:

— Да, да...

— Конечно...

— Точно...

— Мы — друзья...

Марк жестом успокоил их:

— Хорошо, тогда я выскажу вам свое мнение как друзьям и настоящим сенаторам, которые справедливость и свое слово ценят выше всех других ценностей... Итак, у нас сложилась вот такая ситуация. Тутуций совершил

смелый и очень дерзкий поступок. За это господин Агелатус решил наказать его десятью ударами. Друзья хотели выразить признательность Тутуцию деньгами в размере десяти сестерциев на каждого, однако сам Тутуций после наказания потребовал удвоить вознаграждение. Мне интересно почему? Пусть сам Гней нам это пояснит. Я хочу послушать его еще раз. Пусть он только помнит, что свои мысли надо выражать красиво и складно.

Мрачный Тутуций встал и сказал:

— Сенаторы, я благодарю господина ритора за то, что он предоставил мне возможность защитить свою позицию. Спешу перейти к сути дела. Уточним, что же мы имеем? Я высказал общее мнение в лицо господину грамматiku. Все сенаторы согласны, что я заслужил скромное вознаграждение за смелость в размере десяти сестерциев от каждого. Это все признают. Но после того, как я сказал правду, меня выпороли. Я выступал от имени каждого, и, получается, в моем лице был наказан каждый. Однако били одного меня, ремень никого другого не касался, хотя удары предназначались всем. Так почему бы мне не попросить дополнительно по десять сестерциев с каждого за полученное наказание, которое предназначалось всем? Это ведь и правда мало. Всего лишь сестерций за каждый удар... Вот и получается, что я справедливо прошу десять сестерциев за смелость и другие десять сестерциев прошу не менее справедливо — за порку.

Услышав этот аргумент, мальчики неохотно притихли.

Тутуций продолжил:

— Если никто не может возразить, тогда прошу вас, сенаторы, соберите нужную сумму и помните, что вы платите за защиту вашей чести, а она стоит гораздо дороже, чем какие-то жалкие золотые сестерции...

Сенаторы все разом приуныли.

Квинтилиан внутренне улыбался и не мог не восхищаться остротой ума Тутуция. Но одновременно его огорчало, что эту остроту ума Тутуций направлял на получение выгоды.

Квинтилиан с грустью представил, какие злые дела сотворит Тутуций, если пороки его души будут множиться. Но какая же будет радость, если в нем расцветет благодетель и, пересилив себя, Тутуций вырастет благородным человеком, использующим способности свои на благо людей и на добрые дела...

Квинтилиан решил, что он сможет больше повлиять на Тутуция в группе ритора, и сказал:

— Господин Тутуций, должен сказать, что в тебе уже открываются требуемые способности к изучению высшей науки, и я с удовольствием перевел бы тебя в старшую группу, но не могу это сделать прямо сейчас, ибо тебя переполняют низкие страсти: злоба и корысть. Сможешь ли ты от них освободиться? От этого будет зависеть твоё продвижение.

Глаза у Тутуция загорелись от противоречивых чувств. Его охватила радость от возможности перейти в группу ритора, но радость смешивалась с отчаянием от неведения, как же освободиться от недостатков.

Дыхание у него участилось, и, не зная, что сказать, Тутуций спросил:

— Неужели я смогу учиться у ритора?

Тут вскочили и другие мальчики.

Верминтий сказал:

— Мы тоже хотим к ритору...

Гелицион подхватил:

— Да! Позволь и нам!

Марк ответил:

— Господа сенаторы, я буду смотреть не по вашим ледам, а по вашим успехам в учении. Как только я увижу в вас

столько знаний, сколько необходимо для принятия наставлений от ритора, то немедленно поручу вас его попечению. Проявляйте больше прилежания, и вы добьетесь великих успехов...

Тутуций спросил:

— Я очень хочу освободиться от низких страстей и получать наставления от ритора... Скажи, господин ритор, как мне быть?

Марк улыбнулся:

— Разберись в своей душе, и только сильное желание взлететь подскажет, как развернуть ее к небесам... Всегда помни о том, что настоящим оратором никто не сможет стать, не будучи человеком честным, порядочным и благородным!.. Свистоний, отведи теперь детей к господину грамматiku. Они хотят прилежно учиться, чтобы поскорее перейти в группу ритора. Не забудьте вашу новую азбуку из слоновой кости.

4.

Завершив беседу на лужайке, Марк направился в группу ритора.

Там, в спокойной обстановке, с детьми работал Викторий Марцелл, близкий друг Квинтилиана. Он диктовал детям разделы декламации, которые они должны были подготовить к близкому концу учебного года.

Обычно юноши читали свои ежегодные сочинения в присутствии множества гостей и получали оценки слушателей. Выбирался победитель.

Квинтилиан вошел так тихо, что дети его не заметили. Сидя с дощечками для письма на коленях, они продолжали старательно водить стилусами, записывая слова Виктория:

— До конца учебного года мы продолжим изучать искусство изложения сути. Вы знаете, что речь ваша предваряется

вступлением. Напоминаю, главная цель вступления — снискать благосклонность слушателей и подготовить умы присутствующих для последующего изложения сути. В начале речи хорошо использовать метафоры и фигуры. Желательно, чтобы голос был ровным и мужественным, а слог — сильным и убедительным.

Викторий остановился, дождался, пока все запишут за ним, и продолжил:

— Подготовив слушателей вступлением, мы переходим к изложению самого дела. Это и есть суть. Тут надо возбудить и негодование, и радость. Надо привлекать внимание слушателей острыми мыслями, надо держать их умы в своей власти. Чтобы стать настоящими ораторами, в этом искусстве вы должны тренироваться и превзойти остальных... А теперь я хочу остановиться и передать слово господину главному риторю, который только что почтил нас своим присутствием...

Мальчики оглянулись и с радостью приветствовали Марка хором:

— Да пошлют тебе боги счастья!

Марк встал перед ними и оглядел их...

Он видел перед собой не юношей, еще не готовых для жизни и для великих дел... Он видел в них пронизательных политических деятелей, мудрых полководцев, опытных судебных защитников и честных обвинителей. Он видел перед собой будущее великой страны, которая будет держаться на плечах этой молодежи. Им сейчас по 12–15 лет, скоро они покинут стены школы и возьмут управление страной в свои руки.

Будущее государства сейчас здесь, перед Квинтилианом!

Все они из достойных и богатых семей.

Вот Церебрий Тибр, из патрицианского рода Клавдиев. Его дед — сам божественный Клавдий Цезарь, почивший

император Рима. Церебрий победил на ежегодных декламациях в прошлом году и проявляет особые способности к праву. На нем будет держаться правосудие Рима. Как же важно укрепить ростки честности и порядочности в его душе, чтобы не польстился он на золото, чтобы справедливость торжествовала при нем в суде.

Рядом с ним Салсумус из не менее знатного рода Сервилиев. Его дядя недавно два раза подряд избирался консулом Рима, и вполне возможно, что на его плечи ляжет управление страной. Он отличный лидер, и в его власти будет развязывать войны, заключать мир и вести переговоры. Как же важно, чтобы он понимал, что жизнь и судьба сотен тысяч граждан зависит от одного его слова. Как же важно посеять в нем семена любви ко всему человечеству, чтобы заботился он о каждом человеке из огромной толпы и знал, что жизнь в каждом человеке — это божественная искра, которую надо хранить и лелеять.

Здесь же Урбанум. Он принадлежит богатому, но плебейскому роду Урдиниев. Его предки веками занимаются хлебопечением. У него большие способности к торговле. Он будет сказочно богат. Как же важно, чтобы им не овладевали скупость и жадность. Как же важно разбудить в нем доброту и участие, чтобы он богатства свои приумножал на благо Родины и всего общества и не привязывался только к роскоши.

Позади них Фортис. Он невысокого роста, но он из великого рода отважных всадников Болдов. Он ловкий и сильный. Сам мечтает поскорее стать всадником и отправиться в поход в далекие варварские страны. Всю жизнь будет держать он в руках оружие! Как же важно облагодетельствовать его душу пониманием необходимости ненасилия! Не дай бог он ошибется и в порыве ярости направит свое оружие на невинные и беспомощные жертвы... Пусть даже они будут варварами.

Здесь же прилежный Элоквенций. У него горят глаза, и он усердно готовится к ежегодной декламации, чтобы победить на ней. В прошлый раз ему это не удалось, но теперь он полон решимости превзойти товарищей. Он будет стремиться быть первым и по жизни...

Но это ли главное? Для того ли Бог даровал людям свет, чтобы они соревновались друг с другом? Чтобы они стремились быть быстрее, проворнее, изворотливее товарищей?

Неужели душа нам досталась лишь для борьбы с другими?

Ответ пришел сам, и Марк сказал детям:

— Мои дорогие ораторы! У меня язык не поворачивается назвать вас будущими ораторами, ибо вы искусные ораторы уже сейчас. Я пришел к вам с несколькими свежими мыслями, которые могут быть очень полезны для вашего дальнейшего становления. Вначале обсудим вопрос содержания. Викторий, напомни, на какую тему вы собираетесь писать ежегодные декламации?

Викторий ответил:

— Мы еще не решили.

Квинтилиан кивнул и задумался:

— Вижу, вы быстро взрослеете и уже способны нести ответственность как настоящие граждане Рима. Скоро вы наденете тогу и начнете самостоятельную жизнь. Чтобы прожить эту жизнь достойно, вам необходимо иметь зрелый ум, благородное сердце и широкую душу. Вы готовы брать на себя ответственность как взрослые?

Дети оживились и хором подтвердили, что готовы.

Тогда Марк сказал им:

— Я предлагаю вам самим определить тему для декламаций. Пусть каждый желающий предложит тему на выбор, а потом вы сами выберете честным голосованием.

Детей обрадовало это предложение.

— Это здорово!

– Мы сами выберем тему!

– Господин ритор, спасибо за такую возможность...

Квинтилиан продолжил:

– Вы все достойные лидеры. Подумайте и предложите нам интересные темы. Кто хочет начать?

Первым вызвался Фортис Болд. Мальчик вышел вперед и сказал:

– Предлагаю сочинить хвалу Римской армии. Я думаю, это будет достойная речь, так как наша доблестная армия сражается с варварами по всему миру на благо и на счастье нашей великой Родины.

– Спасибо, Фортис. Мы принимаем твоё предложение для рассмотрения. Кто еще выскажется?.. Послушаем теперь Урбанума.

Урбанум предложил:

– Последнее время я думаю о различиях жизни в городе и в селе. Где выгоднее жить исходя из интересов дела? Я посчитал, что можно хорошо зарабатывать земледелием, скажем, возделывая маслиновые или яблоневые сады, но не менее доходным будет строительство новых пекарен в колониях, где нехватка хлеба. То есть можно жить и хорошо зарабатывать в городе. Поэтому было бы интересно написать сравнительное сочинение, лучше сельская жизнь или городская?

Квинтилиан сказал:

– Поблагодарим Урбанума. Это тоже хорошая тема. Теперь обратимся к Элоквенцию.

– Я хочу предложить другую тему на сравнение. Она связана с тем, что скоро, после окончания школы, все мы будем стоять перед выбором. Как продолжить свою жизнь? Некоторые из нас могут выбрать карьеру в армии, другие – карьеру оратора. Поэтому было бы интересно написать сочинения на тему «Кто приобретает больше славы: ораторы или военные – и почему?»

Квинтилиан кивнул:

— Хорошо, спасибо, Элоквенций. Что скажет Салсумус?

Салсумус выступил вперед и сказал:

— Господин главный ритор, господин Викторий и дорогие коллеги... Хочу предложить совместную тему, которую я обсуждал с Церебрием. Мы решили представить ее совместно.

Марк спросил:

— Хорошо, кто из вас озвучит тему?

Салсумус ответил:

— Я бы пожелал, чтобы тему озвучил Церебрий, если он сам не против...

Церебрий встал и сказал:

— Благодарю, Салсумус, благодарю всех... Вчера мы слышали про волнения по всему Риму. Дело касается казни четырехсот рабов.

Мальчики подтвердили:

— Да, и мы слышали.

Церебрий продолжил:

— Напомню вам суть произошедшего. Недавно префект Рима, господин Педания Секунд, великий римский муж, был убит одним из своих рабов. Согласно древнему обычаю нужно казнить всех рабов, которые живут под той же кровлей, а их было у господина Педания четыреста. Сейчас народ взволнован, ибо большинство рабов невиновны. Мы знаем, что это обсуждалось даже в сенате. Исходя из важности и актуальности этого вопроса мы предлагаем написать декламации на тему рабства. Мы придумали и название: «Кто такие рабы — наши друзья, враги или просто вещи, которыми мы владеем?».

Ученики невольно втянулись в спор и заговорили, перебивая друг друга:

- Нельзя казнить невиновного...
- От древнего обычая тоже нельзя отступить...
- Рабы не могут быть друзьями...
- Но они же люди! Как люди могут быть вещами?

Квинтилиан поднял руку и, когда мальчики замолкли, сказал им:

– Господа ораторы! У нас несколько тем на выбор. Я не буду их перечислять еще раз, ибо уверен, вы их прекрасно помните. Сейчас предлагаю проголосовать. Пусть каждый объявит нам свой выбор, а Викторий запишет.

Викторий кивнул и немедленно приготовился записывать. После этого мальчики поочередно встали и заявили о своих предпочтениях. Почти единодушно была выбрана тема о рабах.

Викторий объявил:

– По решению всей группы, основываясь на свободном волеизъявлении, для ежегодной декламации мы выбрали тему, предложенную Церебрием и Салсумусом. Тема звучит так: «Кто такие рабы – наши друзья, враги или просто вещи, которыми мы владеем?».

Марк сказал:

– Мы должны поблагодарить Церебрия и Салсумуса. Они предложили важную для нас тему, которую вы сами утвердили. Начинайте работать, а я обещаю, что скоро устрою вам поход...

Это вызвало всеобщее оживление:

- Поход!!!
- Это же прекрасно!
- Куда мы пойдем?!

Марк ответил:

– Для обогащения ваших знаний о рабах я поведу вас в поход на Форум, в лавку работоторговца. Там мы увидим, кого предлагают на продажу, и сможем поговорить

с работоторговцем. Думаю, это даст вам богатый материал для работы над вашей декламацией.

Мальчики радостно аплодировали. Викторий сказал:

— Мы должны выразить особую благодарность господину главному ритору за такую возможность.

Каждый желал выразить свои чувства:

— Спасибо тебе, наш любимый ритор!

— Благодарим!

— Это неожиданная радость!

Кивнув, Марк жестом руки остановил всех и сказал:

— Я вижу, что вы взрослеете на глазах! Поэтому я хочу предложить еще одно. Давайте проведем ежегодное соревнование в декламациях по новым правилам.

Дети удивились:

— Новые правила?

— Какие?

Марк ответил:

— Прежде каждый из вас соревновался со всеми остальными и мы выбирали сильнейшего. Сейчас же я хочу, чтобы каждый соревновался сам с собой...

— Как сам с собой?

— Как же нам побеждать себя?

— Старайтесь превзойти свои прошлые достижения в декламациях. Почетное звание лидера получит тот, кто преуспеет в этом. Ведь гораздо интереснее соревноваться с собой, нежели с товарищем, и намного почетнее превзойти самого себя.

Дети согласились:

— Да! Это справедливо.

— Пусть каждый побеждает самого себя!

Квинтилиан сказал:

— Помните, на ежегодных декламациях вас будут слушать великие граждане Рима, сенаторы, военные, деловые

люди, известные ораторы, ваши родители. Поэтому я жду от вас речь ясную и трогательную, с тонкими и четкими доказательствами, с изящными шутками. Вы должны возбудить интерес и склонять умы слушателей на свою сторону. Используйте эту возможность декламировать перед высокой аудиторией, сделайте вашу речь более выразительной, свой голос более звучным и свои выступления — более глубокими.

Юноши отвечали:

— Да, да! Мы сделаем все возможное!

— Спасибо тебе, главный ритор!

— Мы оправдаем твои надежды...

Вдруг из портика послышались приближающиеся звуки строевого шага.

Викторий удивленно посмотрел на Марка:

— Что это?

Квинтилиан ответил:

— Надеюсь, что сейчас все узнаем.

Через несколько секунд шторы на колоннаде раздвинулись и на порог класса вступил императорский ликтор... Его обязанность — сообщать всем присутствующим о высокой особе, которая предстанет перед публикой. Ликтор держал в руках фицию, цветной топорик. Он строго оглядел класс, поднял топорик над головой и объявил:

— Перед вами господин трибун преторианской гвардии, величественный и могучий Гай Софоний Тигеллин!

Сказав это, ликтор отступил в сторону, и за ним в класс вошел тучный военачальник, командир императорской гвардии, в сопровождении небольшой группы хмурых солдат. Юноши встали и восхищенно приветствовали гостей.

Квинтилиан поклонился:

— Господин трибун, добро пожаловать в нашу Школу Радости! Перед вами главный ритор школы Марк Фабий

Квинтилиан. Рядом со мной ритор Викторий Марцелл. С нами группа юных ораторов. Мы все рады служить Отечеству!

Тигеллин внимательно осмотрел детей и стены класса. Его взгляд на мгновение остановился на каменном бюсте императора, и потом он сказал без приветствия:

— От имени великого понтифика, трибуна, консула, императора и отца Отечества, божественного Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика призывается ритор Марк Фабий Квинтилиан, который должен последовать за нами немедленно!

Возглас удивления пронесся среди мальчиков.

Викторий стоял молча.

У самого Квинтилиана спутались мысли. Он пытался понять, что происходит. Куда его хотят вести? Был естественный порыв спросить Тигеллина прямо сейчас, с какой целью его приглашают? Но Марк понимал, что нельзя ни о чем спрашивать начальника преторианцев. Он ведь не просил, а приказывал. Надо сначала подчиниться ему, а потом уже действовать.

Ведь он исполнял волю императора. Императору же надо подчиниться, даже если он прикажет умереть...

Да! Марк прекрасно знал, что и такое бывает.

Марк ответил Тигеллину сдержанно, не выдавая своих тревожных мыслей:

— Я всегда готов служить божественному императору на благо великого Отечества!

Тигеллин удовлетворенно кивнул и приказал:

— Следуй за нами, ритор!

Квинтилиан обратился к юношам:

— Достопочтенные господа ораторы! Как видите, обстоятельства вынуждают меня покинуть вас. Прощаюсь и жду от вас прекрасной работы. Будьте здоровы!

2. Будни ратора

Тигеллин повернулся, пропустил ратора вперед, и солдаты зашагали к выходу.

Юноши вскочили с мест и бросились вперед посмотреть, как удаляется вся группа.

Они говорили:

— Сам император послал за нашим главным ратором!

Третья глава

Пир земного бога

1.

Солдаты шли молча, строго печатая шаг по мраморному полу портика, уводя ратора. Весть об этом событии распространилась по всей школе со скоростью молнии. Мальчики и юноши выбежали из классов, чтобы увидеть это небывалое зрелище – императорская гвардия сопровождает главного ратора к самому императору.

Дети шептались:

- За ним приехал сам трибун преторианской гвардии!
- Видишь, наш ратор великий человек!
- Это дела государственной важности!

Элоквенций и Калидус были переполнены гордостью.

Однако сам Марк, вспомнив свой утренний сон и предсказание Ауспика, не радовался происходящему. Он чувствовал на себе недружелюбный и строгий взгляд Тигеллина. Возможно, трибун знал причину происходящего, но сообщить об этом не торопился.

Враждебность Тигеллина усилилась, когда у школьных ворот их догнала напуганная Витруция. Он преградил ей дорогу и приказал:

– Не подходить! Ратор находится под охраной преторианской гвардии.

Она недоуменно воскликнула:

- Марк, любимый, что происходит?
- Все хорошо, дорогая... Я вернусь к обеду...

Несмотря на запрет, Витруция сделала шаг к своему мужу, но Тигеллин грубо остановил ее и грозно сказал:

— К сопровождаемому нельзя приближаться!

Витруция удивилась:

— С каких пор его надо охранять от меня?

Марк вмешался:

— Дорогая, подчинимся господину трибуну. Он выполняет волю божественного императора! Обещаю, я вернусь очень скоро...

Оскорбленная Витруция отступила и тихо заплакала, а душа Марка разрывалась от беспомощности.

Тем временем солдаты вышли за школьные ворота на шумную улицу, где их ожидала императорская лектика — носилки с восемью рабами, готовыми тронуться в путь.

Тигеллин быстро подошел к лектике, отдернул штору с вышитым императорским гербом и сказал смущенному Марку:

— Тебе сюда, ритор. Лектика для тебя. Заходи и устраивайся там поудобнее...

Марк кивнул, неуклюже сел на мягкие подушки роскошных носилок и перед тем, как Тигеллин задернул штору, успел послать воздушный поцелуй заплаканной Витруции.

Ликтор встал во главе шествия, высоко взмахнул своей фисцией-топором и под восхищенные возгласы мальчиков и юношей громко закричал:

— От имени божественного императора! Приказано всем расступиться! Дорогу императорской лектике!

В то же время Тигеллин приказал:

— Преторианцы, вперед!

Рабы ловко подхватили лектику на плечи, так что она оказалась над головами прохожих, и отряд зашагал по Взвозу Каспариев вдоль терм Каракаллы.

Чем дальше они продвигались, тем многочисленнее становились улицы, и ликтор вовсю использовал свою мощную глотку, громогласно призывая толпу оказать шестивию достойное уважение. Народ в страхе шарахался, кланялся то грозным преторианцам, то величественным носилкам, а в узких переулках люди прижимались к стенам домов.

Марк наблюдал за суматохой с плеч рабов и чувствовал себя неловко. Он видел, как солдаты отгоняли копьями замешкавшихся, и удивлялся, как быстро может продвигаться столь многочисленный отряд по запутанным улицам Рима.

Вот они уже оставили позади Авентин, многочисленные пекарни на улице Хлеботорговцев, вышли на шумный Форум через улицу Аргилет и, прошествовав вдоль храма богини Весты с курящимися жертвенниками, начали подниматься по Священной Дороге на Палатинский холм, к императорскому дворцу, который возвышался над Римом и над всей вселенной, как земная обитель богов.

Высокие ворота дворца распахнулись перед ними, как по волшебству, и, пропустив отряд, с грохотом затворились, вызвав в душе Марка новую волну беспокойства. Они прошествовали по громадному дворцовому саду и остановились у входа в величественный портик. Здесь рабы ловко опустили лектику, а Тигеллин отдернул штору и приказал:

— Выходи, ритор. Мы прибыли...

Спустившись на каменные плиты, Марк поправил на себе тогу.

Тигеллин подозрительно посмотрел на него и приказал следовать за ним по высокому криптопортику, который соединялся с огромной колоннадой с величественными статуями.

Здесь Тигеллин властным жестом остановил Марка и сказал:

— Не хочу унижать тебя досмотром. Поверю на слово. Носишь ли ты на себе что-нибудь острое?

Марк переспросил с удивлением:

— Что?

Тигеллин уточнил раздраженно:

— Есть ли под твоей тогой кинжал, нож или другое оружие?

Квинтилиан твердо ответил:

— Не имею другого оружия, кроме слова.

Этот ответ удовлетворил Тигеллина. Он мрачно кивнул, приказал: «Жди здесь!» — и исчез за колоннами, оставив ритора одного.

Постояв немного, Квинтилиан осторожно осмотрелся.

Вся колоннада была богато украшена мраморными и бронзовыми фигурами богов и божественных императоров. Они отличались размерами. Некоторые были в человеческий рост, другие — еще выше.

Но центральная статуя превосходила остальные. Отличая из чистого золота, она гордо поглядывала из-под потолка, словно из поднебесья. Это было изваяние ныне здравствующего императора, божественного Нерона.

Марк подошел к ногам золотого императора, с удивлением начал прикидывать, как много золота ушло на нее, взгляделся в истинно божественные черты и подумал: «Я никогда не видел его вживую... Интересно, какой он на самом деле?»

Увлечшись созерцанием статуи, он не заметил, как за его спиной появилась живая фигура...

Неизвестный осторожно приблизился, постоял немного и сказал приятным низким голосом:

— Приветствую тебя, величайший из риторов!

Марк вздрогнул от неожиданности, резко обернулся и, узнав великого стоика, воскликнул:

— Ты в Риме? Я тоже приветствую тебя... Сенека!

2.

Да, это был Сенека — старый, но не потерявший гордой осанки. Он пристально посмотрел в глаза Квинтилиану, и Марк почувствовал, что было некоторое несоответствие во взгляде философа. С одной стороны, он излучал уверенность и вселенскую мудрость, но вместе с тем проскальзывало сомнение и неуверенность. Сенека смотрел на ратора, как будто искал в нем некоторую опору, потом тихо сказал:

— Высокая честь находиться рядом с прославленным воспитателем великих умов. Ты известен всему Риму.

Квинтилиан поклонился и ответил:

— Ты великий стоик, Сенека. Твои слова на вес золота, и к ним прислушивается вся империя.

Сенека ответил с горечью:

— Я был доволен своим уделом, когда всемогущая Фортуна улыбнулась лживой улыбкой и очень высоко вознесла меня лишь для того, чтобы я упал с высоты...

Марк удивленно взглянул на философа:

— Что ты говоришь? Ты ведь воспитатель самого императора, имел власть неограниченную... О каком падении ты говоришь?

Сенека ответил:

— Уж лучше жил бы я на своей скалистой Корсике, вдалеке от завистливых глаз, где мой вольный дух сам себе и принадлежал. Там я имел досуг для излюбленных занятий. С радостью созерцал красу небес, величественное зрелище. Я наблюдал, как в небе солнце движется, как ночь сменяет день, как беспределен свод эфира... И не

заботился о том, как все рушится, возвращаясь к слепому хаосу. Тогда настанет последний день, небо рухнет и погребет весь род людской, забывший благочестие...

— Ты говоришь о вселенском бедствии?

— Я говорю о судном дне, который похоронит все пороки. Лишь тогда Земля вновь родит совершенных людей. Лишь тогда вернется давно забытая гармония... Святая Верность вместе с девой по имени Справедливость опять народом кротко будут править, не будут люди знать войн, оружия не будут ведать, и города стеной никто не будет обходить... Повсюду откроется путь, и люди сообща будут всем владеть... А счастливая Земля по доброй воле откроет свое плодоносное лоно, чтобы опекать благочестивых детей своих.

Марк слушал эту речь со смешанным чувством изумления и восхищения:

— Сенека, про что ты говоришь?

— Я говорю про прошлое в грядущем. Ведь как мы пали, посмотри... Вначале жили праведные люди в безмятежности, справедливости и верности. Это была золотая пора человечества. Потом забыли мы и безмятежность, и справедливость, и верность. Сначала придумали новые хитрые искусства, зверей по лесам преследовать, рыб сетью из реки вытаскивать, птиц дудочкой в ловушки заманивать, подчинять быков ярму и землю лемехом ранить... Тогда и скрыла земля от нас свои плоды... Прошли тысячелетия, и настал наш новый век, всех прежних хуже. Люди проникли в недра матери-Земли. Тяжелое железо отыскали и золото и в руки взяли копье и меч. Потом границы между царств проложили, новые воздвиглись города, и алчность погнала людей к чужим жилищам за добычей... Нравы гнусные увидели богини и с Земли сбежали... Вот тогда возросла воинственность и жажда золота, и весь

мир земной объяла страсть к наслаждениям, питаемая нашими заблуждениями. Сейчас мы тонем в пороках. Нас гнетет жестокий век, злодейство и бесчестие царствуют. Все одержимы постыдной похотью. Страсть к наслаждениям алчной рукой гребет богатство лишь для того, чтоб по ветру пустить... Так вот к нам с видом сумрачным Нерон пришел... Как он тебе?

Марк удивленно оглянулся, думая увидеть приблизившегося Нерона, но Сенека указал на громадную золотую статую и переспросил:

— Как тебе золотой божественный император?

Марк ответил:

— Он и есть воплощение божества... Ты же его наставлял...

Сенека наклонился к ухуритора и произнес еле слышно:

— Да, я наставлял его. Покойная мать Нерона, Агриппина, поставила меня его наставником. Но я учил его высшей доблести — быть славным между славными, беречь Отчизну, миловать униженных, не распалиться гневом, избегать резни, дать мир земле и покой своему веку. Потом ему покорилась судьба, вручив бразды правления. Моря и земли подчинились его воле, и сенат и всадники были за него! Отцы признали его миротворцем и судьей, дан бы ему священный титул Отца Отечества... Рим вверил ему всех своих граждан.

— Верно! И ты долго помогал ему, однако потом неожиданно удалился от государственных дел и уединился в деревне... Но сейчас ты в Риме, в императорском дворце, стоишь передо мной... Что все это может означать? Почему мы здесь?

— Это означает, что Он нас сюда позвал. Поговорим об этом позже. Расскажи сначала о себе.

Квинтилиан ответил:

— Я работаю не покладая рук, чтобы увидеть моих воспитанников благополучными и свободными от пороков в обществе добродетельном и счастливым.

Сенека улыбнулся:

— Счастье... Как сложно найти путь к счастью! Кто скажет, куда идти, чтобы его достигнуть? Не дай бог сбиться с пути. Тогда нам будет казаться, что мы бежим к счастью, а на самом деле будем быстро удаляться от цели.

Квинтилиан ответил:

— Так часто бывает. Это плачевно. Я понимаю, ты имеешь ввиду, что люди ошибочно ищут счастье в богатстве и в удовольствиях. Я пытаюсь показать моим подопечным губительность такого поиска. Счастье нужно искать в благодеяниях.

Сенека кивнул:

— Мы с тобой, дорогой мой Марк, мыслим одинаково. Видим пороки и пути их искоренения, делаем все, чтобы не тратить нашу короткую жизнь на заблуждения. И цель мы ставим перед собой одну — сделать счастливым все общество. Мы ищем, куда идти, как не сбиться с пути и как не уподобиться овцам, которые всегда следуют за стадом.

— Согласен. Общее мнение никогда не приводит к счастью.

Сенека ответил:

— Истинно так! Народ почему-то всегда встает на защиту того, что несет ему беды. Одни и те же вещи мы то одобряем, то порицаем, выбираем преторов и вскоре казним их. Теперь я знаю точно: если большинство на этой стороне, значит, эта сторона хуже, тут не найти добродетели.

— Да! Добродетель — великое достоинство! Вот ее я и пытаюсь привить своим подопечным прежде всего.

Сенека обрадовался:

— Вот именно! Однако как тяжело воспитывать добродетель в сегодняшнем мире, тонущем в тяжких пороках. Наши наставления в стенах школы произносятся шепотом, в то время как разврат выставлен на всеобщее обозрение. Мы учим и воспитываем детей, пока они возле нас. Но как только они уходят, общество уничтожает плоды наших трудов и разлагает души.

Квинтилиан грустно улыбнулся и ответил:

— Это правда. Наши наставления тонут в порочном окружении.

— Вот и возникает краеугольный вопрос. Как изменить все общество к лучшему? Как развернуть этот громадный корабль к добродетели? Мне говорили, это невозможно! Но я вознамерился невозможное сделать возможным. Хочу поделиться своим мнением, пока мы тут ждем. Только встанем посередине этого огромного зала, чтобы нас никто не услышал. Я хочу пооткровенничать с тобой...

Квинтилиан кивнул:

— Я буду внимать с радостью...

Они переместились в центр, и Сенека сказал тихим голосом:

— Я мечтал воспитать мудрого правителя Рима, и однажды мне представилась такая возможность. Меня пригласила ко двору Агриппина, мать Нерона, и доверила воспитание юного царевича. Не жалея сил, я приступил к делу. Я хотел передать будущему императору все лучшие знания. Ведь знание это благо, а незнание — зло. Нам же дан от Бога разум. Этим и отличается человек от животных и приближается к богам. Я хотел воспитать в будущем правителе совершенный разум, ибо это есть благо, присущее человеку, а все остальное он делит с животными. Я занимался с мальчиком, не жалея сил. Все мои ученые занятия получили известность благодаря тому, что я оставался

в глазах остальных людей человеком, давшим императору знание и азы всех наук. Он стал прекрасным оратором, познал глубину философии и искусства. Потом он стал императором и сразу попал под влияние родовитых сверстников. Как и бывает с неопытными юношами, он быстро сбился с пути, окунулся в разврат и чревоугодие и, почувствовав самостоятельность, быстро забыл мои наставления. Он имел перед глазами пример, как должна действовать верховная власть, но он смотрел в другую сторону. После нескольких лет правления денежные поборы начали опустошать страну, были даже ограблены храмы в Риме, из святилищ изымались не только дары, но и статуи богов, и я меня уже не было власти противостоять злу...

Квинтилиан сказал:

— Это печально.

Сенека опустил голову:

— Было бы печально, будь то судьба одного человека.

Но для империи это беда!..

Сенека сделал длинную паузу, огляделся вокруг и, убедившись еще раз, что никто их не может услышать, продолжил шепотом:

— Увидев тщетность своих усилий и почувствовав угрозу жизни, я попросил у императора дозволение уединиться в своем деревенском поместье на Аппиевой дороге. Время, прежде расходуемое на управление садами и владениями, теперь было посвящено внутренней жизни. Богатство, которое окружало меня, научило меня быть равнодушным к богатству. Потом случился пожар...

В памяти Марка всплыли страшные картины разрушительного бедствия, которое продолжалось больше недели. Огонь пожирал все! Слава богу, школа избежала гибели, но многие люди погибли или остались без крова...

Сенека продолжил:

— Теперь что-то заставило императора вызвать меня к себе. Я вернулся в эту столицу вселенной и ужаснулся в очередной раз. Как возможно здесь жить? Сколько глоток орет во все тяжкие, сколько рук стучит по меди, эти звуки кузнечного молота... Дым кухонь... Неопределенность происходящего и море разврата... Что же я делаю здесь, где мои советы уже давно никому не нужны?

Квинтилиан задумался:

— Тем более загадочно, что делаю здесь я... Ты не пытался узнать у императора причину?

Сенека кивнул:

— Конечно, я спрашивал, когда он дозволил мне побеседовать с ним пару минут, но он не ответил. Думаю, нам предстоит узнать это одновременно. Император лишь приказал мне найти и пригласить лучшего ритора, я и назвал тебя. Ты здесь по моей милости. Сейчас осталось все прояснить.

Квинтилиан долго смотрел на Сенеку, не зная, что сказать...

Заговорил сам Сенека:

— Надеюсь, что я не втянул тебя в пагубное дело...

Квинтилиана насторожило то, что эти слова философ произнес неуверенно. Опять вспомнился утренний сон, и тут в конце колоннады появилась фигура Тигеллина.

Он молча пригласил их следовать за собой.

Сенека сказал:

— Вот и час истины близится!..

3.

Пройдя колоннаду и прошествовав сквозь живой коридор из преторианских солдат, Сенека с Квинтилианом очутились у порога огромного пиршественного зала, где их встретил подвыпивший юноша с небольшим копьем на

плече и серебряным кубком в руке. Он с важностью оглядел гостей, показал свое копьё и представился:

— Я копьеносец. Меня зовут Дорифор. Говорят, что я самый мужественный муж! Мне самому трудно судить о себе, но я, возможно, буду не против, если вы пожелаете меня узнать поближе...

Сказав это, Дорифор подмигнул им и вдруг так гнусно расхохотался, что Квинтилиану стало дурно от его гримас.

На лице Сенеки не дрогнул ни один мускул.

Дорифор продолжил развязно:

— Шучу я... Здесь мы все шутим... Добро пожаловать на праздник! Помните, через порог императорского триклиния нужно вступать только с правой ноги! И на порог, упаси боги, не наступать!

И они вступили...

Перед ними открылся огромный благоухающий зал с запахами яств и веселыми возгласами. То тут то там мелькали фигуры девушек и юношей, разносивших угощения.

Дорифор приложился к кубку с вином, осушил его, потом взмахнул копьём и громко объявил:

— Прибыли дорогие и долгожданные гости! Встречайте величайшего философа Луция Аннея Сенеку и великого риторика Марка Фабия Квинтилиана! Они нас будут учить, как нам стать счастливыми! Хотя здесь вряд ли кто в этом нуждается. Ибо у ног божественного императора мы счастливы и без наставлений! Тем более что праздник у нас только начинается. Мы пируем всего лишь пятый час...

Дорифор опять расхохотался и пропустил гостей вперед к пиршественным столам.

Увидев их, божественный император поднялся со своего одиноко стоящего ложа и побежал к гостям, не поимператорски глупо подпрыгивая.

Отец Отечества встал перед ними покачиваясь, отхлебнул вина из огромного кубка, украшенного картинами из поэм Гомера, и тут Квинтилиан понял, что он вовсе не похож на свою величественную золотую копию. Изваяние, созданное искусной рукой мастера, было полно возвышенности и благородства, а этот подгулявший парень, обросший рыжей щетиной, лишь пьяно улыбался. Кроме того, от него несло какой-то противной смесью винного перегара и жареной рыбы с чесноком.

Он с восторгом обнял Сенеку и сказал:

— Мой великий учитель! Я так рад встрече с тобой! Твое сияние освещает мой ум, твоя великая мудрость наполняет меня гордостью, а твоя доброта согревает мне душу. Благодарю за то, что согласился посетить меня в час моего веселья. Но не суди меня строго. Конечно, ты учил меня сдержанности и умеренности, а я вот наполняю себя дурманом Бахуса из гомеровского кубка. Скажу по секрету, без этого дурмана меня одолевают навязчивые видения. Меня по ночам преследуют образы умерших матери и брата... Их духи выступают передо мной из углов, спускаются с потолков, встают из самого Тартара... Они ходят за мной, неожиданно исчезают, а потом появляются вновь, разговаривают со мной, требуют ответов... Я не могу ничего поделать... Я умолял их оставить меня, исчезнуть, сгинуть... Я даже пытался бросать в них светильники, чтобы сжечь их... Но, нет! Они не покидают меня, пугают и устрашают с каждым днем все сильнее...

Сказав это, Нерон замолчал.

Сенека удивленно посмотрел на него и ответил уклончиво:

— Ты великий император, повелитель вселенной! Я присягал быть навеки верным тебе и выполнять все твои приказы. Вот я здесь, прибыл на твой зов. Благодарю

за возможность греться в лучах твоего божественного сияния.

Император горько вздохнул, смахнул наворачнувшуюся на глаза слезу, потом обратил свой взор на растерянного Квинтилиана и сказал после некоторого молчания:

— Дорогой Сенека, спасибо, что привел ко мне воспитателя блистательных римских граждан. Великий ритор, я рад, что ты посетил наш пир.

Квинтилиан низко поклонился:

— Для меня большая честь быть здесь и зреть твое великолепие.

Император по-дружески обнял Квинтилиана за плечи:

— Ладно... Приказываю всем расслабиться! Здесь собралась неопытная молодежь, которая рада бы получить ваши наставления... Хочу представить моих друзей. Сенека знает их, и, возможно, Квинтилиан тоже наслышан, но мне приятно лишний раз подчеркнуть их достоинства. Тем более приятно это сделать для тебя, великий ритор!

Император подвел Квинтилиана к пиршественным столам:

— Видите этих людей, возлежащих вокруг меня? Это, прямо скажу, самый цвет золотой римской молодежи. Не откажитесь подойти к каждому из них, чтобы они поздоровались с вами.

Квинтилиан ответил:

— Готов повиноваться тебе, божественный император. Я последую за тобой всегда и всюду.

Император рассмеялся:

— Оставим праздные разговоры и перейдем к близкому знакомству. Посмотрите на тот стол, справа от моего. Там возлежит великий стилист Отон. Он законодатель моды и определяет, что мы будем надевать завтра. Именно в его гениальной голове родилась золотая мысль — не

надевать одну и ту же одежду дважды! Сейчас мы следуем этому прекрасному правилу! Именно он придумал такое интересное слово — «стилист». Он как волшебная палочка, которая подчеркивает красоту и гармонию человеческого тела. Это наш современный супертренд! И он ошастливил нас еще и тем, что пришел не один. Рядом с ним возлежит его прекрасная супруга Поппея Сабина... О! Редчайшая красавица! Обратите внимание на божественные черты ее лица... На восхитительные изгибы ее тела... Скажу по секрету, я влюбился в нее с первого взгляда, но... Что поделаться? Она жена моего друга... Может, мне отбить у него эту прелесть?

Этой глупой шутке обрадовались все, кроме самой Поппеи. Отон весело засмеялся, привстал со своего ложа и, поклонившись гостям, сказал небрежно:

— Рад встрече, философ и ритор! Желаю здравствовать!

Поппея же недовольно кивнула головой и пригубила чашу с вином.

Император восхищенно смотрел на нее. Он не мог скрыть свой восторг и, нагнувшись к уху Квинтилиана, прошептал:

— Она прекрасна! Мне так хочется рассмотреть ее поближе и повнимательнее... Но как это проделать с женой друга... Я в безвыходном положении... Дай наставление! Может, мне его отравить? Хотя это будет несправедливо, ибо он мне друг... Может, даровать ему чин квестора и отправить наместником в Лузитанию с условием, что он поедет туда один, а жену оставит здесь?

Смущенный Квинтилиан не нашелся, что ответить.

Ответил сам Отон:

— Мой повелитель, что ты там шепчешься про меня и Поппею? Позволь угадаю...

Нерон захихикал:

– Приказываю! Угадай!

Отон встал в величественную позу мыслителя:

– Ты только что говорил ритору, как тебе нравится моя жена Поппея и как бы ты хотел послать меня наместником в Лузитанию...

Нерон нервно расхохотался:

– Да!!! Ха-ха-ха...

Захохотали за ним все присутствующие и сам Отон, который вульгарным жестом похлопал свою жену, восклицая:

– Мне тоже нравятся все ее части по отдельности и вместе взятые... Но что мне делать? Как мне уступить жену другу, не знаю... Но когда этот друг сам божественный император, то я, конечно, беспрекословно буду подчиняться его приказам! С рвением выполню все, что он пожелает! Уеду даже в Лузитанию и поделюсь даже самым дорогим...

Поппея сделала вид, что обиделась, и ответила в шутку:

– Сначала меня спросите. Может, я откажу вам обоим и все равно, как сильно вы меня просите...

Это еще больше развеселило публику.

Нерон сказал:

– Я ничего никогда не прошу, ибо я – император! Здесь, на Земле, я могу только приказывать и требовать, ибо я бог во плоти! Или я не похож на бога?

Квинтилиан слушал этот странный разговор со все возрастающим смятением и не понимал, где тут шутка, а где правда. Сенека молчал с непроницаемым лицом.

Император махнул рукой и сменил тему:

– Отложим обсуждение моей божественной сущности на потом... Сейчас перейдем к следующему столу, у которого возлежит великий Петроний, которого мы заслуженно

назвали Арбитром. Он Арбитр высокого вкуса. Он нас учит, как отличить прелестное от безобразного, красивое от уродливого, возвышенное от низкого. Если ему что-то не нравится, мы знаем, что это безоговорочно плохо.

Петроний привстал:

— Мой божественный император! Я польщен и восхищен твоей добротой ко мне. Конечно, я не заслуживаю твоей похвалы. Если я в чем-то и преуспел, это благодаря лишь тому, что я купаюсь в лучах твоего света...

Нерон рассмеялся:

— Видите, как меня любят друзья! Однако, Петроний, ты должен приветствовать наших почетных гостей.

Петроний ответил:

— Мой император! Я не умею врать. Поэтому буду честным и откровенным. Я не рад видеть этих мудрецов, особенно Сенеку. Когда он жил с нами, он был таким ловким, что завладел богатыми поместьями и дворцами. Его оливковые сады простираются на многие мили. Его состояние превысило все разумные границы, однако он все богател! Потом он принял действительно мудрое решение оставить нас и уединиться. Без него на Палантине стало дышаться свободнее! Вот он сейчас передо мной, и мне уже опять душновато...

Нерон рассмеялся:

— Брось, Петроний! Гости посетили нас по моей просьбе. Будь вежливым!

Петроний ответил:

— Против риторика я ничего не имею, ибо вовсе его не знаю. Приветствую тебя, ритор! Тебе же, Сенека, желаю дальнейшего процветания...

Все неловко замолчали.

Сам Сенека не выразил ни капли обиды или раздражения и спокойно ответил:

– Мой дорогой Петроний, я благодарен за честность и прямоту! Это великие качества!.. Да, я разбогател, но я сделал это законно и я не привязан к своему богатству. Могу без сожаления подарить все свое имущество божественному императору и буду рад, если он примет мой скромный дар. Я не раз предлагал вернуть ему все, но пока он не дал ответа, и я жду его решения.

Нерон расхохотался:

– Прекрасный ответ, достойный мудреца! Благодарю, наставник, я подумаю над твоим предложением. Может, я и приму твой дар и использую его на благо Отечества... Смотрите, Петроний тоже не один. С ним мальчик по имени Спор. Он привез его из Карфагена. Представляете, какой зоркий глаз надо иметь, чтобы заметить прелести этого отрока среди тысячи пленных рабов. Не удивительно, что Петроний присвоил его и теперь не отпускает от себя. Он без ума от маленьких мальчиков. Я и сам без ума от этого мальчика...

Петроний сказал:

– Спор и правда мое сокровище! Встань, мальчик, и покажи, как ты хорош. Посмотрите, неужели он не олицетворяет верх красоты! Какое у него тело... Какие глаза и губы...

Квинтилиан невольно почувствовал сильный приступ тошноты, и ему потребовалось собрать силы, чтобы подавить его...

Император же посмеивался и говорил:

– Я размышляю, как бы мне выкупить Спора у Петрония. Однако он его не продает... Может, предложить биться об заклад на бегах колесниц? Пусть Петроний выставит Спора на зеленых, а я выставлю сотню рабов на синих. Может, мне повезет и тогда я стану хозяином Спора? Петроний, давай поспорим на ближайших бегах.

Петроний ответил:

— Мой император! Я присягнул на верность тебе! Зачем нам биться об заклад? Мы же друзья! Я последую мудрому совету твоего сбежавшего наставника и с радостью отдам тебе Спора без всякого вознаграждения, ибо твой божественный свет, в котором купаемся мы все, уже есть великая для нас награда. Отдам я тебе Спора, только моргни глазом — и он твой...

Нерон рассмеялся:

— Это ты нарочно! Знаешь, что я не умею моргать... Но я потренируюсь, моргну когда-нибудь, и тогда мальчик станет моим по праву... Смотрите... У меня не получается...

Нерон погримасничал, не смог моргнуть, махнул рукой и указал на третий стол:

— А здесь возлежит Лукан, величайший из поэтов. Он твой достойный племянник, Сенека. Я безмерно благодарен, что ты представил его к моему двору. Я сомневаюсь, кто талантливее: Гомер или он? Его стихи приводят меня в такое восхищение. Я то плачу, то смеюсь, но чаще возбуждаюсь... Особенно когда он описывает красавиц и красавцев...

Эта пошлость вызвала взрыв восхищенного смеха у золотой молодежи, и от этого смущение Квинтилиана усилилось еще больше.

Лукан встал, поклонился императору и сказал:

— Благодарю. Пусть мои стихи приносят тебе счастье. Это ты меня вдохновляешь на прекрасное, так как ты и есть бог на земле! А божество должно вдохновлять!

Нерон сказал:

— Ты потом прочти нам свои стихи.

— Когда прикажете...

Следующий пиршественный стол был свободен, и император указал на него:

— Это почетное место я оставил для вас двоих. Хочу, чтобы ты, мой мудрый наставник Сенека, и ты, великий ритор Квинтилиан, разделили с нами трапезу, возлегли здесь и поучаствовали в нашем предстоящем состязании...

Сенека поклонился и ответил:

— Я сочту это за великую честь и сделаю все, что ты пожелаешь, мой повелитель. Уверен, Квинтилиан тоже.

Марк добавил:

— Подчиняться твоим приказам для меня великая честь!

Император захлопал в ладоши, жадно допил оставшееся вино из своего гомеровского кубка и объявил:

— Мы все рады, что дорогие гости согласны повеселиться с нами. Но это не приказ. Я лишь хочу вовлечь вас в наши развлечения.

Тут Сенека насторожился и спросил:

— Я весь во внимании... Какое у вас намечается развлечение?

Император призвал мальчика, который подбежал со стеклянной амфорой и наполнил императорскую чашу. Отпив несколько глотков вина, Нерон потер руки и приступил к объяснению:

— Дело вот в чем... Мы тут все собрались не только для праздного пира. У нас состоится особое состязание. Вот нас здесь четверо: Отон, Петроний, Лукан и я. Каждый из нас желает блеснуть чем-то особенным. Цель — удивить и даже поразить присутствующих. Победитель получит назначенную мной награду. Посмотрите в тот угол, у столба... Видите груды золотых монет? Там же и большие весы... Победителю достанется столько золота, сколько он весит сам. Ну как?! Это будет небывалое состязание! Мне не терпится начать!

Сенека спросил осторожно:

— Скажи, светлейший император... Чем могут помочь вашему состязанию старые философ и ритор? Вы — будущее. Мы — день вчерашний... Насколько нам к лицу состязаться с вами?

Император ответил:

— Вам и не надо состязаться! Я наметил для вас особую роль! Вы будете судить!

Услышав это, Квинтилиан почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Теперь он отчетливо понимал, что над ними с Сенекой нависла серьезная угроза.

Видимо, то же самое подумал и Сенека, но его лицо осталось спокойным:

— Как прикажешь, мой император!

Нерон захлопал в ладоши, и все его поддержали:

— Ура! Они согласны вершить нашу судьбу сегодня! Вот ваш стол! Возлягте скорее! Пир продолжается! Перед началом состязания мы все подкрепимся! И да звучит музыка!

Император радостно вернулся к своему столу.

Как только Квинтилиан с Сенекой заняли свои места, к ним подбежали два александрийских мальчика с серебряными сосудами. Они начали лить снежную воду на руки гостей. Появились два других мальчика, которые принялись омывать им ноги.

Тут же выбежали танцовщицы с барабанщиками. Раздалась дробь, и полуголые наложницы закружились в огненном танце, вызывая всеобщее восхищение.

Тем временем пиршественные столы начали преобразоваться, как по волшебству. Там появлялись то индийские шампиньоны, то жареные улитки. Словно из ниоткуда появлялись рабы, неся серебряные сковородки горячих колбасок с сирийскими сливами и гранатовыми зернами; египетские мальчики разносили теплый хлеб в серебряной

грелке... Расхаживали эфиопы с бурдюками и поливали вино на руки гостям. Мальчики разносили стеклянные амфоры с надписью на горлышках «Столетнее Фалернское».

Стесняясь отказаться, Квинтилиан с Сенекой пробовали все. Правда, Сенека ел с опаской. Он прекрасно помнил, как за подобным пиром, отведав горячего супа, неожиданный припадок свел в могилу брата императора Германика. Позже все догадались, что мальчик был отравлен...

Квинтилиан заметил настороженность философа и спросил тихо:

– Сенека, ты думаешь, нас могут здесь...

Сенека не дал договорить и ответил:

– Меня настораживает неопределенность, ибо не понимаю, зачем нас пригласили. Не может быть, чтобы нас призвали только лишь судить их состязание...

Марк что-то хотел ответить, но тут музыка замолкла, перед гостями появился мускулистый Дорифор, раб-копье-носец, и сообщил во всеуслышание:

– По приказу божественного императора состязание объявляется открытым!

Все вдруг пришли в невероятное возбуждение. Забили барабаны, по всему залу расположились причудливо разодетые наложницы, заиграли музыканты.

Однако все сразу смолкло, как только Дорифор поднял руку с копьем, откашлялся и громко объявил:

– Начинаем! По жребию первым будет выступать господин Марк Сальвий Отон!

Все закричали:

– Браво, Отон!

– Давай удиви нас!

– Порази нас!

Законодатель моды встал со своего ложа, поцеловал Поппею, прошел на середину зала и сказал:

— Божественный император! Друзья! Дistinguished судьи! Раз уж мне выпало быть первым, то начну без промедления. Уверен, я могу так поразить всех, что наши справедливые судьи непременно объявят меня победителем.

Нерон воскликнул:

— Мы это еще посмотрим...

Петроний прокричал:

— Протестую! Это давление на судей... К ним доверия и без того мало...

— Хорошо, молчу! Перехожу прямо к действию!

Взмахом руки Отон приказал начать, и пиршественный зал начал быстро преображаться.

Появились греческие музыканты с лирами и арфой. Они разместились по бокам, настроились и разом грянули ужасающую мелодию в ритм барабанных ударов...

Квинтилиан вздрогнул, а Сенека продолжал лежать с равнодушным лицом...

Насладившись этими ужасными звуками, Отон подал знак музыкантам остановиться:

— Всегда, появляясь на людях, будь то в толпе или перед божественным императором, каждый стремится привлечь внимание и запомниться окружающим. Но, к сожалению, часто люди не знают, как это сделать... Как быть элегантным? Я могу показать прямо сейчас! Давайте взглянем на обычного человека и посмотрим, что он собой представляет...

Греческие музыканты опять заиграли, но потише, а к Отону подбежали раб и рабыня. Они были толстые, безобразные и голые.

Отон поморщился:

— Неприятное зрелище. В таком виде смотреть на них не хочется, и даже не верится, что можно что-то сделать

с этими телами, чтобы они ласкали глаз... Не торопитесь, смотрите, как я буду преобразжать их... И не только их...

Музыка опять заиграла, и в зал ввалилась толпа некрасивых голых рабов. Они заходили с одной стороны и скрывались за ширмой в другом конце зала. Там происходило чудесное превращение, и несколько мгновений спустя Отон сказал:

— Приготовьтесь посмотреть и удивиться тому, как я сделал их привлекательными. Теперь они не просто очаруют вас, вы запомните их надолго!

Музыка опять заиграла, из-за ширмы начали выходить те же рабы и рабыни в чудесных одеяниях. Они обходили гостей, показывая им красоту своих платьев... Поражали цвета тканей, такой краски Квинтилиан не мог себе даже вообразить. Из-за ширмы появлялись все новые рабы и рабыни, а Отон успевал комментировать каждый наряд:

— Обратите внимание на новый покрой этого платья, который я сам изобрел... Хорошая одежда помогает чувствовать себя уверенно даже этим рабам! А как вам нравится фиолетовый оттенок этого костюма, подчеркивающий женский характер? Ведь каждая женщина изначально вредная и капризная... Я смог так выкрасить шерсть, смешав плоды десятка растений... А посмотрите на новую обтягивающую тогу на крепком мужском теле. Вас должно удивлять, как я смог подчеркнуть мужские достоинства этой тогой... А это женское одеяние... Как оно умело скрывает все недостатки и подчеркивает только прелести... Мои платья спасают женщин от природы! Не может не восхищать прозрачность этой ткани...

Наконец поток иссяк. Громче забил барабан, и все начали танцевать какой-то дикий танец. Сам Отон подбадривал танцующих, а когда безумство достигло апогея, барабаны резко замолкли, и танцующие замерли в разных позах...

Казалось, что время остановилось. Двигался лишь один Отон. Он медленно подошел к судьям, встал перед ними на колени и сказал:

— Я знаю, лучшее одеяние — объятия любимого человека! Но когда этого нет, тогда есть я! Марс правду любит! Если мое искусство создавать одежду вас удивило, будьте справедливы!

Барабаны забили, и рабы разбежались.

Петроний, Лукан и сам император похотливо наблюдали за уходящими рабынями.

Отон гордо вернулся на свое место и, уцепившись Попею, с надменным видом возлег.

Дорифор ударил копьём по мраморному полу и объявил:

— По жребию вторым будет выступать Петроний Арбитр!

Отон грозно посмотрел на Петрония и съязвил:

— Ты не можешь перещеголять меня...

Проходя мимо, Петроний грубо толкнул Отона:

— Это мы еще посмотрим...

Император хихикнул:

— Жалкие мальчишки...

Достоиней держался поэт Лукан.

Тем временем Петроний встал перед зрителями. Тут же выбежали рабы и за считанные минуты соорудили театральную сцену. Быстро были поставлены столбики для занавеса, за которым скрылись актеры.

Приготовления вызвали общий интерес, император нахмурился, а Петроний воскликнул:

— Никто не расскажет повесть удивительнее моей.

В зале воцарилось молчание.

Петроний достал палочку, приказал музыкантам играть и заговорил:

— Я кудесник, а это моя волшебная палочка. Я взмахну ею и перенесу вас в далекий город Эфес...

Занавес открылся, и все ахнули, увидев чудесное зрелище. На сцене появилась улица таинственного города, на которой стоял уютный дом с прозрачной стеной, через которую была видна постель и на постели муж с женой.

Петроний сказал, напевая:

— В городе Эфесе жила замужняя женщина. Молва о ее благонравии разнеслась так далеко, что женщины из соседних стран приезжали посмотреть на нее...

На сцене появилась группа хихикающих иноземных девушек, которые шептались и показывали пальцами на брачное ложе, где эфесская скромница одаривала супруга весьма нескромными ласками.

Император закричал:

— Bravo, Петроний! Вот так спектакль!

Сенека покраснел, стараясь не смотреть на сцену.

Квинтилиан же не знал, что и думать...

Петроний продолжил рассказ:

— В один из безоблачных дней случилось несчастье. У скромницы умер супруг...

Мужчина на постели вскрикнул и рухнул на пол. Группа иностранок запричитала, изображая ужас, а сама смиренница разрыдалась, распустила волосы, разорвала на себе одежду и начала терзать обнаженную грудь...

Отон смеялся:

— Какое платье порвала...

Император воскликнул:

— В какой миг умер! В миг блаженства!..

Лукан заметил:

— Мне бы тоже так умереть.

Петроний продолжил:

— Великая скромница не удовольствовалась оплакиванием мужа и его проводами в усыпальницу, но... последовала за покойным в подземелье и там осталась с ним.

Петроний взмахнул палочкой, и сцена волшебным образом переменялась. Семейная спальня куда-то исчезла, и из глубины выступили стены гробницы. Иноземки притаились в углу. Загорелась лампа, осветив рыдающую скромницу, и Петроний сказал:

— Так она себя изводила, неминуемо идя к смерти. Доблестная женщина голодала пять дней у тела мертвого мужа своего.

Музыканты заиграли трагический мотив. Иноземные женщины начали скорбный танец, распустили волосы, разорвали одежду на себе и били себя в грудь в ритме барабанной дроби.

Чем трагичнее становилось действие, тем сильнее хохотал император, а вместе с ним Отон с Луканом.

Неожиданно музыка и танцы прекратились, и Петроний продолжил рассказ:

— В то же самое время тамошний правитель распял на кресте разбойника и приставил воина, дабы родственники не сняли распятого для погребения.

В глубине сцены возник крест с полуживым рабом, понастоящему к нему пригвожденным... Кровь капала с его рук и ног, и несчастный дико тряс головой в агонии...

Император поморщился и воскликнул:

— Ого! Молодец Петроний... Вот за это тебе похвала моя... Я сам готов тебя победителем объявить.

Отон покачал головой:

— Как висит... Вот это неожиданно...

— Это же бесчеловечно... — возмутилась Поппея.

Лукан же выкрикнул стих:

— Не тихо кровь заструилась, но из разодранных жил забила горячим фонтаном...

Тем временем огни погасли, у креста появился стройный воин, а на небе засияла луна.

И Петроний продолжил:

— В ближайшую ночь воин заметил свет в усыпальнице, спустился вниз и поразился, увидев там прекрасную женщину. Потом только, приметив мертвое тело и взяв в рассуждение слезы на измученном лице, сообразил, что женщина переживает по усопшему... Он принес ей вино и еду для успокоения.

Скромница, увидев воина с язвами, вскрикнула и еще яростней принялась рвать волосы. Опять заиграла драматичная музыка, а воин упал перед женщиной на колени, моля ее съесть хотя бы что-нибудь.

Зрители замолкли в ожидании развязки, и Петроний пояснил:

— Он говорил ей: «Ну какая тебе польза умереть от голода, погубить молодую жизнь? Пользуйся благами жизни, покуда дано тебе!» И вот женщина, изможденная воздержанием, позволила сломить свое сопротивление...

Император воскликнул:

— О! Вот тебе и скромница!

Отон заметил:

— Она пять дней держалась! Это мужество!

Музыка несколько повеселела, и бедная женщина взяла в рот кусочек, выпила вина и... принялась жадно есть, осушая бокалы захлеб...

Лукан сказал:

— О Венера! Как она пала!

Петроний взмахнул своей волшебной палочкой и продолжил:

— Ну, вы же знаете, к чему манит насыщение... А воин ласково и настойчиво повел наступление на ее стыдливость... Не стану медлить, не отстояла женщина и этот свой рубеж... А воин-победитель преуспел в обоих начинаниях.

Петроний еще раз взмахнул палочкой, и опять раздалась ритмичная музыка... Воин со скромницей закружился в самом непристойном танце, лаская друг друга у всех на виду. Вместе с ними приплясывали повеселевшие чужестранки.

Император с Отоном закричали:

— Вздуй ее, воин!

— Молодец!

Квинтилиан и Сенека были готовы провалиться.

Тут на сцене опять появился крест, на этот раз без тела...

Петроний объяснил:

— Покуда они нежились, распятого сняли с креста, отдав последний долг. Воин в страхе наказания хотел своим же мечом казнить себя за нерадение — и да будет гробница последним пристанищем как для мужа, так и для друга.

Внезапно замолкла музыка.

Все замерло.

И скромница воскликнула во весь голос:

— Да не допустят боги узреть мне двойное погребение... Лучше я...

Скромница сделала длинную паузу.

Все с нетерпением ожидали, что же она придумает.

Петроний подошел к замершим фигурам поближе и внимательно рассмотрел их.

Тут же погасли светильники, оставляя сцену в темноте. Освещалось лишь лицо Петрония и, взмахнув палочкой, он сказал:

— Верьте или нет, но повелела она вынуть тело мужа из гроба и прибить к пустому кресту...

Поппея воскликнула:

— Вы сумасшедшие!

Нерон хохотал и кричал:

– Bravo, Петроний! Вот молодец!

Опять заиграла музыка, загорелись огни, и над сценой возвысился крест с новым мучеником...

А под крестом продолжалась вакханалия скромницы с воином...

Петроний последний раз взмахнул своей волшебной палочкой, и вбежавшие рабы в два счета убрали сцену...

Гордый Петроний подошел к судьям и сказал:

– Хотя вы и не вызываете у меня уважения, однако к честности обоих зываю...

Потом он прошествовал к своему столу и возлег рядом со Спором, который не отрывал от него восхищенного взгляда.

Сразу после этого вперед выступил Дорифор, и ударив копьём, объявил:

– Следующим выступит поэт Марк Анней Лукан.

Лукан быстро встал, вышел перед всеми и сказал:

– Божественный император! Позволь обратиться с просьбой.

Нерон ответил:

– Проси!

– Отон и Петроний меня удивили! Уверен, ты, божественный император, превзойдешь их! Я осознал, что не могу соперничать с такими великими умами, как ваши. Позволь мне выйти из этого почетного состязания и более не претендовать на божественную награду.

Император рассмеялся:

– Что тебе сказать, Лукан, наверно, это и правильно, ты нам и правда не соперник. Но стихи то читай, мы слушаем...

Петроний с Отоном поддержали:

– Конечно...

– Валяй...

Император обратился к Сенеке и Квинтилиану:

— Что же вы скажете, наши справедливые судьи? Вы не против, чтобы Лукан вышел из нашего спора и прочитал свои стихи вне состязания?

Сенека ответил:

— Божественный император, ты знаешь, что Лукан мой племянник и я его воспитывал, как и тебя. Хотя ты мудрее, но он тоже мудр. Я всегда буду вас поддерживать и уверен, Квинтилиан тоже...

Марк покорно кивнул головой.

Император воскликнул:

— Тогда разлейте сладкого вина и дайте нам что-нибудь сладкое на закуску к сладким стихам Лукана!

Рабы забегали с чашами, полными аттического меда. Мальчики с бурдюками разлили вино, а Лукан, встав в позу стихотворца, объявил:

— Стих свой я посвящаю величайшему из императоров, Нерону!

Все замолкли, и Лукан начал читать:

Вселенной великий правитель!
К тебе обращаю свой взор.
Ты солнце мое и хранитель,
Я восхищаюсь тобой.

Ты Бог на земле и властитель
Всей тверди, воды и небес.
Тебе служат как верные слуги
Меркурий и Геркулес.

Молю я лишь об одном,
Ради спасения Рима!
Прими мою скромную просьбу,
Воспетую струнами лиры, —

Когда, отстояв свою стражу,
Старцем к светилам взойдешь,
Тщательно выбери небо,
Какое тебе подойдет.

Уступят места тебе божества,
Каким бы ты богом стать ни решил!
Свой трон воздвигнешь ты там,
Земные дела оттуда свершишь.

Только престола не ставь
Ты в северном округе дальнем,
На ветреном полюсе, там
Противно и мерзко бывает.

Твое солнце лишь искоса сможет
Видеть оттуда свой Рим,
Дрогнет под тяжестью ось,
И разболтается мир.

Стань посредине небес,
Рассеются все облака.
Ты солнце для нас и Зевес!
Светящаяся доброта!

Мне ж ты — давно божество,
Вошел ты в сердце поэта,
Вот почему мой стих
Выше любого Гомера!

Все начали аплодировать и горячо хвалить поэта.
Император был польщен. Он удовлетворенно кивал головой.

Петроний сказал:

— Хорошо, что ты отказался от состязания. Ты победил бы меня.

Отон поддержал:

— Меня бы ты тоже победил...

Ничего больше не говоря, Лукан поклонился всем, вернулся на свое место, и тогда Дорифор в четвертый раз ударил копьём.

— Последним выступит сам божественный император!

Император встал перед всеми. Рабы тут же принесли ему кифару. Он сел, осторожно взял в руки инструмент, провел пальцем по струнам, и весь зал затих.

— Я спою вам песню, в которой поведаю о своей страсти к прекрасной Поппее... Хотя она и жена друга, но я не могу и даже не хочу скрывать свои чувства к ней.

Отон нахмурился. Поппея тоже выглядела сердитой.

Нерон продолжал:

— Я знаю, что великому императору не к лицу петь, как жалкому артисту. Знайте же, почему я это делаю. Когда я пою, моя душа улетает. Она устремляется в далекую высь и уносит меня в другое время и в другое пространство. Там я вижу чудесные видения, которые оживают в моей песне... Это правда! И это не колдовство... Может быть, кто-нибудь из вас тоже увидит тот мир, который возникает передо мной. Хватит вступления... Я начинаю...

Император откашлялся, положил пальцы на струны своего инструмента и запел протяжную песнь...

Что же мне сделать, чтоб ты полюбила?

Меня захотела и в страсти горела...

Чтоб тяга ко мне тебя молнией била,

Чтоб мысли стремились в горящее чрево?

Несмотря на его сильный голос, все присутствующие почувствовали энергетику песни, лившуюся по всему пиршественному залу. На глазах рабынь появились слезы, и рабы запели вместе с императором.

Он полностью погрузился в свою песню и продолжил...

Как же мне быть, чтобы каждое утро
Ложе пустое меня не встречало,
Как же мне быть, чтоб привычное русло
Вместе с тобою навек поменялось...

Квинтилиан заметил, что после второго куплета начало происходить что-то странное. Пространство задрожало, и весь зал окутало необъяснимое марево, в котором растворился император и появилась совершенно невообразимая картина...

Нерон же погружался в свою песню...

Какими ветрами печаль мне развеять?
Какими дождями тебя разбудить?
Как обоять и хмель навеять,
Чтоб счастье близкое не погубить...

Удивительное видение, возникшее перед Квинтилианом, становилось все более отчетливым. В дымке Нерон преобразился...

Розовое одеяние, на глазах два круглых розовых стекла, в ушах изумрудные серьги, сверкающие от лившегося отовсюду света...

Преобразилась и кифара. Она выросла в продолговатый огромный инструмент, который издавал поразительной мощи звук...

И голос самого императора усиливался многократно с помощью некоей трубки у его рта...

Но самым чудесным было то, что он пел на огромной площади, перед десятками тысяч слушателей... Они качались в такт и в слезах подпевали, размахивая горящими огоньками.

А он все пел...

Поиграй же ты мной,
И дай мне тобой поиграть,
Иначе погибну и сгину
И грусть и тоска не покинут меня...

Император остановился.

Вся площадь взорвалась безумными криками восхищения и провалилась куда-то вниз...

Исчезло чудесное видение, розовое облачение сменилось на императорскую тогу с пурпурной лентой, с глаз исчезли два огромных розовых стекла...

Квинтилиан посмотрел на Сенеку, пытаясь понять, видел ли он то же самое видение, но по лицу философа он ничего не смог определить.

Некоторое время стояла тишина.

Сам император медленно открыл глаза.

Отон смотрел на него пронзительным взглядом, потом медленно поднял руки и... начал аплодировать.

— Bravo, божественный император! Это была действительно удивительная песня.

Поппея тем временем не сдержала слез, вскочила и побежала, рыдая...

Петроний подбежал к императору и обнял его:

— Ты великий артист! Ты растрогал меня до слез...

Лукан закричал:

— Я верю, что ты бог!

Отон подошел к ним, осушил еще одну чашу и воскликнул:

— Я тоже отказываюсь от состязания, понимая, что соперник превзошел меня!

Петроний сказал:

— И я отказываюсь! Нерон победитель!

Лукаан закричал:

— Хвала победителю!

Но император их остановил:

— Нет! На то не будет моего согласия! Все должно быть справедливо. У нас есть судьи... Пусть они решают судьбу состязания!

Все замолкли и обратили свои пьяные взоры на философа с ритором.

Сенека долго молчал.

Квинтилиан находился под впечатлением необыкновенного видения и стыдился всего, что происходило вокруг него.

Наконец Сенека решился высказаться и встал:

— Мой божественный император! У нас тоже есть свое мнение, и я могу объявить победителя.

Император занервничал:

— О! Я боюсь... Успокойте меня... Я волнуюсь...

Сенека объявил:

— Лучшим в этом состязании, несомненно, был божественный император!

Музыканты заиграли торжественную музыку, и началось всеобщее ликование.

Дорифор ударил копьём по полу, привлекая внимание всех, и объявил:

— Победителю заслуженную награду!

Все подхватили:

— Да! Да! Пора озолотить!

— Взвесьте его!

Но император перекричал всех:

— Пойдите! Не взвешивайте меня пока! Я хочу осушить мою огромную гомеровскую чашу и съесть вон тот кусок баранины! Так я стану тяжелее!

Это вызвало приступ смеха у всех... Выпить вино ему дали, однако от куска баранины отговорили и вскоре усадили на весы... Шумная группа все подсыпала монеты на чашу.

Наконец награда была отвешена, и император произнес речь победителя:

— Достопочтенные судьи, господа участники состязания, друзья и все присутствующие зрители! Вы были свидетелями, что у меня были достойные соперники, а состязание было честным. Нас судили самые уважаемые мудрецы Рима. Это великий день, когда победа достается не мне одному, в выигрыше все! Я мечтаю о том, чтобы на ближайшем празднике Ювеналий, в таком же состязании участвовала вся римская знать! Хочу, чтобы молодые патриции, нынешние и будущие сенаторы пели, состязались на скачках, бились между собой как гладиаторы, показывая искусство, доблесть и мужество! Я тоже буду выступать среди всех, как рядовой артист. Не хочу пользоваться императорскими преимуществами во время соревнований, как Аполлон не пользовался божественной силой, когда состязался с людьми. Хочу, чтобы меня оценивали судьи беспристрастно, и если мое искусство превзойдет искусство других, то пусть буду победителем я! Если же нет, то буду аплодировать победителю первым!

Музыка заиграла. Все начали аплодировать, и на этом состязание завершилось. Рабам было приказано унести золото в покои императора, и тогда Нерон закричал:

— Пойдите! Надо наградить и достопочтенных судей! Десятую долю отдаю судьям. Отсчитайте немедленно, они это заслужили.

Петроний, Отон и Лукан поддержали императора:

– Правильно!

– Это честно!

– Они заслужили!

Рабы начали отсчитывать десятую часть, и вдруг...

Нерон изменился в лице. Веселье и хмель куда-то улетучились. Он неожиданно стал строгим. Ничего не говоря, он прошествовал к императорскому трону и сел.

В то же мгновение в зале появился советник императора по прошениям, Эпафродит. Он занял свое место у ног императора и выкрикнул:

– Полное молчание! Император желает приказывать! Пусть помнят все! Приказы божественного императора должны выполняться немедленно и беспрекословно! Неповиновение, нежелание или отказ выполнить волю императора караются немедленной смертью! Требую тишины!

Как бы в поддержку слов Эпафродита, в пиршественном зале появились преторианские солдаты, все замерло в гробовой тишине, а Квинтилиану припомнилась недавно рассказанная кем-то история, как император приказал одному из преторов умереть...

Да! Именно умереть...

Претор отказался подчиняться и был обезглавлен за невыполнение приказа императора...

4.

Молчание продолжалось достаточно долго. Нерон сидел, не двигаясь, и наконец изрек:

– Мои дорогие Сенека и Квинтилиан...

Эпафродит немедленно объявил:

– Император приказывает Луцию Аннею Сенеке и господину Марку Фабию Квинтилиану! Обоим следует

подойти и преклонить голову перед божественным императором!

За спиной у философа с ритором возник Тигеллин и подтолкнул их в сторону императора. Наверно, это означало, что праздник для них окончен. Тут же появился писец, готовый запечатлеть приказ на бумаге.

Император опять помолчал, прищурившись, рассмотрел мудрецов и сказал:

— Я надеюсь, вы не думаете, что я побеспокоил величайшие умы Рима лишь для участия в наших юношеских забавах?

Сенека поклонился и ответил:

— Ты император, дарованный нам небесами! У тебя всегда должен быть глубокий умысел, который нам, обычным смертным, нелегко постигнуть, несмотря на жизненный опыт. Помогите же нам и откройте свои великие замыслы!

Император вопросительно взглянул в сторону Квинтилиана, давая понять, что ответа он ждет и от ритора.

Марк сказал:

— Я полностью согласен с Сенекой и жду твоих божественных приказов...

Император удовлетворенно кивнул:

— Хорошо, я ценю вашу готовность, но приказывать вам я не буду. Хочу лишь попросить о помощи в деле государственной важности.

Сенека сказал:

— Для нашей великой Отчизны я готов на все. Уверен, Квинтилиан тоже. Тебе же, мой император, как Отцу Отечества, нужда страны видна лучше всех.

Император ответил:

— Так вот, слушайте... Вы помните, что недавно в Риме бушевал ужасный пожар. В горящем пламени погибли

горожане, огненная стихия уничтожила дома, площади, улицы... Огонь поглотил две трети всего великого Рима. Вот и мой друг Отон потерял прекрасный особняк, который достался ему в наследство от его почтенного отца, Луция Отона, консула при божественном Клавдии.

Император рукой указал в сторону великого модника, и он подтвердил:

— Божественный император прав, как всегда! Я был свидетелем страшного зрелища. Весь мой дом был охвачен пламенем. Мы были бессильны укротить огонь. В полном отчаянии толпились мы на улице, черный дым душил нас, и мы не знали, куда бежать. Это было самое ужасное, что может случиться с человеком...

Тут выступил вперед Петроний:

— Мой император, разреши сказать и мне... Я видел, как охваченные паникой люди носились по всему городу. Отовсюду я слышал отчаянные вопли и плач. Погорельцы искали помощи, но не находили ее, ибо все нуждались в поддержке, но спасения не было...

Тут вскочил Лукан:

— Ты не прав, Петроний! Спасителем явился наш император! Я знаю, что, узнав о бедствии, он немедленно явился на помощь своему страждущему народу. Он открыл тогда ворота всех своих дворцов, садов и бань, давая людям надежду на спасение. Благодаря нашему великому императору в ту кошмарную ночь тысячи жизней были спасены... За это все Отечество благодарно императору!

Петроний сказал:

— Да! Это чистая правда! Дети и женщины укрывались от бедствия в императорских покоях! У всех на глазах были слезы, а на устах — благодарность и хвала божественному императору, отцу-спасителю всего Рима!

Сенека внимательно выслушал всех и сказал:

— Да, это было поистине тяжкое испытание для Рима... Я был в своем особняке на Аппиевой дороге. Даже туда доходили отчаянные крики и запах гари.

Вдруг все обратили взоры на Квинтилиана, ожидая его мнения.

Он сказал:

— Слава богам, пожар не достиг нашей школы... Поистине, это было одно из самых тяжелых испытаний, ниспосланных Риму... Долго потом все восхваляли тебя, божественный император, за то, что твоей милостью многие были спасены.

Император подтвердил:

— Да, все было в точности так, как вы описали. Услышав о бедствии, я бросил все дела и поспешил на помощь своему любимому Риму. То, что я увидел здесь, превзошло все мои ужасные ожидания. Я был поражен до глубины души, и то, что я приказал открыть все свои дворцы и замки, сады и бани и все уцелевшие от огня хранилища, было лишь тем малым, чем я мог тогда служить своему бедствующему народу... Да, я спас десятки тысяч жизней, но я скорбел о тысячах, которые погибли...

Лукан взял на себя смелость и сказал:

— Мой император, сгорел даже твой дворец на Палатинском холме, но ты не скорбел по этому поводу! Ты заботился о людях! Ты сделал больше, чем сделали бы боги, пожелав они тогда помочь и спуститься на пылающую землю. Чувствовалась твоя божественная рука, когда руины были чудом расчищены всего за пару месяцев и пожарище стало быстро превращаться в земной рай.

Отон сказал:

— Согласен! Это и есть божественное чудо! Словно из пепла восстали сады! Как по волшебству, начали воздвигаться дворцы и замки...

Петроний добавил:

— И теперь Рим украшает твой новый Золотой дворец, который похоронил кошмарные воспоминания о великом пожаре!

Император сказал:

— Да, мой Золотой дворец станет еще прекраснее, и нам не раз доведется отмечать там и Сатурналии и Ювеналии! Но теперь вернемся к событиям той страшной ночи. Вскоре после пожара по Риму начали расползаться слухи о том, что бедствие было не случайным. Начали клеветать, будто пожар устроил я...

Лукан возмутился, ударил себя по голове и запричитал:

— Какая гнусная ложь! Покажите мне, кто посмел такое сказать, и я заколю его своим кинжалом!

Петроний с Отоном горячо поддержали Лукана:

— Нет, дайте его мне!

— Умоляю, друзья, предоставьте эту честь мне!

Тут из тени вышел Дорифор, стукнул своим копьём по мраморному полу и завопил:

— Нет! Не вашими кинжалами умертвить клеветников, но этим моим копьём истерзать, чтобы мучения предателей были долгими!

Император поднял руку, всех успокоил и сказал:

— Друзья, ваше рвение совершить подвиг на благо Отечества я приветствую, однако не могу вам позволить казнить кого бы то ни было без судейского приговора. Но сначала надо найти преступников, и с этой целью я приказал Тигеллину провести расследование. Он искал виновников поджога по всему Риму. И наконец нашел.

Лукан воскликнул:

— Какое счастье! Теперь негодяи понесут достойное наказание!

Отон с Петронием взмолились:

— Сообщи нам первым!..

— Мы хотим сами его четвертовать!..

Император властным жестом охладил пыл друзей:

— Принимая во внимание важность и государственную значимость этого дела, а также опасаясь народного гнева и самосуда, пока мы держим дело в строгой тайне. Вы всё узнаете на суде, который скоро состоится...

Лукан горячо воскликнул:

— Мой император! Научи, как выдержать и дождаться суда? Как воздержаться от немедленного возмездия?!

Император сказал:

— Запаситесь терпением! Я же раскрою, какую роль в этом деле я отвожу нашим мудрецам...

Квинтилиан почувствовал, что сердце у него холодеет...

У Сенеки дернулся глаз, но голос его был твердым:

— Я готов выслушать твой приказ...

Император сказал:

— Нет-нет... Приказывать на этот раз я не буду... Я хочу только попросить... Мой мудрый наставник Сенека, хочу, чтобы ты выступил обвинителем в этом деле... А великого ритора Квинтилиана я прошу выступить с защитой. Хочу соблюсти все нормы нашего правосудия ради достижения истины в этом деле чрезвычайной важности. Какое у вас мнение? Надеюсь, не откажете Отечеству...

Сенека низко поклонился и сказал:

— Божественный император, для меня честь служить тебе и Отечеству!

Квинтилиан понимал, что деваться ему некуда:

— Божественный император, как и Сенека, я тоже горд иметь возможность послужить...

Император сказал:

— Вот и прекрасно! Судьей же я назначу Виспасиана! Он честный, талантливый и пронзительный!

Лукан воскликнул:

— Теперь я знаю, это будет самый справедливый суд!

Петроний прошептал:

— Какое облегчение все это слышать!

Император добавил:

— Для того чтобы обвинитель и защитник изучили дело, я приказал сделать две копии всех материалов, которые передаст вам Тигеллин. Хочу, чтобы вы ознакомились с делом и имели свое мнение, когда настанет час и вас призовут на суд. До того, уверен, вы будете держать все в тайне...

Сенека сказал:

— Непременно!

Квинтилиан молча низко поклонился.

Эпафродит громко объявил:

— Достопочтенные Луций Анней Сенека и Марк Фабий Квинтилиан перед лицом божественного императора и всего Отечества обязуются изучить дело преступников, совершивших поджог Рима, и выступить на суде, когда их на него призовут!

Писец закончил запись и с поклоном передал бумагу Эпафродиту, который удалился с документом.

Император встал с трона, вдруг опять преобразился в подвыпившего весельчака и объявил:

— Дорогой Сенека и дорогой Квинтилиан, я не буду вас более задерживать. Теперь вы свободны. Ваше золото упакуют и доставят вам. А мы продолжим свои юношеские забавы... Вина мне! Где мой гомеровский кубок?..

Весь зал взорвался радостными возгласами. Греческие музыканты заиграли, а Тигеллин жестом призвал Квинтилиана с Сенекой следовать за ним. Они покинули императорский триклиний.

В портике Тигеллин передал им аккуратно завернутые свитки и сказал:

— Все, что вы найдете в этих свитках, — государственная тайна! Разглашение расценивается как преступление против государства. Вам ясно?

Получив подтверждение, Тигеллин молча проводил их до ворот и направился к дворцу, даже не попрощавшись.

5.

Огромные ворота с грохотом закрылись за ними.

Недалеко на лужайке Сенеку ожидали рабы с лектикой. Увидев хозяина, они оживились, встали и приготвоились подхватить носилки на плечи.

Сенека сказал:

— Мой драгоценный Марк, возможно, только что полученный приказ будет стоить нам жизни.

Квинтилиан ответил:

— Я тоже вижу грозовую тучу над нашими головами. Но, думаю, ты, мой Сенека, знаешь намного больше моего. Скажи, кто этот ужасный преступник, который поджег наш прекрасный город?

Сенека взглянул на свитки и сказал:

— Не хочу вести тебя длинным и окружным путем, но... Сам не знаю, что там написано в этих свитках. Уверен, ты не сомкнешь глаз этой ночью и докопаешься до сути. Знаю лишь одно. Поджог города — жестокость высшего порядка... Любая же жестокость проистекает из бессердечия и слабости. Отсюда можно сделать и вывод. На жестокость высшего порядка способен человек в высшей степени бессердечный и на редкость слабый... Ищи такого... Что же касается вопроса, где искать, могу поделиться и сегодняшним наблюдением. Мы вместе увидели, что добродетель давно покинула императорский дворец. Наверно, она поселилась в хижинах бедняков. Во всяком случае, здесь ее больше нет. Ну, будь здоров...

3. Пир земного бога

После этого Сенека поднялся на носилки и задернул штору. Рабы немедленно подхватили их и удалились вниз по Палатинскому Взвозу.

Квинтилиан проводил философа взглядом, вздохнул и, направившись к дому пешком, вскоре растворился в шумной римской толпе...

Четвертая глава

Лавка работорговца на Форуме

1.

Природа безмолвствовала, в небе плыла полная луна, погруженная в сон, покоилась вся планета. Но в спальне ритора было тревожно. Лишь легкая занавеска отгораживала покой всей вселенной от напряженных размышлений Марка.

Ему не спалось...

Его тревога передалась спящей Витруции, и она открыла глаза. Не сразу поняв, что же ее беспокоит, Витруция огляделась. Женская интуиция подсказывала, что не все ладно, и ее страх усилился, когда она увидела, что мужа рядом с ней нет.

Налетевший ночной ветерок пробежал по комнате. Она поднялась и позвала:

— Марк, ты где?

Тут она заметила тускло мерцающую лампу в дальнем уголке спальни. Квинтилиан сидел у рабочего стола и корпел над чем-то. Он даже не услышал ее зова. Тогда она, отогнав тяжелые мысли, укуталась в длинную ночную накидку и направилась к мужу. Он внимательно изучал какой-то свиток и не заметил, как она тихо приблизилась и сказала, обняв:

— Дорогой, тебе нет покоя даже сейчас, когда весь мир погрузился в безмятежность. Ты не в себе. Изучаешь

странный свиток под еле светящей лампой... Что происходит?

Марк поцеловал жену, посадил рядом с собой и сказал:

— Моя прекрасная Витруция! Ты мой свет! Не эта лампа светит мне, а твоя любовь! Я благодарен и Гениусу, и Венере, и всем богам, что они подарили мне тебя.

Витруция ответила:

— Если я правда свет твой, доверь мне твою тревогу. Нам обоим от этого полегчает. Что-то случилось на приеме у императора, но ты ничего не рассказываешь... Почему?

— Тигеллин предупредил нас о наказании за разглашение государственной тайны.

— Но мы с тобой одно целое перед богиней Вестой и перед всеми богами. Твоя тайна — моя тайна... Поделись со мной, пожалуйста, раздели со мной твою тревогу и позволь хоть немного облегчить твои переживания...

Марк задумался и потом ответил:

— Ты права... Нет смысла скрывать от тебя что-нибудь... Конечно, я готов все рассказать тебе...

— Ты сказал, что Тигеллин предупредил вас. Кто еще там был с тобой?

Марк объяснил:

— Император пригласил меня вместе с Сенекой... Точнее, Сенека позвал меня к императору...

Витруция удивилась:

— Ты виделся с Сенекой?

— Император призвал Сенеку и приказал ему найти лучшего риторика. Вот Сенека вспомнил обо мне, и я оказался там, в императорском триклинии, на пиру у Нерона.

Витруция задумалась:

— Совсем недавно Сенека был всемогущим, но потом потерял всю власть...

Квинтилиан возразил:

— Скорее он оставил власть по собственному желанию.
— Какое впечатление он на тебя произвел?
— Он странный... Его философия не согласуется с образом его жизни. Как и все стоики, он проповедует скромность, воздержание и гармонию с природой. С таким убеждением другой философ жил бы в умеренности, проповедуя свои взгляды среди последователей. Он же владеет дворцами и садами. Сам говорит, что у его жены только в одном ухе целое состояние. Тут же он оправдывается тем, что все заработано честным трудом. Еще он говорит, что владеет богатством, однако не привязан к нему. Наверно, так оно и есть.

Витруция сказала:

— Я понимаю Сенеку и уважаю его. Он великий мудрец. Правильно он говорит, не обладание золотом главное, а отношение к золоту.

— Да, это так. Однако противоречия у него глубокие. Он воспитывал императора и сам признает, что его труды оказались безуспешными. Он передавал знание, но не смог воспитать в Нероне добрые качества души. Теперь император вырос, освободился от влияния воспитателя и отдал свое тело на распутство, а свою душу — на злодейство... Он еще оправдывался тем, что мы воспитываем в детях благородство, но делаем это шепотом и наше нашептывание гложет среди шумной распущенности, среди громкого разврата и нескрываемого насилия, которое дети видят везде... Думаю, что Сенеке сейчас очень трудно. Особенно тяжело ему смотреть, как его подопечный живет бездумно и развратно.

Витруция попросила:

— Пожалуйста, расскажи мне все, что было во дворце.
— После беседы с Сенекой Тигеллин пригласил нас в дворцовый триклиний, и я увидел своими глазами этот

разврат на пиру у императора... Там собралась высшая знать, римская золотая молодежь. Нерон был в обществе Петрония Арбитра, Отона и Лукана. Кстати, Лукан — еще один неудачный воспитанник Сенеки. Они все там охвачены низкими устремлениями. Души их корыстны и алчны, а тела — распутны. Они по рождению считаются богами на земле, и мы по собственной воле делаем их властелинами над собой. И вот я своими глазами видел, как они пьют, чревоугодничают и Нерон стоит во главе у них. Наши дети восхищаются этими людьми и многое делают, чтобы уподобиться им.

Витруция грустно соглашалась, и Квинтилиан продолжал:

— Потом Нерон устроил пошлое состязание между друзьями, а меня с Сенекой назначил судить, кто же среди них распутнее. Их цель — превзойти друг друга в том, чтобы удивить присутствующих чем угодно. Что мы могли сделать? Мы были вынуждены подчиниться против воли и судить. Конечно, победил Нерон. Награда была щедрой — золото по весу тела победителя. Победа свела с ума Нерона. Он превратился в жуткое, похотливое и грязное животное. Он вливал в себя вино огромными кубками, чтобы ему отвесили побольше золота... Но там произошло нечто, что ввергло меня в крайнее изумление.

Витруция насторожилась:

— Что?

— Когда Нерон пел, передо мной возникло чудесное видение. В один миг пиршественный зал исчез, все исчезло, и вместо этого я увидел Нерона в другом месте...

Витруция изумленно посмотрела на мужа:

— В каком другом месте?

— Он продолжал петь свою гнусную песню, но стены раздвинулись, пространство изменилось, и я увидел

изменившегося императора в центре огромной площади. Его слушало море людей, тысячи, десятки тысяч... Они внимали песне, они держали в руках светильники и раскачивались в такт песне, они боготворили его и поклонялись ему... Это надо было видеть. Нерон пел им про блуд, а они подпевали, проникались низменными желаниями и похотливостью плоти. Сам Нерон перевоплотился в той жизни в самого грязного человека. Он предавал на поругание все свое тело и прилюдно воспевал это так, как должны воспевать только богов. Все подпевали и вторили похоти. Мне кажется, я видел будущее. Возможно, оно далекое, но оно может наступить...

Удивленная Витруция спросила:

— Да хранит нас великая богиня Веста! Расскажи мне, в кого перевоплотился император?

Закрыв глаза, Квинтилиан постарался припомнить детали видения и сказал:

— Он был облачен в совершенно неописуемую одежду. Костюм розовый с позолотой. Трудно даже вообразить такой цвет. На глазах огромные розовые стекла. Он играл на инструменте, который походил на громадный комод. Через волшебную трубку его голос усиливался многократно, так что его слышали далеко вокруг... Там еще было столько света... Я не мог понять, откуда он брался? Тысячи ярких, ослепляющих солнечных зайчиков летали вокруг. И все походило на молитву толпы, только молились они низкому... Он же извратил песню и божественным голосом воспевал плоть и похоть... Как я боюсь, что такое будущее настанет... Извини, моя прекрасная Витруция...

Квинтилиан неожиданно заплакал...

Витруция обняла мужа:

— Да... Это жуткое зрелище...

Марк вытер слезы и продолжил:

— Он пел, как грязный актер, а его друзья были не лучше него. Один соорудил из женских тряпок платья, разодел рабов и показывал это всем как высокое искусство; другой давал представление про измену и разврат; третий же воспел самого Нерона как истинного бога на земле...

Марк в отчаянии покачал головой и замолчал. В спальне наступила тишина, нарушаемая лишь шорохом легкой занавески.

Наконец Витруция спросила:

— Что же было потом? Он пригласил вас лишь для праздного развлечения?

— Потом он сел на трон и отдал нам с Сенекой приказ. Мы должны выступить на суде над поджигателями Рима. Я буду защитником преступников, а Сенека — обвинителем. Тигеллин передал нам свитки с материалами дела... Вот я и потерял покой... Изучаю...

— Марк, я напугана... Можем ли мы ждать что-то доброе от императора? Говорят, он отравил своего брата, не пощадил собственную мать. Говорят, что во дворце постоянно находится известная отравительница Локуста, которая готовит ему разные яды... Ее охраняет сам Тигеллин, который держит ее в темнице, и она служит им... Я боюсь императора. Он может отравить и нас всех...

Марк поцеловал ее:

— Будем мудрыми, будем молиться и надеяться на лучшее.

Витруция немного успокоилась:

— Расскажи, что ты вычитал в этом свитке?

— Здесь написано, что преступление раскрыто.

— Кто же преступники?

Марк пролистал свиток и нашел нужное место.

— Вот, смотри... Это зловредная секта. Они устроили поджог для устрашения римлян. Вот что тут еще написано... Эта зараза дошла до Рима. Они пытаются растлевать

нашу молодежь... Поклоняются они некоему назаретянину по имени Христос. Его казнил при Тиберии прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Тогда это зловредное суеверие было подавлено на время. Но христианская пагуба вновь прорывается. Она распространилась за пределы Иудеи и достигла Рима. Зовутся они христианами и верят, что их Христос воскрес на третий день. Они хотят, чтобы за ним следовали все. Для этого они крестят людей, путая им мозги...

Витруция молча выслушала это и спросила:

— На чем основано обвинение?

Марк развернул свиток, поискал раздел с доводами и прочитал:

— Вот, свидетели показывают, что христиане в плащах с капюшонами бросали зажженные факелы в дома и поджигали здания. Это происходило во многих местах одновременно. Люди боялись ловить поджигателей, так как те кричали, что действуют по приказу императора. Особенно возмутительна эта ложь... Смотри, здесь перечислен ущерб, нанесенный пожаром. Сгорел почти весь город. Сейчас суд будет требовать распять на крестах всех христиан, которых обнаружат в Риме. И особенно жестоко наказать их наставников...

Витруция сжалась, укутавшись в свою шаль:

— Все это меня пугает... Боюсь, что Сенеку и тебя используют как наживку... Давай уйдем, удалимся сейчас же в наш лесной домик. О нем никто ничего не знает. Никто там нас не найдет. Или, еще лучше, уедем куда подальше из этого гнусного города, который захлебывается в разврате... Твоя риторская школа лишь островок света в этом грязном болоте, которое может засосать нас в любой момент. Ты учишь духовности, но сам видишь, что дети выходят за ворота и окунаются в нечистоты. Ты ничего не можешь поделать...

Марк развел руками:

— Как я могу бежать, когда передо мной приказ императора. Не следовать приказу — это верная гибель. От преторианцев нам не скрыться в лесном домике. Да и куда мы убежим? В Испанию? Если мы убежим, нас будут преследовать как предателей.

Витруция тихо плакала:

— Что же нам делать?

— Я изучу это дело досконально, вникну в суть происходящего, построю мудрое выступление на суде и, возможно, смогу обезопасить нас таким путем.

— Как же ты изучишь это дело? На основе доводов Тигеллина?

— Не только. Я разыщу христиан и пойму их намерения. Чего они хотят? Зачем им запугивать нас? Дорогая Витруция... Я должен их увидеть как можно скорее, я должен выслушать их доводы, и тогда я пойму, в чем суть этого дела. Возможно, я найду еще и других свидетелей, и когда я буду знать суть, тогда пойму, как построить свою речь в суде, чтобы не идти против совести и обеспечить безопасность своей семьи.

Витруция кивнула:

— Да, возможно, это мудрое решение... Как ты будешь искать христиан?

— Сразу с рассветом отправлю Актуария на Форум. Пусть там стоит и расспрашивает всех о наставниках христиан. Он так узнает, как их найти, а потом я пойду, увижу их и поговорю с ними.

— Хорошо. Поступай, как считаешь нужным. Однако сейчас еще глубокая ночь. Вся вселенная спит спокойным сном. Отдохни и ты.

Марк посмотрел на нее покрасневшими от напряжения глазами и ответил:

— Ты права, моя драгоценная Витруция. Давай поспим. Они легли.

Легкий ветерок сразу наваял сон, и Марк заснул тотчас, как закрыл глаза.

Витруция же присела и, зажав в руке свой драгоценный амулет, свадебный подарок весталки Рубрии, долго пела тихую молитву:

Помоги нам, Божья Мать, Весну-Весту закликать,
Лес-лесочек пробуждать, тепло в душу зазывать...

2.

Утро началось с тревожных новостей. Их принес прямо в спальню риторы взволнованный раб Свистоний. Он вбежал в господские покои как угорелый, размахивал руками, бил себя по голове и причитал:

— Мой господин... Накажи меня за дерзость... Но там такое происходит... Я не мог не прибежать...

Марк и Витруция присели на постели:

— Что случилось?

Свистоний упал на колени и начал сбивчиво объяснять:

— Там пришел сам господин сенатор...

Марк спросил:

— К кому пришел?

— Пришел к господину Агелатусу...

— И что?

— Они спорили... И дети тоже спорили и... Там все спорили... И сейчас спорят...

Марк, конечно, ничего не понял, но догадался, что надо немедленно принимать меры... Витруция помогла ему набросить тогу. Затем Марк наскоро умылся, поднял раба с колен и сказал:

— Сначала угомонись... Отдышись и скажи так, чтобы я понял, кто пришел к господину Агелатусу?

Свистоний поднялся:

– Пришел сенатор господин Северий Агенобарб...

Марк удивился:

– Что??? Сенатор Северий Агенобарб? Отец нашего Тутуция?

Свистоний кивнул.

– Да, господин... Отец Тутуция почтил нас своим посещением, и сейчас они там с господином Агелатусом...

Марк насторожился.

– Что они там с Агелатусом?..

Свистоний опять заплакал:

– Мой господин, тебе это надо самому увидеть...

Вмешалась Витруция:

– Марк, дорогой, иди, узнай сам... Не мучай бедного Свистония...

Раб благодарно посмотрел на Витруцию:

– Да... Не надо меня мучить... Тем более что там еще у господина Агелатуса кровь из головы...

Марк воскликнул:

– Какая еще кровь из головы?

Свистоний вытер слезы:

– Обыкновенная...

Квинтилиан махнул рукой на бестолкового раба, поцеловал жену и быстрым шагом направился в класс грамматика.

Раб побежал за ним...

В портике, около класса Квинтилиан увидел группу подопечных грамматика в замешательстве и тревоге. Дети что-то горячо обсуждали, но, увидев ритора, замолчали.

Марк сказал им:

– Приветствую вас, достопочтенные господа. Рад вас видеть в добром здравии. Почему вы не на уроке?

Мальчики начали сбивчиво объяснять:

– Господин ритор, тут такое произошло...

— Господин Агелатус в беде...

— Случилось несчастье...

Марк отдернул штору, отделяющую портик от класса грамматика, и вошел.

Он сразу заметил Тутуция, который стоял в углу с поникшей головой и со стиснутыми зубами. Он отрешенно смотрел в мраморный пол портика и не принимал участия в беседе с ритором.

Марк обернулся к детям:

— Хорошо, достопочтенные господа. Можете ли вы спокойно постоять вместе со Свистонием и не шуметь, пока я буду выяснять суть дела?

Грамматик сидел на ученической скамье с поникшей головой, обернутой масляным полотенцем, пропитанным кровью. Он придерживал полотенце на своей ране, а лицо его было в слезах и засохших пятнах крови. Выглядел он жалко...

Над ним возвышалась тучная и грозная фигура сенатора Северия Агенобарба, отца Тутуция. Он махал кулаками над бедным Децимом и, увидев Квинтилиана, обратился к нему:

— Здравствуй, великий ритор! Ты пришел вовремя.

Марк поклонился:

— Здравствуй, сенатор Агенобарб! Я поспешил на встречу тебе, как только узнал, что ты у меня в школе. Однако что я здесь вижу? У Децима разбита голова? Что случилось?

Сенатор ответил:

— Дорогой Марк, ты великий учитель! Ты воспитываешь великие умы. Императоры и сенаторы доверяют твоему попечению своих детей. Мы верим, что в стенах твоей школы они, наши наследники, приобретают все необходимое, чтобы стать достойными сынами нашей Родины...

— Твои слова для меня великая честь, дорогой Северий! Я посвящаю всю свою жизнь воспитанию честных людей, носящих в душе великую добродетель...

Сенатор кивнул:

— Да! Я верю в тебя, но вот этот...

Сенатор с презрением указал на грамматика, поморщился, сдерживая негодование, и продолжил, пытаясь овладеть собой:

— Вот этот... Вот он просто достал меня...

Квинтилиан сказал:

— Северий, давай сначала успокоимся и по-дружески обсудим, что же здесь произошло?

Агенобарб кивнул:

— Я расскажу тебе, что здесь случилось... Вот это жалкое создание уже давно глумится над маленькими детьми, терзает и избивает их. Совсем недавно он наказал моего Тутуция десятью ударами ремня. Я не спорю, возможно, Тутуций заслуживал не только десять, но и все сто ударов. Я сам не раз грел ему спину за мерзкие поступки, требующие порицания... Кстати, я сам за строгое и справедливое обращение с подопечными, но этот...

Северий опять скривился, проглотил самые резкие выражения и продолжил:

— Рассуди сам, что же произошло сегодня... Он собрался наказать моего гаденыша в очередной раз. Наверно, тот сделал что-то гнусное и вполне заслуживал кары... Но, как мне рассказали, неожиданно мой Тутуций изловчился, увернулся от удара и огрел эту пародию на учителя табличкой для письма прямо по голове... Да, сделал он это с такой силой, что рассек ему голову, полилась кровь...

Услышав это, Квинтилиан ужаснулся:

— Я не могу поверить своим ушам... Неужели то, что ты говоришь, правда и Тутуций разбил голову своему грамматiku табличкой для письма?

Сенатор ответил:

— Клянусь Геркулесом! Истинная правда! Спроси самого... Ну, этого...

Гримаса опять исказила лицо сенатора.

Квинтилиан посмотрел на Агелатуса, который казался еще более жалким, и спросил:

— Децим, у меня нет оснований сомневаться в словах самого честного и справедливого из римских сенаторов, но... в такое трудно поверить! Тебя ударил по голове вот этой табличкой Тутуций?..

Децим вдруг заплакал:

— Марк, милый... Прости... Бедный я и несчастный... Тутуций шарахнул меня так неожиданно... Кровь хлынула из раны, залила мне глаза, все лицо... Я был весь в крови...

Квинтилиан спросил:

— Что же было потом?

Грамматик ответил:

— Потом Свистоний наложил мне масляную тряпку на рану, а я сразу послал раба за господином сенатором, отцом Тутуция... Он пришел быстро и осыпал меня несправедливыми упреками... Чтоб я провалился!.. Ах я бедный и несчастный...

Сенатор возмутился и взорвался:

— Несправедливыми?! Да как ты смеешь?! Жалкий и ничтожный грамматик! Тебе бы актером паясничать перед публикой, а не воспитывать граждан великой империи. Видано ли, что недоразвитый мальчишка оказался сильнее учителя! Да я бы на твоём месте этого наглого Тутуция на части разорвал! Я бы его тут же четверговал перед всеми! Я бы на твоём месте его стилусом проткнул

или глаза вот этой линейкой выколочил! Хоть он мой сын, но я бы оправдал тебя, а не его! Но ты – жалкий червь, а не человек! Послал за мной и от государственных дел оторвал, потому что с малыми детьми не можешь управиться. Я удивлен, что великий ритор тебя в своей школе держит. Тебе бы помойки убирать да в инсулах с вонючими плебеями свои жалкие дни доживать! Не берись за дело, которого не знаешь!

Разъяренный сенатор дрожал от негодования и возмущенно извергал упреки.

Квинтилиан попытался его успокоить:

– Дорогой Северий, остынь, прошу тебя...

Сенатор глубоко вздохнул и, придя в себя, ответил:

– Марк, пойми меня! Сначала я хотел вздуть своего мерзавца, но потом понял, что он не виноват! Он молодец! За себя постоял! Обидчика наказал! Узнаю в нем свою горячую кровь! Будь я на его месте, я бы этого жалкого таракана собственным учебником раздавил...

Терпеливо выслушав сенатора, Квинтилиан сказал:

– Мой дорогой Агенобарб! Благодарю за толковое разъяснение произошедшего. Позволь, теперь я сам возьмусь за это и исправлю все ошибки Децима...

– Конечно, я буду только рад и буду уповать на твою мудрость...

Марк поклонился:

– Позволь проводить тебя. Уверен, дела государственной важности не терпят твоего отсутствия... Возвращайся к своим обязанностям.

Сенатор ударил себя в грудь и сказал с горечью:

– Ах, если бы не ты, великий ритор! Я бы эту жалкую крысу...

Марк ответил:

— Я сам накажу его, дорогой сенатор. Следуй за мной. Предоставь мне удовольствие проводить тебя до ворот школы...

Сенатор и сопровождающий его ритор вышли в портик. Дети, стоявшие толпой, сразу расступились, давая им пройти.

Молча прошагав весь портик, Марк вывел Северия за школьные ворота. За ними бежала целая ватага мальчишек. Всем было интересно посмотреть на отбытие сенатора.

Они остановились у ворот, и Северий сказал:

— Дорогой Квинтилиан, ты уверен, что более не нуждаешься в моей поддержке и сам справишься с этой армией малолетних заговорщиков, а также с их жалкой жертвой, грамматиком?

Марк ответил уверенно:

— Конечно уверен, мой сенатор...

— Хорошо, а что будем делать с моим сыночком? Хоть он и храбро постоял за себя и это можно ставить ему в похвалу, но, с другой стороны, он поступил мерзко, подняв руку на учителя.

— Тутуций очень талантливый мальчик. Нам надо вместе разбудить в нем природную доброту, чуткость и любовь... Тогда он полностью раскроет свои способности. Надеюсь, боги помогут нам...

Сенатор удовлетворенно кивнул:

— Мне нравится твой настрой!

— Я не хочу оправдывать Агелатуса, но тебе, наверно, известно, что он здесь по рекомендации сенатора Виспасиана... Он его племянник.

Сенатора это очень удивило:

— Неужели? Никогда бы не подумал, что у доблестного Виспасиана может быть такой жалкий родственник... Хотя теперь я понимаю, как тебе трудно от него избавиться.

— Моя цель не избавиться от Децима, а научить его, развить в нем самые добрые качества, которые помогут ему измениться к лучшему. Я очень надеюсь, что сегодняшний случай станет прекрасным уроком для него...

— Как ты поступишь с моим негодяем? Я бы посоветовал выпороть его, так чтобы вся дурь выветрилась у него из головы...

Квинтилиан покачал головой:

— Нет, мой сенатор. Пороть я никого не буду. Это не способ воспитания. Подобное воспитывается подобным, и, избивая детей, мы только развиваем в них жестокость. Этого я не хочу.

Сенатор рассмеялся:

— Неужели ты будешь его хвалить?

Марк ответил:

— Нет, хвалить я его тоже не буду, но мой упрек будет таким, что изменит Тутуция в лучшую сторону и сделает его более добрым, справедливым и сдержанным. Он еще в юных годах, и пора взросления у него еще впереди. Этот случай я превращу для него в назидательный урок без всякого телесного наказания...

— Должен признать в тебе и правда великого воспитателя, Марк! Горжусь, что у Рима есть такие сыны. Не буду спрашивать, что ты предпримешь. Дождусь последствий...

— Надеюсь, мы вместе увидим последствия моего назидательного урока на ближайших ежегодных декламациях! Времени до них совсем немного, и советую не пропустить их. Там твой Тутуций блеснет своими знаниями и пробужденной душевной добродетелью...

Сенатор удовлетворенно кивнул:

— Приду непременно. Не сомневаюсь в твоих словах и потому приду не один. Я приведу большую группу

сенаторов, чтобы похвастаться перед ними достижениями своего сына.

— Это мудрое решение...

У ворот сенатора ждала роскошная квадрига — позолоченная колесница с четырьмя лучшими скакунами. У квадриги крутились будущие ораторы. Они восхищенно осматривали ее со всех сторон и обсуждали достоинства. Увидев приближающегося сенатора, они с почтением отступили и поклонились.

Квинтилиан сказал:

— Достопочтенный сенатор, позволь представить моих старших подопечных. Это будущее Рима.

Северий поклонился мальчикам и сказал:

— Я рад встретиться с вами и жду в будущем от вас великих дел!

Мальчики ответили хором:

— Рады служить Отечеству!

Северий помахал им и сказал:

— Прощайте все! Будь здоров, ритор!

— Будь здоров и ты.

Сенатор вскочил в свою повозку, хлестнул коней и, сорвавшись с места, скрылся за поворотом Взвоза Каспариев, подняв облако пыли и вызвав восхищение юношей.

Пыль быстро рассеялась, и Квинтилиан обратился к детям:

— Господа, позвольте спросить, какие у вас планы?

Мальчики проглотили языки... Не могли справиться с глубоким впечатлением от отъезда квадриги.

Квинтилиан расшевелил их:

— Достопочтенные мои господа, дорогой Церебрий, дорогой Салсумус, дорогой Урбанум, дорогой Фортис... Очнитесь!

Мальчики зашевелились и посмотрели на ритора.

– Так лучше. Интересное здесь закончилось. Думаю, вы все хотите вернуться на занятия...

Церебрий ответил первым:

– Да, мы хотим вернуться...

Тут из ворот появился помощник ритора Викторий Марцелл:

– Вот вы где! А я ищу вас по всей школе. Что случилось?

Марк ответил:

– Приветствую тебя, Викторий. Мы с ораторами провожали почетного гостя. Сейчас проводы закончились, и юноши готовы вернуться к занятиям.

– Прекрасно. Господа, прошу вас следовать за мной.

Марк остановил группу:

– Постой, Викторий. Сразу после обеда предлагаю пойти в намеченный поход в лавку работорговца. Я обещал.

Это предложение сразу оживило всю группу. Мальчики ответили:

– Спасибо, господин ритор!

– Это прекрасное известие!

– Мы ждали поход с нетерпением...

Марк сказал:

– Тогда следуйте за вашим ритором, а мы увидимся сразу после обеда.

Юные ораторы поклонились Марку и пошли за Викторием.

3.

Ученики грамматика опять толпились в портике, возбужденно обсуждая произошедшее. Марк успокоил детей и отправил их на лужайку под присмотром Свистония.

Затем он вернулся в класс и застал Децима в том же плачевном состоянии, как и оставил.

Грамматик покачивал разбитой головой и причитал:

— Ах я несчастный... Ах я бедный...

Марк присел рядом с ним:

— Хватит хныкать, Децим, будь мужчиной. Я твой друг, и я рядом с тобой, чтобы помочь.

Децим поднял на Марка мокрые от слез глаза:

— Правда? Ты мой друг и не будешь меня наказывать?

— Я твой друг и не собираюсь тебя наказывать... Хочу найти вместе с тобой выход из сложившегося положения.

— Ты мой спаситель... Но я в отчаянии, не знаю, что делать, как показаться детям на глаза, что им сказать? Мне стыдно, ибо я опозорен. Жизнь поступила со мной несправедливо...

Марк похлопал грамматика по плечу:

— Посмотри на случившееся как на суровый урок, который тебе преподала судьба. Ведь каждый прожитый день это и есть наш жизненный урок. Ты учитель, воспитываешь детей. Представь, что над тобой есть учитель опытнее и мудрее тебя. Он тоже учит тебя всю жизнь. Закрой глаза, представь этого учителя перед собой и спроси себя, чему этот великий наставник хотел научить тебя сегодня? Что он хотел сказать тебе произошедшим?

Децим вытер слезы и закрыл глаза... Некоторое время он сидел, не двигаясь, потом вдруг снова разрыдался...

Марк подал ему платок, успокоил и спросил:

— Ты что-нибудь видел перед собой, когда сидел с закрытыми глазами?

— Нет... Но я услышал голос... Нечто было мне сказано...

— Неужели?! Что же ты услышал?

— Я услышал голос, говоривший, что насилие порождает только насилие... Вот что мне было сказано.

Квинтилиан кивнул:

— Верно! Иначе не может быть! Наказывая ремнем, ты воспитываешь способность наказывать. Дети перенимают от нас то, что мы им показываем. Ты их бил? Они бьют тебя в ответ. Вот с этим ты и столкнулся сегодня. Тутуций вышел из повиновения и вернул тебе то, чему ты сам его научил. Кого же ты винишь сейчас? Виноват лишь ты сам!

— Что же мне делать?

— Первое, ты должен открыть в себе отеческие чувства к подопечным. Представь себя на месте родителей, которые вверяют тебе детей. Такая мысль даст тебе опору для воспитания детей. Но, кроме того, ты должен освободиться от всех пороков. Посмотри, ты груб с детьми и вызываешь их ненависть. Ты слаб, и они ненавидят тебя. Когда я видел, чтобы ты с ними беседовал о благоповедении? Никогда этого не было! Вот и вынужден ты наказывать их. Посмотри, как ты обличаешь их ошибки? Ты делаешь это, сурово браня их. Чему же ты учишь их? Быть суровыми и браниться. Твои выговоры походят на явную ненависть, и тем самым ты в подопечных рождаешь отвращение к учению. Скажи мне, может, я ошибаюсь?

Децим лишь качал разбитой головой, подтверждая справедливость слов Марка, который продолжил:

— Вот тебе и простое правило: стань добрым сам, чтобы дети тебя полюбили... Тогда они будут воспринимать и твою грамматику...

Децим смотрел на Марка удивленно:

— Конечно, я должен нести им грамоту. Я же грамматик...

— Ты грамматик! Но учить ты должен через свою грамматику добродетелям. Вот ты учил их грамоте без благонравия, и что получаешь в ответ? Они грамотно пишут тебе, что ты осел! Ты учишь их грамматике без воспитания в них добрых качеств? Вот они тебе голову разбивают

твоими же табличками... Нужна теперь тебе такая грамматика? А нес бы ты им любовь, так они эту любовь через таблички бы тебе вернули в прекрасных своих сочинениях...

Децим с отчаянием вздохнул:

— Значит, я несу им зло?

— Да, вот так и получается. Ты сделался худшей частью этого мира, погрязшего в войне, убийствах и разврате... Но ведь мир полон и любви. Сделайся частью лучшего. Стань образцом благородства, доброты и любви. Относись к своим ученикам как отец, который не терпит никакого порока ни в себе, ни в других.

Децим возмущенно покачал головой:

— Как же не быть строгим, когда они допускают ошибки!..

Квинтилиан рассмеялся:

— Посмотри на свою голову! Ты ли сам ошибок не допускаешь? Неужели твоя разбитая голова не напоминает о твоих ошибках? Главное не ошибки, а то, как ты чужие ошибки оцениваешь. Ты поддаешься гневу, бранишь их с отвращением? Дети отворачиваются от твоего учения. Напротив, ты бы почаще беседовал с ними о добром и честном, о том, что может запечатлеться в их сердцах навсегда. Тогда они тебя полюбят. Чем больше будешь увещевать, тем меньше придется наказывать. А живое слово любимого учителя действует сильнее любого наказания. Если бы ты знал, как сильно в нас желание подражать тем, кого мы любим...

Децим вытер слезы. Было видно: что-то переворачивается в его сознании:

— Что же мне делать?

Марк по-дружески похлопал Децима по плечу и ответил:

— Начни воспитывать себя. Только так ты сможешь изменить свое отношение к детям... Да не только дети, весь мир расцветет перед тобой, и жизнь станет прекраснее.

Децим потер голову и сказал:

— Очень болит...

— Иди к себе, отлежись. К завтрашнему дню полегчает. Сумей преодолеть себя, и ты обновешь свое сознание. Даже глаза твои изменятся, по-иному увидишь себя.

Децим всхлипнул:

— Я же всю науку у Хрисиппа брал... А он учит бить и наказывать строго...

Квинтилиан кивнул:

— Да, он нас этому учит... И чему еще он нас учит? Учит ли он нас насмеяться над ошибками других?

Децим ответил:

— Да, и насмеяться учит...

Марк сказал:

— И чего он добился насмешкой?

— Чего он добился?

— Знаешь, от чего умер Хрисипп?

Децим Агелатус заинтересовался:

— Нет... От болезни?

— Если бы... Расскажу, не поверишь! Он напоил своего осла вином, а потом наблюдал, как тот пытается съесть инжир. Насмехаясь над пьяным животным, он начал хохотать. Смеялся он целый час. Ученики пытались его успокоить, но у них ничего не получилось и... Хрисипп умер от смеха...

Несмотря на глубокую душевную травму, Децим Агелатус невольно улыбнулся:

— Ну, Марк... Ты это точно сам придумал, чтобы меня рассмешить... Не мог такой великий философ, как Хрисипп, умереть от смеха. Он же написал семьсот мудрых книг... Скажи мне, ведь ты пошутил?

— А ты сам проверь... Сходи в библиотеку, прочти все про Хрисиппа и расскажи потом сам о его смерти...

Децим кивнул головой и тут же вспомнил, что она разбита:

— Несчастный я, бедный... Чего я смеюсь, когда я опозорен... Как же мне показаться на глаза детям?

Квинтилиан успокоил грамматика:

— Иди домой и вернись хорошим человеком. А я позабочусь, чтобы дети тебя встретили достойно.

Децим с надеждой посмотрел на Марка:

— Правда? Ты оправдаешь меня перед ними?

— Да, Децим, оправдаю. Но я ставлю и условие. Ты должен перемениться и стать настоящим грамматиком. Добрым, любящим и любимым учениками! Ты ведь мой грамматик. А мой грамматик должен быть совершенным во всем!

4.

Квинтилиан вышел во двор. Подопечные грамматика горячо обсуждали происшедшее на лужайке под присмотром Свистония. Увидев приближающегося ритора, они прекратили спор и вопросительно посмотрели на него.

Марк сел среди них и сказал:

— Дistinguished мои господа! Вы знаете, что сегодня произошло неприятное событие, которое нарушило распорядок занятий в школе. Это очень плохо, ибо сегодня вы уже не получите знания, которые должны были получить... Я говорил с господином сенатором Агенобарбом, с вашим грамматиком и видел последствия проступка. Однако как опытный судейский ритор, я знаю, что необходимо выслушать все стороны. Поэтому я хочу узнать от вас, что случилось?

Несколько секунд мальчики стояли молча и вдруг шумно заговорили хором, перебивая и перекрикивая друг друга.

Марк жестом руки остановил детей и предложил:

— Господа мои хорошие! Так мы ничего не выясним. Прошу вас сесть и представить себя сенаторами...

Это понравилось детям. Они быстро устроились во круг риторы и чинно замолчали.

Марк сказал:

— Теперь подходите ко мне по одному, и пусть каждый расскажет мне все, что знает о случившемся.

Свистоний мгновенно организовал очередь, и дети начали разговаривать с Марком, восстанавливая картину происшествия.

Гелицион и Верминтий поведали, что Тутуций с самого раннего утра намеревался расправиться с учителем за то, что он его недавно избил ремнем. Товарищи ему не верили, а он предлагал биться об заклад со всеми по отдельности. Тутуций поступил очень ловко. Он предлагал всем поставить полученные от них накануне деньги, по двадцать сестерциев с каждого. Сам он обещал большую сумму. Эта возможность прельстила их. Все начали дознаваться об условиях. Тутуций обязался разбить свою дощечку для письма о голову грамматика. Естественно, никто не поверил в это. Тогда Тутуций заявил, что вернет всем деньги, если этого не произойдет до полудня, однако если дощечка все-таки разобьется о голову Децима, то тогда он требовал с каждого еще по двадцать сестерциев.

Товарищи согласились. Деньги были сложены, и их собрал Верминтий. Начались занятия. Все шло обычно, пока Тутуций не начал свистеть... Децим грубо приказал ему заткнуться, но Тутуций не повиновался и продолжил свист. Тогда Децим подошел к мальчику, приказал протянуть руки и поднял линейку, чтобы больно ударить. Тутуций перевернул руки и уложил их на дощечку для письма. Грамматик поднял линейку, но мальчишка оказался проворнее. Он отдернул руки вместе с дощечкой, замахнулся и...

Дощечка не разбилась... Разбилась голова грамматика... Кровь хлынула из раны, и он взвыл от боли.

Разъяренный Децим хотел схватить Тутуция, но тот увернулся, а потом грамматик уже не мог двигаться, так как кровь заливала его лицо...

Дети разбежались в испуге, а Свистоний кинулся помогать Дециму. Он быстро нашел тряпку, смазал ее лечебным маслом и приложил к ране.

Бедный грамматик плакал, как раненый воин на поле брани. Тут он допустил вторую ошибку. Наверно, самую роковую... Он приказал послать за отцом Тутуция, чтобы он немедленно явился в школу и сам достойно наказал своего сына...

Сенатор Агенобарб и правда вскоре явился, но... узнав о случившемся, он не наказал сына, а начал бранить самого грамматика, крича, что так ему и надо...

Очередь рассказчиков подходила к концу. Последним стоял Калидус.

Мальчик почти плакал:

— Отец, прости меня.

— Что случилось?

— Я провинился перед тобой и молю о прощении.

— Ты мой любимый сын. Я буду с тобой всегда и всегда буду помогать тебе. Откройся и скажи мне, в чем твоя вина?

— Я поспорил с Тутуцием на деньги, которых у меня нет. Я не думал, что он способен ударить грамматика по голове, но он это сделал, и я проиграл. Теперь я не знаю, что мне делать. Я должен ему, а денег у меня нет.

Квинтилиан спросил:

— Кроме тебя проиграли и другие?

Калидус кивнул.

— Да...

— Ваш заклад был в двадцать сестерциев на каждого?

— Да...

Марк покачал головой:

— Это же огромные деньги!

Калидус ответил:

— Да... Я виноват, отец...

Марк спросил:

— А у других мальчиков были деньги?

— Да, отец...

— Так, в группе вас пятнадцать... Если каждый из вас должен Тутуцию по двадцать сестерциев, сколько же вы должны Тутуцию все вместе?

Калидус начал считать в уме. Поразмыслив, он сказал:

— Тридцать... Нет! Триста... Мы должны ему триста сестерциев.

— Откуда же у мальчиков такие деньги?

— Они долго копили. У всех есть копилки... Но теперь им надо все отдать Тутуцию. Я же ничего не копил. У меня нет... Что мне делать?

— Сынок, мы с тобой как истинные римляне обязаны держать слово, даже когда мы понимаем, что ошиблись.

— Я ошибся, отец... В жизни не буду больше биться об заклад... Не буду больше спорить...

Марк кивнул:

— Это было бы мудрым решением.

— Да, теперь я это твердо знаю... Но как быть сейчас?

— Сейчас тебе нужна помощь, и я как твой отец окажу ее тебе.

Калидус смущенно посмотрел на отца:

— Ты, правда, расплатишься за меня?

— Да. Только эти деньги я дам тебе в долг. Когда у тебя появится возможность, тогда и вернешь...

Калидус обнял отца:

— Отец, я тебя люблю...

Калидус вернулся к детям, а Марк подозвал самого виновника. Тутуций подошел с низко опущенной головой и долго стоял молча. Наконец Марк сказал ему:

— Господин Тутуций, ты знаешь, что я говорю с тобой как со взрослым и полноценным гражданином Рима. Таким я тебя вижу уже сейчас, и таким ты был всегда для меня. С ребенком я говорил бы иначе. Но в тебе я вижу великий ум и большие способности. Тот же вопрос я задал бы другу. А ты мне друг.

Тутуций слушал Квинтилиана, хмуро внимая каждому слову.

Ритор продолжал:

— Ты совершил поступок, который заслуживает не только порицания, но и жестокого наказания. Твой грамматик, господин Агелатус, старше твоего отца по возрасту, и в стенах этой школы он заменяет тебе отца, ибо твой родитель доверил ему попечение о тебе.

Тутуций мрачнел и ломал себе руки.

Марк продолжил:

— Что же ты сделал? Сегодня ты разбил грамматику голову табличкой. Это равносильно тому, что ты разбил бы голову своему отцу. Ты знаешь, как наказывается римский гражданин, который поднимет руку на отца?

Тутуций напрягся, и Марк сказал:

— Видно, ты не знаешь, и я тебе скажу. За такое римлянина казнят, отсекая голову.

Тутуций вздрогнул и прошептал:

— Я этого не знал...

— Да, не знал, потому что вместо прилежания в учении ты упорно вымогаешь деньги у товарищей... Это серьезное преступление сурово наказывается среди нас, граждан великого Рима... Могу сказать, какая кара положена за вымогательство, — продолжил Квинтилиан.

— Какая?

— Конфискация всего имущества...

Тутуций вздрогнул.

— А как ты думал? Ведь ты гражданин Рима. Это налагает на тебя особые обязанности.

Глаза у Тутуция забегали в тревоге, и он спросил:

— Что же мне делать? Ты меня сдашь правосудию?..

— Я сказал, что ты мой друг. Как ты думаешь, друзья сдают друзей? Ты бы сдал меня?

— Никогда!

Квинтилиан кивнул:

— Вот и я никогда не сдам друга. Но и восхищаться низким поступкам друга я не намерен. А поднять руку на отца, даже если он отец не кровный — это низкий поступок.

И тут на глазах Тутуция появились слезы.

Он быстро заморгал, пытаясь скрыть свои чувства, но не смог.

Марк понял, что его слова возымели действие и благородные чувства начали просыпаться в душе мальчика.

Он обнял ребенка и сказал грустно:

— Я должен быть честным с тобой, как со взрослым другом. Твой поступок разбил мне сердце. Я хочу видеть тебя великим римлянином! У тебя есть великие задатки и достойная семья, но ты все сам портишь. Никто никогда не будет хвалить воспитанника, который поднял руку на своего воспитателя, да еще эти деньги. Я никак не могу одобрить твои корыстные цели. Я в своих мечтах вижу тебя свободным от всего плохого и счастливым!

Тутуций ничего не отвечал, он тихо плакал. Его душа страдала от внутренних переживаний и... очищалась.

Марк сделал длинную паузу:

— Вижу, что ты понимаешь, насколько плохо ты поступил. Но одного лишь понимания недостаточно.

Тутуций спросил сквозь слезы:

— Что же мне делать?

— Тебе надо немедленно искупить свой низкий поступок и придумать нечто мудрое. Если бы ты был ребенком, я бы посоветовал пойти и извиниться перед твоим учителем. Но ты взрослый, поэтому сам должен найти выход и совершить нечто настолько же возвышенное, насколько низкое ты уже совершил. Не знаю, что ты придумаешь, но надеюсь, что скоро увижу.

Марк помолчал и добавил:

— Я очень надеюсь на это.

Тутуций смахнул слезы и ответил:

— Обещаю, я придумаю.

Марк пожал мальчику руку:

— Сделай это прилюдно, на ежегодных декламациях.

— Хорошо, ритор! Положись на меня! Я оправдаю твою надежду...

Марк встал и объявил всем:

— Господа! Принимая во внимание сегодняшние события, я не могу оставить вас здесь одних на попечение одного лишь Свистония. Поэтому приглашаю всех пойти вместе со старшей группой в поход в лавку работорговца на Форуме.

Мальчики радостно заговорили:

— Мы идем на Форум!..

— Какая честь!

— Спасибо тебе, ритор!

Марк сказал:

— Свистоний, выходим сразу после обеда. На подготовку у вас час...

Марк развернулся и направился к группе ритора.

Его догнал Тутуций:

— Господин главный ритор...

— Что тебе, Гней?

— Ты и мне позволишь пойти в поход?

Марк ответил:

— Ты решаешь сам за себя, ты же взрослый. Хочешь пойти с нами? Иди, ты свободен... Если же нет, то делай как знаешь.

— Я хочу пойти. Очень.

— Так иди.

5.

После обеда дети собрались у ворот школы. Аккуратно одетые в белые нарядные туники, они с нетерпением ждали начала похода.

Марк предстал перед всей группой и сказал:

— Господа, позвольте привлечь ваше внимание перед тем, как мы двинемся в поход.

Викторий Марцелл и Свистоний призвали детей к тишине, и все замолчали.

Тогда Марк сказал:

— Хочу напомнить вам цель нашего похода. Мы направляемся на Форум, в лавку работорговца, чтобы больше узнать о рабах. Надеюсь, это поможет вам в подготовке ваших выступлений на ежегодных декламациях. Вы будете иметь возможность увидеть сам магазин рабов, поговорить с его владельцем и с рабами. Прошу вас подготовить свои вопросы...

Некоторые из детей сказали:

— У меня уже готовы вопросы...

— Я знаю, что буду говорить...

Марк сказал:

— Хорошо. Хочу также вас предупредить. Мы будем идти по многолюдным улицам Рима. Нам надо быть внимательными и помогать друг другу. Важно, чтобы юноши из

группы ораторов вели за собой младших товарищей из группы грамматика. Марцелл и Свистоний будут помогать всем. Конечно, я тоже буду с вами...

Группа вышла из ворот и начала двигаться по шумным улицам Рима.

Сам Марк шагал впереди вместе со Свистонием, который высоко держал флаг школы и, выполняя функции ликтора, громко кричал:

— Идут будущие великие ораторы! Пропустите будущих великих ораторов!

Народ раздвигался и радостно смотрел на детей, которые гордо и с достоинством шагали в ногу.

Каждый юноша из группы ритора старательно заботился о младшем товарище из группы грамматика.

Сыновья Марка шли сразу за отцом. Элоквенций вел Калидуса. За ними следовали остальные, и шествие замыкал Викторий Марцелл, который внимательно следил, чтобы никто не отстал от группы.

Для младших детей поход стал исключительным явлением. Они восхищенно озирались кругом.

Квинтилиан говорил детям:

— Не забывайте, ваша цель — набраться впечатлений, чтобы написать замечательные сочинения к ежегодным декламациям. Хочу напомнить вам о договоре. Впредь мы отказываемся соревноваться друг с другом. Ваша цель — превзойти самих себя! Разве может быть победа более почетной? Ведь наши души мы принесли с собой с Небес. Души отличаются, как наши тела... Кому-то досталась душа пошире, кому-то — поуже. У кого-то способностей больше, у кого-то — меньше. И если ты сильнее товарищей от рождения, разве добавит тебе чести победа над заведомо слабым соперником? А если наоборот? Если слабее ты, а побеждает изначально сильный соперник?

Не сочтешь ли ты это несправедливым? Так уж лучше ты будешь превосходить самого себя, дабы продвигаться вперед в развитии...

Дети внимали словам учителя.

Проходя мимо тюрьмы в Геминеае, дети начали жарко обсуждать цели и назначение этого здания.

Также особый интерес детей вызвали книжные лавки в Атректе.

Наконец они добрались до Форума, протолкнулись сквозь толпу и очутились перед лавками, примыкающими к улице Аргилет.

Крайнюю и самую обширную лавку занимал работорговец неприятной наружности. Он расхаживал среди своего товара и, заметив многочисленных посетителей, закричал:

— Каких людей я вижу! Чувствую, счастливая звезда сегодня засияла над моей головой!

Квинтилиан обратился к хозяину лавки:

— Здравствуй, хороший человек. Я Марк Фабий Квинтилиан, главный ритор школы ораторов. Мы пришли к тебе, чтобы оценить твой товар, и надеемся на благожелательность с твоей стороны. Возможно, сегодня мы ничего у тебя не купим, однако настоящий честный торговец, каковым ты, несомненно, являешься, всегда будет рад рассказать о своем товаре. Как тебя звать?

— Мое имя Пропола Тораний. Все меня знают на Форуме как честного работорговца... Господин мой Квинтилиан, твои подопечные прекрасны! Для меня честь принимать тебя вместе с твоими учениками. Я с удовольствием покажу свой товар. Может, кому-то из мальчиков что-то приглянется? Вижу, они не из бедных семей...

— Спасибо, Пропола Тораний... Покажи нам все интересное, что у тебя есть...

— С радостью и удовольствием! Чувствуйте себя в моей лавке, как дома...

Дети поздоровались с хозяином и начали рассказывать вокруг лавки.

На подмостках стояли мужчины, женщины, юноши и молодые девушки, с нагрудными дощечками на шее. Ноги у некоторых были натерты мелом.

Пропола подошел к подмосткам и начал рассказывать:

— Господа мои, посмотрите на этого юношу! Он рожден на берегах Нила. Это мой лучший товар. Полюбуйтесь, какие у него черные глаза и черные волосы. Он прекрасно слышит обоими ушами и видит обоими глазами. Он сдержан, послушен, знает немного по-гречески, поет и может увеселять во время пира. Всего восемь тысяч сестерциев — и он ваш, в полной и безраздельной собственности...

Мальчики возмутились:

— Так дорого?!

— Это же целое состояние...

— Это мешок золота...

Пропола подмигнул им:

— А сколько вы дадите за него?

Фортис Болд спросил:

— А зачем нам этот мальчик?

Верминтий сказал:

— Мне его жалко.

Калидус согласился с ним:

— Мне тоже его жалко... Если бы были деньги, я бы купил его и отпустил на свободу...

Услышав это, молодой раб бросил на Калидуса благодарный взгляд, но сказать ничего не посмел.

Пропола воскликнул:

— Не советую это делать. Это не человек, а всего лишь вещь! Кто же покупает вещи на выброс?

Квинтилиан поддержал сына:

— Дорогой Пропола, этот раб, может, и вещь, но, как и моему сыну, мне тоже трудно воспринимать человека как что-то неодушевленное.

Пропола с удивлением посмотрел на Марка, но недолго думая подошел к другому подмостку:

— Позвольте мне обратить ваше внимание вот на эту девушку... Она прекрасно готовит, стирает, обслуживает, может даже танцевать. Она из далекой страны Армении. По-латыни она не говорит, не знает и греческого, поэтому стоит дешевле, чем мальчик, всего шесть тысяч сестерциев.

Девушка грустно глядела на осматривающих ее детей и еле заметно улыбалась.

Потом Пропола показал старика, пригодного для того, чтобы нянчить детей, за четыре тысячи; крепкого мужчину из варварских племен для тяжелой работы за семь тысяч, группу выносливых горных иберийцев оптом, двадцать рабов всего лишь за сорок тысяч сестерциев...

Пропола расхваливал их:

— Они выросли среди суровых скал и легко переносят и мороз, и жару. Пригодны в сельском хозяйстве. Получается две тысячи за штуку. Дешевле некуда.

Закончив описывать то, что было выставлено снаружи лавки, Пропола пригласил всех внутрь и начал показывать более дешевый товар.

Там были матери с грудными детьми, старики и старушки...

Дети рассматривали все внимательно, читали нагрудные таблички, некоторые записывали на своих табличках что-то.

Наконец все подошли к самому темному углу, где, поджав ноги, сидел старый раб из Греции в белом шерстяном колпаке.

Пропола сказал:

— Я покрываю голову рабу таким колпаком, когда не могу поручиться за качество товара. Этого старика я получил из Греции. Не буду врать, он считается товаром последнего сорта. Даже не знаю, как можно его использовать. За него я прошу всего лишь пятьсот сестерциев.

Решив потренировать своих учеников в греческом языке, Квинтилиан обратился к мальчикам:

— Господа ораторы, не хочет ли кто-нибудь из вас поговорить с этим рабом по-гречески? Задайте ему какой-нибудь вопрос, а заодно поупражняйтесь.

Сразу вызвался Церебрий:

— Господин ритор, можно мне?

— Да, господин Церебрий Тибр, конечно, можно, говори...

Церебрий вышел вперед, встал поближе к старику и спросил по-гречески:

— Старик, сколько будет семь раз триста?

Раб встал, грустно посмотрел на юношу и четко ответил:

— Ровно две тысячи сто...

Мальчики пришли в восхищение:

— Ух ты...

— Молодец...

— Как быстро он высчитал...

Неожиданно старец сам обратился к мальчикам:

— Господа мои хорошие. Вы задали мне детскую задачу. Давайте я задам вам взрослую, и посмотрим, как вы ее решите.

Мальчики оживились и посмотрели на ритора.

Марк сказал:

— Хорошо, старик. Посмотрим, как ответят на твой вопрос будущие великие ораторы Рима.

Беседой сильно заинтересовался сам Пропола. Он сказал рабу:

– Только смотри, старик, не делай глупостей.

Раб поклонился Квинтилиану в знак благодарности, потом поклонился Прополе в знак повиновения и спросил:

– Скажите, великие ораторы, что будет, если метко послать стрелу в дерево?

Вопрос сначала вызвал замешательство среди всех присутствующих. Мальчики и юноши заулыбались.

Они говорили:

– Да разве это вопрос?

– Это же легче легкого!

Хотя некоторые сомневались:

– Не может быть все так просто...

– Там есть какая-то другая разгадка...

Викторий Марцелл высказал предположение:

– Я бы посоветовал подумать. Считаю, что простых вопросов не существует...

Квинтилиан сказал:

– Интересный вопрос. Господа, кто хочет отвечать?

Мальчики замялись. Никто не хотел выглядеть глупо.

Поняв, что дети стесняются, Марк подумал и сказал:

– Я бы послушал ответ Гнея Тутуция... Господин Тутуций, попробуешь?

Тутуций скромно стоял позади других мальчиков. Он осторожно вышел вперед и ответил Марку:

– Господин ритор, конечно, я попробую ответить.

– Мы слушаем тебя, Гней...

Тутуций задумался и сказал:

– Повторю вопрос для ясности. Что будет, если метко выстрелить стрелой по дереву? Ответ напрашивается сам. Стрела вонзится в дерево.

Все вопросительно взглянули на раба. Он, видимо, ожидал этот ответ и сказал:

— Прекрасно, молодой господин! Тогда я вынужден задать тебе другой вопрос. Скажи, пока стрела долетит до дерева, она, видимо, должна пролететь половину этого расстояния. Так ли это?

— Очевидно...

Раб кивнул и спросил еще:

— Но до того, как стрела покроет половину расстояния до дерева, она должна пролететь половину половины?

— Да... Но... Постойте...

Тутуций о чем-то догадался, а раб натолкнул его:

— Но там есть еще половина половины половины...

Расстояние, которое стрела тоже должна покрыть...

Тутуций воскликнул:

— Так стрела никогда не долетит до дерева...

Остальные мальчики восхищенно подхватили:

— Никак не долетит...

Квинтилиан, удивленно улыбаясь, спросил:

— Как тебя зовут, раб?

Во время всего разговора Пропола стоял, не двигаясь. Он мало понимал по-гречески и не мог вникнуть в суть беседы.

Раб посмотрел на Квинтилиана и ответил:

— Цена этого вопроса пятьсот сестерциев. Если ты заплатишь — узнаешь мое имя, если же нет, тогда есть бесплатная информация — перед тобой просто раб...

Тутуций подбежал к рабу и, прочитав его табличку, сказал:

— Кое-что платное доступно и бесплатно... Его имя Эпиктет...

Квинтилиан смотрел удивленно.

Видно было, что Тутуций о чем-то догадался и сказал Прополе:

– Хозяин, ты оценил этого старого и больного раба в пятьсот сестерциев?

Пропола оживился:

– Да, так оно и есть... Дешевле некуда... Только есть условие: этот товар возврату не подлежит.

Тогда Тутуций удивил всех, сказав:

– Хозяин, раз товар не подлежит возврату, то мы не знаем, насколько он плох. Да и сам ты не ручаешься за него. Мы видим, что раб старый, кривой на один глаз и, возможно, так болен, что скоро умрет. Вряд ли его кто-то купит у тебя...

Пропола опустил голову и спросил:

– Что ты хочешь этим сказать, господин юный оратор?

Тутуций ответил:

– Шансов продать его у тебя, хозяин, мало. Если он умрет здесь, в твоей лавке, то его похороны обойдутся тебе не менее чем в сто сестерциев. Так ведь?

Пропола сказал:

– Ну, не все так плачевно... Всякий товар находит покупателя! Однако скажи мне прямо, господин оратор, что ты предлагаешь?

Тутуций ответил:

– Я считаю, что крайней ценой этого раба может быть сто сестерциев. Если ты, господин Пропола, согласишься на эту цену, то я, Гней Тутуций, немедленно расплачусь и заберу раба.

У товарищей Тутуция захватило дыхание:

– Гней, что ты делаешь?..

– Ты с ума сошел?

– Зачем тебе этот старик?

– Да он по дороге к дому у тебя умрет...

Тутуций не стал долго ждать, достал кошелек, отсчитал сто сестерциев из денег, которые он заработал на товарищах,

и, вложив в руки торговца, спросил его с твердостью настоящего римлянина:

— Ну как? Берешь деньги?

Пропола растерянно пересчитал сестерции и ответил:

— Ну, так и быть...

Тогда Тутуций встал перед всеми и сказал громко:

— Я заявляю, что этот старик по праву принадлежит мне и я его купил этой монетой! Подтверди, торговец...

Пропола подтвердил:

— Да, это так...

Квинтилиан с любопытством наблюдал за Тутуцием, не мешая ему. Когда сделка состоялась, он спросил:

— Господин Тутуций, объясни нам, зачем ты это сделал?

Тутуций гордо ответил:

— Господин ритор. Я купил этого раба на деньги, которые собрал со всех товарищей. Деньги были не мои, следовательно, раб не может принадлежать только мне. Я хочу, чтобы он стал собственностью школы, и я уверен, он сослужит великую службу.

Мальчики засмеялись:

— Зачем школе больной старый грек?

— Его еще надо кормить...

— Это же обуза...

Квинтилиан спросил:

— Господин Тутуций, ты слышишь мнение своих товарищей. Объясни, почему ты думаешь, что он может послужить школе?

Мальчик ответил:

— Господин ритор, ты слышал имя этого раба? На табличке написано, что его зовут Эпиктет. Это имя одного из мудрейших греческих философов. То, что этот раб философ, подтверждается тем, что он знает апорий Зенона. Я читал об этом в нашей библиотеке. Вот я и решил, что

этот раб — тот самый известный греческий философ. За сто сестерциев это прекрасное приобретение для школы. Я передаю его школе, и он будет нас всех учить философии, что поможет всем углубить знания.

Тут Элоквенций подошел к рабу и спросил его:

— Ты говоришь по-латыни?

Раб ответил:

— Стыдно не знать язык великих грешников.

От этих слов у Пропола отвисла челюсть от удивления. Он воскликнул:

— Да ты смотри! Он умеет по-латыни...

Элоквенций же задал следующий вопрос:

— Ты правда знаменитый философ из Греции?

Раб сказал:

— Да, я тот самый Эпиктет.

Мальчики начали восхищенно аплодировать и поздравлять Тутуция.

— Молодец! Это и правда прекрасный подарок для школы!

— Отлично! Мы не жалеем, что отдали тебе деньги!

— Ты такой догадливый!

Пропола загрустил, думая, что он прогадал с ценой, но промолчал, передал раба Тутуцию и даже поздравил с приобретением:

— Прошу богов, чтобы этот раб пригодился тебе и сослужил нужную службу...

Все вышли из лавки. Там Квинтилиан подозвал Тутуция и спросил:

— Друг мой, это действительно прекрасное приобретение для школы. Скажи мне, когда ты понял, что этот раб известный философ?

Тутуций ответил тихо:

— Господин ритор, скажу тебе по секрету. Я понял это, как только он задал мне вопрос про стрелу.

- И ты знал этот апорий Зенона?
- Да, я люблю апории...
- Почему-же ты не ответил верно? Почему разыграл незнание?

Тутуций пожал плечами:

- Мне показалось, что так интереснее...

Квинтилиан сказал восхищенно:

- Ты удивил меня не только своим умом и смекалкой, но также своим мужеством и благородством. Ты много знаешь и умеешь, и я должен бы перевести тебя в старшую группу. Но дело в том, что мне не нужны твои знания и умения без твоей благородной души. Как мне увидеть благородство в тебе, когда еще не зажила рана на голове твоего грамматика? Помоги мне...

Тутуций ответил:

- Я должен извиниться перед ним и получить прощение?

Квинтилиан покачал головой:

- Не только прощение, но еще и благословение, а для этого ты должен придумать поистине волшебные слова... Я очень хочу услышать от тебя эти волшебные слова на ежегодных декламациях. Ты оправдаешь мою надежду?

Тутуций ответил:

- Господин ритор, я сделаю все, что в моих силах. Очень надеюсь, что у меня получится...

Тем временем мальчики окружили Эпиктета, который задавал им новые задачи:

- Черепаха и Ахилес устроили гонки. Они начали движение из одной точки и должны достигнуть другую. Кто кого обгонит?

Тут на площади появился Актуарий...

Он бежал, пыхтел, озирался... Увидев ритора, он быстро приблизился и выпалил:

— Я нашел логово преступников-поджигателей... Они прячутся за Коровьим рынком, в начале спуска к долине цирка, одиннадцатый дом справа, начиная от дома градоначальника...

Квинтилиан встал и подозвал Виктория Марцелла:

— Дорогой Викторий, мне надо отлучиться. Хочу оставить детей на твое попечение. Актуарий и Свистоний помогут тебе на обратном пути. У нас еще и новый раб...

Викторий ответил:

— Конечно, Марк, я отведу детей. Но хотел спросить про нового раба. Ты правда позволишь Тутуцию купить и подарить раба школе?

Марк сказал:

— Я уже позволил и допустил это.

— Можно спросить почему?

Марк ответил:

— Во-первых, это очень умное приобретение, а во-вторых, это часть воспитания Тутуция...

Марцелл молча кивнул.

Марк же обратился к детям:

— Достопочтенные господа, обстоятельства вынуждают меня покинуть вас сейчас. Викторий Марцелл, Актуарий и Свистоний сопровождают вас обратно в школу. Не забудьте, что ораторы заботятся о младших...

6.

Квинтилиан пробирался по шумным и многолюдным улицам Рима, направляясь в сторону цирка, как и указал ему Актуарий. Пройдя вдоль Храма Кастора, он вышел на Этрусскую улицу и у статуи Вортумна, этрусского божества, свернул в переулок к ярмарке ладанов и ароматов. Это шумное место было хорошо известно тем, что отовсюду доносились приятные запахи. Толстый торговец

погнался за Квинтилианом со склянкой масла в руках, расхваливая чудесный запах.

Махнув рукой, Марк отделался от назойливого лавочника и вышел в переулок к Велабру. Здесь его окутали ароматы совершенно иного характера — тухлое мясо, гниущий сыр и другие вонючие отходы щедро распространяли зловоние, но люди, казалось, особого внимания на это не обращали и спокойно покупали колбасу, вино и велабрский копченый сыр. Тут Квинтилиан столкнулся с жарким препирательством покупателя и торговца. Громко крича друг на друга, они спорили о надежности весов.

Пройдя через весь Велабр, Квинтилиан свернул к алтарю Юноны Юги и очутился на узкой, почти безлюдной улице, которую указал Актуарий. Там он внимательно пересчитал дома справа и остановился перед одиннадцатым.

Это был совсем маленький домик с открытой калиткой, и Квинтилиан беспрепятственно проник в пустой атриум... Где-то слева был слышен человеческий голос. Направившись на звуки, Марк очутился в просторном помещении, заполненном людьми. Они внимали каждому слову бородатого выступающего. Некоторые плакали, кто-то слушал с закрытыми глазами. Все были захвачены речью, и никто не заметил вошедшего Квинтилиана... Кроме самого оратора.

Квинтилиан встретился взглядом с бородатым человеком. Его голубые и глубокие до беспредельности глаза сразу заморозили Квинтилиана, и он вслушался в его речь:

— Да, это правда! Я, иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, дышал угрозами учеников Господа, искал мужчин и женщин, последователей учения и гнал их до смерти. Но, идя к Дамаску, внезапно осиял меня свет с неба, и голос сказал ко мне: «Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Ты мой избранный

сосуд, чтобы возвещать мое имя перед народами и царями!» И я прозрел, крестился, омыл грехи свои и призвал имя Господа Иисуса. Меня бичевали за слово Господа, но рождение в римском гражданстве спасло меня. Мы молились. Наши церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом. Потом Господь, явившись мне, сказал: «Как ты свидетельствовал обо Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме». Вот перед вами я, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божию, был встречен братьями на Аппиевой дороге, на площади Трех таверн...

Речь выступающего изливалась на Марка теплым потоком. Ему захотелось слушать его вечно. Казалось, что он обращался только к нему одному. Он завороженно смотрел в его голубые глаза и вдруг понял — этот человек не поджигал Рим.

Наконец оратор посмотрел пристально на Марка, сделал небольшую паузу, и опять Квинтилиану показалось, что тот заговорил только для него:

— Знайте, что открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, которые обезумели, называя себя мудрыми. Что же нахожу я в Риме? Славу нетленного Бога превратили здесь в образ тленного человека. В похотях сердца люди оскверняют свои тела. Поклоняются твари вместо Творца... Христос же учил нас: не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное...

Марк невольно вспомнил, что сам говорил Дециму недавно нечто подобное.

Неожиданно Благовестник выступил вперед и направился к Марку. Собравшиеся оглянулись на него, и он очутился посередине комнаты.

Благовестник приблизился и продолжил свою проповедь для Марка одного:

— Осмотрись, мой друг, без меня тебе видно: все народы в нашем веке под грехом. Кто Бога ищет? Где делающие добро? Ноги людей быстры на пролитие крови. Плавают в постыдных страстях, заменили естественное противоестественным. Мужчины разожглись похотью друг на друга, делая срам. Кто заботится иметь Бога в разуме? И предал Бог народы на непотребство и блуд, на лукавство и корыстолюбие, на убийство и вероломство, на разрушение и пагубу. Где пути мира?

Благовестник стоял прямо перед Марком. Он смотрел ему в глаза, и Марк понял, что он видит его насквозь.

Видит его прошлое и будущее...

Видит его сущность...

Видит его тайные чаяния...

Видит его миссию...

— Благодать тебе и мир от Бога! Ты рука Господа, творец далекого будущего, соработник у Господа Бога! Готов ли ты посмотреть правде в глаза?

Последние слова Благовестника отозвались эхом...

И гробовая тишина...

Все замерли в ожидании ответа Марка...

И он изрек:

— Да, я готов...

Другого ответа и быть не могло!

Благовестник сказал:

— Посмотри на нас... Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, зарабатывая хлеб своими руками. Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим; хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый...

Говоря так, Благовестник взял руку Марка, вложил в нее деревянный крест с изображением распятого Иисуса, приблизился и сказал:

— Бывший трибун преторианской гвардии по имени Бурр... Его спроси о пожаре. Лишь он способен раскрыть тебе правду. Но торопись, он умирает от яда на губах... Яд изготовлен Локустой и поднесен Бурру Нероном... Покажи ему крест. Он поймет и все расскажет... Это знак ему от меня...

У Марка дрожали губы, и, преодолевая себя, он спросил:

— Кто же ты?

— Я Благовестник, избранный апостол... Знаешь ли ты, кто ты?

Марк не нашелся, что ответить, и Благовестник ответил сам:

— Ты есть храм Божий, и Дух Божий живет в тебе! Не разорь храм Божий, а приумножай, ибо он свят, и этот храм — ты.

С этими словами действительность растворилась в густом тумане забвения.

Как из потустороннего мира, послышался вой ветра.

Как с высоты эфира струился дождь...

И раб...

Пятая глава

Две минуты до последнего вдоха

...И раб дрожал в углу...

Вторая вспышка молнии, гораздо сильнее и ярче первой, на мгновение осветила встревоженное лицо раба. Последовавший гром сотряс стены, и раб в испуге решил, что Гениус рассердился и посылает беду на их голову вместо спасения. Раб возвел руки к небу и сказал:

— Великий Гениус, неужели я чем-то не угодил тебе? Если я что не так сказал или подумал, накажи меня! Может, господин случайно разгневал тебя? Молю, не обращай внимание на его бред! Накажи за него меня! Если же баран для тебя недостаточная жертва, я принесу тебе быка на Сатурналии...

Но мольба раба не помогла... Крыша трещала и прогибалась под порывами ветра, потоки дождя угрожали ворваться в спальню и бросались на окна, как римская армия на варваров.

Раб пробормотал:

— Непременно прорвет... Обольет господина... Надо мне его увести на кухню...

Стремясь спасти хозяина, раб привстал...

Но тут Марк отчетливо произнес:

— Постой...

Актуарий замер, думая, что ритор обращается к нему, и прислушался.

После небольшой паузы, устремив глаза куда-то в пространство, Марк продолжил:

— Постой, Благовестник! Дай мне возможность отблагодарить тебя... Только что ты подарил мне радость повторно пережить счастливые мгновения моей уходящей жизни. Спасибо тебе за это! Но силы неумолимо покидают мое тело. Душа стремится к заветной родине на Небесах, а ты здесь, чтобы облегчить мне путь... Я счастлив, что мне довелось встретиться с тобой... Ты знаешь, увидев тебя впервые, я был очарован твоей речью. Ты так восхитительно озвучивал мои мысли, что я возжелал записаться в твою риторскую школу вечным учеником. Я неустанно копил в ларце своих добродетелей знание, к которому всегда стремился, и высокое искусство красноречия, которое неустанно оттачивал. Но твое Слово было несоизмеримо выше моего. Ты превосходил всех известных мне ораторов, и я понял, что твоя речь божественна... Ты говорил подобно Богу...

Застывший Актуарий не мог понять, к кому обращается хозяин.

Он ведь не видел старца, который стоял у постели больного и отвечал:

— Со мною было слово Бога. Не от меня идут речи мои, а от Него... Не может человек владеть тем, что ему не принадлежит. Слово же не от человека, а от Бога. Разве не знаешь, что в начале было слово? Оно было у Бога, и слово было Бог. Словом сотворено мироздание, словом оно удерживается в равновесии, и словом оно может быть низвержено. Как всякий дар совершенный, так и возвышенное слово исходит только от Отца. Он сотворил нас словом истины. Что же мы? Люди с двоящимися мыслями? Мы не тверды на путях своих. Обольщенные собственной похотью, мы уста свои оскверняем. Из оскверненных уст лишь гнилое слово исходить будет. Так не надо ли очищать уста перед тем, как учить искусству слова? В очищенных устах

слово Бога само рождается и живет, как светильник, сияющий в темноте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах людей. Ты это понял. Ты это выразил в своих наставлениях. Ты оставил свои знания, как драгоценный клад, в наследство грядущим поколениям...

Марк выслушал апостола со слезами на глазах и ответил:

— Ты прав, Благовестник! Создатель мира ничем столько не отличил человека от животного, как даром слова. Я вижу, что бессловесные превосходят нас телом, силой, терпением, скоростью. Сама природа без наставника учит их ходить и промышлять пищу. В собственном теле находят они защиту от стужи, имеют естественное против врагов оружие и корм почти повсюду встречают. А человеку все это великим трудом дается. Зато дан нам разум, небесное вдохновение, которым Творец приобщил нас к существам бессмертным. Но что бы стоил разум, если бы не могли мы словом выражать того, что мыслью постигаем. Вот чего недостает животным! Вот почему я трудился, создавая наставления о Слове... Ты вдохновил меня на этот труд, Благовестник... Теперь же работа завершена, и я исполнен счастья, ибо во мне живет надежда скоро увидеть свою прекрасную жену и драгоценных моих сыновей. Быстрые кони, запряженные в повозку времени, унесли в небытие прошлую жизнь. Я умираю...

Благовестник сказал:

— Не ты! Только плоть твоя! Но не плоть предстанет перед судом Господа Бога нашего, а душа твоя. Он выведет на свет то, что скрыто во мраке, и выведет на свет даже самые тайные помыслы. Вот и получишь ты от Бога свою похвалу. А похвалу ты заслуживаешь! Ведь это ты понял, что в тебе нет ничего, что бы ты не получил от Бога! И что

душа у всех небесного происхождения. Различны дары, служения и действия, а Бог один для всех производящий все во всех. Одному дается слово мудрости, другому — слово знания, иному вера, иным дары исцеления, чудотворения, пророчества, иным даются языки, а иным — истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух! И как тело одно, но имеет много членов, так и Христос один, и все мы одним духом крестимся в одно тело...

Марк ответил:

— Я же устремляю свою душу к Богу, вверяя себя Всевышнему... И моля о помощи...

— Да придет к тебе помощь! Ибо в жизни своей ты отверг ложь, говорил истину ближним своим и не гневался. Из уст твоих исходило только доброе, несущее благодать слушающим. Ты отвергал и усмирял у всех всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие. Ты был добр, сострадателен и прощал, так и Бог простит тебя во Христе! Удерживаясь от всякого рода зла, сам Бог освятил тебя во всей полноте... Теперь же и твой дух, и душа, и тело сохранены во всей целости, без порока. И я молюсь над водой, в которой крещен ты будешь...

Марк плакал:

— Так ты согласен крестить меня? Я желаю быть крещенным от тебя, ибо не встречал в жизни святого, равного тебе...

Благовестник кивнул:

— Я рад, что ты попросил об этом, и буду крестить тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, ибо ты понял, что знание Бога дано людям от самого Бога, а его невидимые свойства постигаются через созерцание сотворенного... Нам Иисус заповедал крестить все народы во имя Отца и Сына и Святого Духа, учить его заповедям, и так он пребудет с нами до скончания века. Он же учил нас: если кто

не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Так что надо нам родиться свыше...

Марк спросил:

— Какой же водой я буду крещен? Где вода?

Благовестник улыбнулся и ответил:

— Да пребудет с нами вера, а вода придет к нам сама...

Сказав это, он поднял руку, в которой держал деревянный крест с изображением распятого спасителя...

Подобный тому кресту, который когда-то дал Марку Благовестник...

И тут сознание опять унесло риторика в прошлое...

Шестая глава

Умиравший свидетель

1.

Крепко зажав в руках деревянный крест, Марк пробирался сквозь шумную толпу по узким улицам обширного квартала Оппия, вдоль каменного ограждения дома городского префекта. Дойдя до конца улицы, он остановился у высоких ворот величественного дома бывшего трибуна преторианцев, Афрания Бурра.

Он неуверенно перешагнул порог и осмотрелся в поисках солдат или дозорных рабов, которые должны были быть приставлены для охраны, но никого не увидел. Тогда он осторожно прошел по безлюдному атриуму с фонтаном и сказал в пустоту:

— Кто-нибудь слышит меня? Я пришел навестить господина Афрания Бурра... Кто проведет меня к нему?

Ответа не последовало.

Марк шагнул к портику, и тут навстречу вышел старый хромой раб:

— Приветствую тебя, мой господин... Умоляю, не шуми... Ты ищешь хозяина?

— Да... Мне нужен Афраний Бурр. Он здесь?

Раб покачал головой:

— Он здесь, но он тяжело болен. Он умирает...

— Что случилось?

— Я не знаю... Несколько дней назад нас почтил своим посещением сам божественный император. Ведь хозяин

служил ему верой и правдой, и император изволил проведать его. Уже давно хозяина мучает распухшее горло. Ему так трудно дышать. Вот император и принес ему лекарство в маленькой темной склянке...

Марк невольно вспомнил рассказ о Локусте, великой отравительнице, которая готовит яды и помещает их в темные склянки.

— Что же было потом?

— Хозяин выпил лекарство императора, и после этого ему стало совсем худо. Распухшее горло разболелось сильнее, его тошнило, и теперь он умирает... Бедный хозяин, он так заботился обо мне...

— Почему ты один здесь? Где остальные рабы? Где прислуга?

— Когда хозяину стало совсем плохо, он понял, что умирает, и решил на благородный поступок. Он даровал свободу всем своим рабам и сделал их вольноотпущенниками. Была такая радость! Это же великий праздник! Получив свободу, все рабы сразу разбежались кто куда. Возможно, боялись, что хозяин передумает.

— Почему же он тебе не даровал свободу?

— Отчего же не даровал? Меня он тоже освободил. Только мне некуда идти. Притом я калека, хромой на обе ноги. Куда я пойду? Вот и остался я один при нем. Больше в доме никого нет. Бедный, несчастный хозяин...

— Мне необходимо его увидеть. Где он?

— Он в маленькой кубикule в конце портика... Вон там... Я упрашивал его расположиться в хозяйском табличии, но он отказался.

— Почему отказался? Ведь дом принадлежит ему?

— Я не знаю... Может быть, он подарил свой дом императору. Пойдем, я провожу тебя к нему, надеюсь, он еще способен говорить... — ответил раб.

Марк последовал за рабом и скоро вошел в узкое помещение, где на узкой кровати, полусидя, располагалось тучное тело бывшего великого полководца.

Бурр еле дышал и отрешенно смотрел в потолок. Некогда весь Рим дрожал от одного имени этого человека, перед ним преклонялись патриции, весь сенат был у его ног. Вместе с Сенекой он держал в руках всю империю, и ему подчинялись военачальники в самых отдаленных уголках. Сейчас же он лежал одиноко и ждал смерти. Горло у него было невероятно распухшим, губы гноились и кровоточили... Воздух вокруг был пропитан зловонием.

Постояв несколько секунд у входа, Марк приблизился к Бурру и сказал:

— Приветствую тебя, великий преторианец..

Больной медленно перевел взгляд на посетителя, прищурившись, рассмотрел деревянный крест в его руках и произнес, с трудом выговаривая слова:

— Кто ты?

Марк ответил:

— Я ритор. Мое имя Квинтилиан...

Бурр несколько оживился и сказал:

— Я знаю тебя... Мы не встречались, но я о тебе слышал. Садись, ритор.

— Спасибо...

Марк присел на табурет у кровати.

Бурр указал на деревянный крест, который держал Марк, и сказал:

— Вижу, ты от Него... Ты видел Благовестника?

— Да. Я был у него. Он направил меня к тебе.

Бурр понимающе кивнул головой:

— А я тебя ждал... Надеялся, что ты застанешь меня живым...

Марк удивился:

— Ты меня ждал? Как ты мог знать, что я появлюсь здесь?

— Он сказал... Благовестник обещал, что пошлет ко мне кого-то, когда меня все покинут. Вот я и ждал... Хотя я не мог предположить, что это будет великий ритор...

— Мне интересно, что он тебе сказал? Объясни, зачем я приду к тебе?

— Чтобы меня послушать. Он сказал, что душа моя отяжелела и для ее облегчения мне надо поведать то, что меня тяготит. Вот ты и пришел, и я надеюсь, что у меня хватит сил поговорить с тобой...

— Да, я действительно пришел выслушать тебя. Но не знаю, расскажешь ли ты мне то, что интересует меня?

Кривая улыбка исказила лицо Бурра, он сказал:

— Нетрудно угадать... Ты хочешь услышать правду о Нероне и о пожаре...

— Да, это так... А тебе известна правда о пожаре?

Бурр усмехнулся:

— Еще бы... Я сам был свидетелем всего. Я готов все рассказать тебе, но есть трудность.

— Какая трудность?

— Хватит ли у тебя мужества выслушать мою правду?

— Я пришел за правдой...

— Да, ты пришел, но, услышав правду, тебе надо будет действовать. А для этого нужны мужество и храбрость...

— Расскажи мне все...

Тут Бурр закашлялся... От приступа кашля он весь покраснел. Хромой раб, который все это время стоял в углу, подал хозяину чашу с водой. Бурр выпил несколько глотков и, когда кашель прекратился, сказал:

— Хорошо, великий ритор. Я расскажу тебе все, но должен начать повествование с самого начала...

Квинтилиан кивнул:

— Хорошо. Что было в самом начале?

— Нерон никогда не стал бы императором без моей помощи... Он был совсем юным и немощным, когда Агриппина, его коварная мамаша, решила сделать его императором. Она заставила Клавдия, своего супруга и императора Рима, пригласить на должность воспитателя Нерона Сенеку. Клавдий не мог противиться ее воле. Скоро ко двору прибыл Сенека и начал воспитывать будущего императора. Когда Клавдий понял коварство Агриппины, он составил завещание, оставляя трон Британику, своему кровному сыну. Это взбесило Агриппину, и она решила отравить императора Клавдия. Тогда я допустил свою первую роковую ошибку. Притащил в замок отравительницу Локусту, которая сидела у меня в карцере... Локуста изготовила ужасный яд, пропитала им грибы, а Агриппина угостила этими грибами мужа... Император умер прямо у пиршественного стола.

Марк не верил ушам. Да, он знал, что ходили такие сплетни, но сплетни бывают далеки от правды. А слова Бурра, произнесенные им перед самой смертью, не могли не быть чистой правдой.

Заметив замешательство Марка, Бурр спросил:

— Ну что, ритор? Вижу, ты не ожидал такого вступления.

Марк признался:

— Да, это все звучит так дико... Так ты утверждаешь, что Агриппина, мать императора Нерона, отравила своего супруга, императора Клавдия?

Бурр отпил глоток и ответил:

— Да! Я именно это и утверждаю.

— Это страшное обвинение, и у тебя должны быть веские доказательства.

Гримаса скривила лицо Бурра:

— Доказательства?.. Какие тебе нужны доказательства? Я сам привел к ней Локусту. Она была заточена в темнице за отравление многих людей. Она готовила всякие яды на заказ. Какие хочешь. Любые. Я сам привел Локусту к ней, и смертельная смесь для Клавдия была скоро готова... Агриппина дождалась удобного случая и поднесла отравленные грибы Клавдию... Так что это я сам в этом участвовал.

Марк слушал Бурра пораженный:

— Как такое возможно?! Мать Нерона убивает мужа? Позор всему Риму!

Бурр с трудом продолжил:

— То ли ты еще услышишь... Это лишь начало. Продолжение будет еще ужаснее.

Приступ кашля опять сотряс тело Бурра. Через некоторое время способность говорить вернулась к нему, он продолжил:

— Когда все поняли, что император погиб, встал вопрос о наследнике. Кровному сыну Клавдия Британику было тогда всего десять лет, а пасынку Нерону, сыну Агриппины, — семнадцать. Я же был трибуном преторианской гвардии. Ты, наверно, знаешь, что в такой ситуации многое решают преторианцы. Я был обязан Агриппине. Она была единственной в своем роде — дочь одного императора, сестра другого, супруга третьего и была обречена стать матерью четвертого по зловещему предсказанию темных авгуров... Кто мог препятствовать ей? Она приказала мне и Сенеке возвести на трон Нерона, и мы составили план.

— Какой план?

— Сенека написал императорское приветственное обращение к преторианцам и к Сенату. В тот полдень, в третий день до октябрьских ид, после того, как мы убедились,

что Клавдий мертв, я за руку повел Нерона к преторианцам, и по моему указанию его встретили приветственными криками и подняли на носилках. Некоторые воины озирались вокруг, спрашивали, где Британик, но я приказал им замолчать, и мне покорились. Перед преторианцами Нерон произнес написанную Сенекой речь, обещал им щедрые денежные подарки, и он был провозглашен императором.

Марк с грустью размышлял, ценой какого жестокого преступления стал Нерон императором. Отравить мужа... Какую же низкую душу надо иметь, чтобы такое совершить?

Словно услышав мысли Марка, Бурр сказал:

— Да, у Агриппины низкая душа... Но слушай дальше. Возведя сына на императорский трон и получив от сената назначение жрицы, эта ужасная женщина разошлась. Она отравила многих видных римлян, и если бы мы с Сенекой не воспрепятствовали, сотни людей пали бы от ее вероломства. Локуста не успевала изготавливать самые разные яды — медленного действия или быстрые, убивающие или вызывающие болезни... Слава Аполлону, нам удалось усмирить Агриппину. Тогда молодой император Нерон нас еще слушался. Руководя и наставляя его, мы с Сенекой начали строить новую империю, великую страну, счастливее которой не видело человечество. Но нашим планам не суждено было осуществиться. Нерон скоро вышел из-под нашего контроля и сцепился со своей коварной матушкой как пантера. Не сумев поделить власть, Агриппина в ярости перешла к угрозам и заявила Нерону, что Британик уже подрос, что он кровный сын Клавдия и достоин того, чтобы унаследовать отцовскую власть. Она пригрозила восстанием, и тогда во время одного ужина Британик пал от яда, как и его отец. Я незамедлительно допросил Локусту,

и она призналась, что изготовила яд по приказу Нерона...
Достойный сын своей матери...

Удивлению и возмущению Марка не было предела. Вместе с тем в его душу закрались сомнения. А что если Бурр ему лжет?

Заметив его колебания, Бурр сказал:

— Мне не нужно лукавить с тобой, ритор. Посмотри на меня. Я не доживу до завтрашнего дня. Это точно! Я лишь хочу освободиться от угрызений совести, а тебе надо услышать правду. Так что наберись мужества, дальше еще страшнее...

Марк развел руками.

— Царица убивает супруга, брат убивает брата... И все это происходит в семье правителя, которой восхищается толпа. Казалось, что может быть страшнее? Но настала ночь, когда осуществилось еще более жуткое злодеяние Нерона, задумавшего умертвить свою собственную мать.

Марк воскликнул:

— Не может быть!

— Ты послушай... Нерон построил корабль для нее с мачтой, которая должна была сломаться в открытом море и погубить Агриппину. Все шло по плану, корабль начал тонуть, но Агриппина спаслась. Нерон обезумел. Он вызвал нас, меня и Сенеку, и кричал, помертвев от страха, что его мать, охваченная жаждой мщения, вооружит рабов, возбудит воинов, воззовет к сенату и тогда нам всем конец... Он приказал нам придумать что-нибудь. Мы долго молчали и понимали, что дело зашло слишком далеко и, если не опередить Агриппину, Нерона не уберечь. Тогда и решили мы призвать Аникета, жестокого убийцу, и направить его отряд заколоть Агриппину... Да, это сделал я, по приказу императора, и чувствую с тех пор угрызения совести...

Марк спросил:

— Сенека тоже участвовал в убийстве?

— Сенека не противился преступлению. Он даже содействовал. Сочинил письмо от имени Нерона для сената. Содержание письма было ложным. Там говорилось, будто Агриппина восстала против императора, а он, защищаясь, устранил ее.

Марк с горечью вздохнул:

— Сейчас я понимаю, почему не смог Сенека воспитать добрые качества в душе императора. Личный пример — самый действенный способ воспитания. Дети лучше усваивают подражая.

Бурр кивнул:

— Наверно, ты прав. Тебе виднее... Как бы там ни было, увидев убийц, Агриппина разорвала платье на себе и закричала: «Поражайте чрево, которое выносило это чудовище...» Хотя кто из них большее чудовище, трудно сказать.

Тут Квинтилиан почувствовал, как его охватывает все возрастающая тревога. Что ему делать с этим рассказом? Получив эти знания, он сам становился мишенью, ему не дадут долго жить...

Он сказал:

— Господин Бурр... Я бы хотел услышать твой рассказ о пожаре.

Бурр усмехнулся:

— Я и рассказываю о пожаре. Это предпосылки, которые нужно знать! Перехожу сейчас к следующему, возможно, самому тяжкому злодеянию... После убийства матери Нерон наполовину обезумел. По ночам он метался от страха, его посещали духи умерщвленных им кровных — сводного брата и матери... Возможно, и Клавдия тоже. Их духи так сильно устрашали его, что ему не

помогало ни вино, ни разврат. Он сделался одержимым единственной целью истребить души убитых родственников, которые гонялись за ним ночи напролет... Он не мог спать. Метался по дворцу, кричал, сквернословил, руками хватал воздух, думая, что так поймает свои жуткие видения и уничтожит их. Со временем ему становилось все хуже. Несколько раз он даже вызывал меня с Сенекой среди ночи. Мы стояли перед ним, а он, жалкий и никчемный, сидел, забившись в угол, дрожал всем телом и умолял нас помочь ему. Помню, мы стояли перед ним и предлагали самые невероятные способы спасения — запереть себя в карцер, бегать без остановки всю ночь и не отпускать ни на шаг от себя отряд преторианцев. Он нас выслушивал, но не следовал нашим советам.

Бурр опять закашлялся. Раб дал ему напиток, и когда приступ утих, бывший преторианец продолжил свой рассказ:

— Если б он даже и последовал нашим советам, вряд ли они помогли бы ему. К тому времени он совсем вышел из нашего подчинения. Несмотря на просьбы и уговоры, он предавался постыдным развращениям, недостойным правителя, — при людях пел под кифару и участвовал в гонках квадриг. Он говорил, что музыке покровительствует сам Аполлон, потому он и изображен с кифарой в руках, конные состязания же — забава царей, и в древности они устраивались в честь богов. Но я не знал, какое жуткое новое злодеяние он замыслил.

— Что же он замыслил?

— В одну из последующих ночей я заметил, что он собрал у себя во дворце сброд, уличных преступников, поил их вином и что-то с ними обсуждал. Они составили какой-то план на свитке и размножили его, раздав всем преступникам... Тогда я не знал, что там, в свитке, хотя позже

одна копия попала ко мне, когда я взял тех преступников под стражу. Кроме того, он приказал мне сообщить всем армейским легионам, которые находились в Риме, чтобы они не покидали казармы, что бы ни произошло. Армии было приказано ничего не предпринимать...

— Что же он хотел?

— Он задумал нечто ужасное и однажды, на рассвете, призвал меня. Явившись, я застал его взволнованным и радостным. Он сказал, что нашел способ избавиться от преследовавших его кошмаров, и приказал мне соорудить арену на Меценатовой горе, обустроить там пиршественные столы, обеспечить редкие угощения. Я не понял, какой у него план, однако приказы выполнил в точности. Вот в назначенную ночь знатная публика собралась на Меценатовой горе по приглашению Нерона, и сам Нерон выступил перед гостями на арене с кифарой в руках. Я никогда не забуду эту жуткую песню и то, что последовало за ней...

Марк слушал бывшего преторианца со все возрастающим интересом, его рассказ увлекал ратора все сильнее.

Бурр продолжал говорить, и наконец невидимая сила перенесла Марка в прошлое, в ту самую ужасную ночь.

И то, что рассказывал бывший трибун, ожило перед Марком так же, как образы перевоплощающегося Нерона во время пира у императора.

Марку казалось, что он присутствует на том представлении...

2.

Меценатова гора...

Арена, завешенная занавесью...

Знатные гости на лужайке ожидают выступления императора.

Полуголые рабыни и распутные юноши разносят яства с напитками. Пиршественные столы и ложа богато отделаны золотом и слоновьей костью. Птицы и дикие звери доставлены к столам из далеких стран, а рыбы – от самого океана. По кругу располагаются нагие гетеры, знатные и развратные дамы в ожидании ласки. Их тела двигаются в непристойной пляске под удары барабанов. Никто не различает дозволенное от недозволенного.

Среди гостей Квинтилиан замечает друзей Нерона.

Там Петроний Арбитр со своим Спором подают друг другу виноград и вино. Почему-то Спора нарядили девушкой, как невесту, готовую к свадьбе.

Тут же возлежал законодатель моды, Отон, со своей красавицей женой Попшеей.

Вот и поэт Лукан собрал вокруг почитателей, попивающих столетнее вино и слушающих его стихи, восхваляющие божественного императора.

Гости ждут начала представления.

Наконец час пробил.

Занавес поднимается и все замирает.

На арене божественный император сидит на троне с кифарой в руках на фоне ночного Рима. Город светится десятками тысяч факелов. Форумы и храмы, дворцы и дома, улицы и улочки – все освещено.

Гости с нетерпением ждут начала представления.

Император проводит пальцами по струнам. Его кифара издает завораживающие звуки, и божественный император поет:

Мама-а-а... Всем шлю привет,

Это правда или сон?

Злые духи надо мной...

Кружатся... вокруг меня,
Возжелали извести,
На погибель привести...

Мам-а-а-а... Неужто ты?
Направляешь их полет,
Через них к себе зовешь...

Марк с удивлением наблюдал, что видение начинает меняться. Арена раздвигается почти до беспредельности, и все наполняется неописуемым, невообразимым светом. Светом мощнее того, что он видел во время пира, когда император преобразился в нечто иное...

Откуда-то приходит мысль, что это далекое будущее...
Время, когда живут совсем другие люди...

Лучи ослепительного света пересекают все пространство. До беспредельности растет Меценатова гора, и количество зрителей тоже увеличивается почти до бесконечности. Вся огромная площадь до отказа заполняется народом, который подпевает императору...

Сам император тоже преображается. С его плеч исчезает накидка, оголяя его торс. Ноги облекает красная кожа. Кифара перед ним меняет форму и превращается в инструмент с клавишами.

Не изменяется лишь фон...
Ночной Рим плывет в прекрасном ночном свете.
Император продолжает петь:

Мама-а-а... Отпусти меня!
Не зови на небеса,
Дай пожить мне без тебя...

Знаю-ю-ю... Хочешь мне добра,
Ничего я не боюсь,
Я потерял лишь чуть-чуть...

Мама-а-а... Что ждет меня?
Как и кто меня полюбит?
Призрак твой меня погубит...

Мама-а-а... Так плохо мне...
Как легко же убивать,
И как трудно умирать...

Но нет! Не покину вас,
Богу надо подождать.
Постою я за себя...

В это время происходит невиданное. Квинтилиан замечает, что по всему ночному Риму вспыхивают тысячи факелов и огонь начинает танцевать в ритм императорской песне. Огни кружатся, прыгают и взлетают, перекидываются с одной стороны на другую.

А император продолжает петь...

Мама-а-а... Только начал жить,
Не хочу я уходить...
Где же выход, укажи...

Мамааа... Я молю тебя,
Если завтра не вернусь,
Отгони тоску и грусть...

Мама-а-а... Я ведь жить хочу!
Я костер здесь разожгу,
Всех вас, демонов, сожгу...

По всей арене взвиваются столбы огня. Народ на площади восхищенно подпевает, подпрыгивает и водит руками по воздуху. Восторг все усиливающимися волнами прорывается по толпе. В то же время за спиной певца совершается величайшая трагедия.

Огромный костер вспыхнул у цирка, со стороны, примыкающей к Палатинскому холму, в лавках древесных мастеров и мгновенно разгорелся.

Ветер гонит огонь вдоль цирка. Там нет обгороженных домов и храмов, что могут задержать огонь, и пламя устремляется во все стороны по узким улицам, по тесным застройкам и через самое короткое время охватывает весь город...

Слышны вопли обезумевших женщин, плач беспомощных детей и дряхлых стариков. Кто-то бежит один, думая лишь о себе, кто-то заботится о других и тащит на себе немощных... Нигде нет спасения. Огонь настагает везде, обрушивается на бегущих со всех сторон. Не зная, куда податься, люди заполняют пригородные дороги и собираются в полях. И никто не может спасти свое жилище, потому что появляются люди, которые запрещают гасить пожар. Есть даже такие, которые открыто кидают горящие факелы в нетронутые огнем дома... Скоро горят уже не только жилые постройки, но и дома древних полководцев, храмы богов, все достойное и памятное, сохранившееся от древних времен...

То, что недавно было столицей великой империи, на глазах у завороченных зрителей превращается в один огромный пылающий костер с языками огня до небес...

Великий город объят пламенем... Горят ли императорские привидения? А император продолжает петь...

Мама-а-а... Отпусти меня!

Ты позволь мне взять жену

И построить мне семью...

Мама-а-а... Видишь, я влюблен!

А невеста, словно ты

Небывалой красоты...

Смотри...

Опять взрываются столбы огней на арене. Забили со всех сторон барабаны. Площадь задрожала от вибрации. Зрители, подтанцовывая, наблюдают, как из глубины сцены выступает невеста, окутанная в огненно-красное брачное покрывало, в сопровождении Петрония. Позади идут рабы с приданым. Загораются брачные факелы, и все видят, что Петроний ведет под руку Спора, одетого в невесту.

Звучит свадебный мотив.

Появляется священник, который, танцуя, проводит брачную церемонию.

Под безумное ликование тысяч зрителей император совершает ужасное кощунство – женится на мальчике Споре...

Неожиданно видение рассеивается, как туман, и перед ритором возникает тучное тело еле дышащего Бурра, который пытается говорить:

– Он спалил весь Рим, чтобы сжечь преследующие его души убитых близких. Ошеломленные зрители ничего не могли поделать, ибо он подсыпал им в вино одуряющий порошок от Локусты. Этот яд, конечно, не убивал, но человек становился недвижимым. Так все и глазели на него, остолбенев...

Марк возмутился:

– Бурр, что ты говоришь? Неужели ты утверждаешь, что пожар устроил сам император Нерон?

– Да! Конечно! Я сам был свидетелем тому!

– Это же гнусное преступление перед отечеством и народом!

Бурр попытался ухмыльнуться, что вызвало у него еще один приступ кашля... Марк уже думал, что бывший преторианец задохнется, но приступ неожиданно прекратился, и Бурр сказал:

— Нерон сумасшедший злодей! На фоне пожара он развратную свадьбу себе сыграл и в жены мальчика взял... Власть в руках безнравственного человека становится настоящим бедствием. В наказание мы получили чуму, которая за одну осень тридцать тысяч человек внесла в погребальные списки, мы потерпели поражение в Британии, наши легионы осрамлены в Армении, Сирия еле держится... И многое на нашей с Сенекой совести... Мы возвели его на трон, и мы его поддерживали. И теперь нас ждет кара небесная...

Марк не знал, что и сказать. Он понимал, что Бурр говорит чистую правду, но лишь повторял:

— В это невозможно поверить... Этого не может быть...

Бурр протянул к ритору руки и сказал:

— Его надо остановить... Умоляю! Ради всех богов! Останови его!

Тут он опять начал задыхаться.

Приступ скоро его отпустил, и тогда Бурр придвинулся поближе к Марку и произнес из последних сил:

— Недавно он был здесь, дал мне лекарство от распухшего горла и потребовал немедленно выпить. Я увидел склянку от Локусты и сразу понял, что это яд.

— Так ты выпил яд, зная, что это отравка?

Бурр усмехнулся:

— А что мне было делать? С ним же солдаты! Если бы я не выпил яд, они меня просто зарезали бы. Кроме того, он потребовал оставить мое поместье ему в наследство. Что я мог сделать? Я подчинился. Я принял яд из рук императора, которого сам возвел на трон. Теперь я умираю, и единственная надежда на Гальбу... Уверен, его войска уже приближаются к Риму. Нужно поднять восстание и остановить безумца! Это уже все понимают. Если кто-нибудь осмелится выступить первым, то многие его поддержат. И такой герой скоро появится!

Приступ кашля не дал Бурру продолжить.

Квинтилиан решил, что беседа окончена, встал и направился к выходу, но бывший трибун вдруг откашлялся и окликнул его:

— Ритор, постой.

Марк обернулся и увидел, что еле дышащий Бурр протягивает ему свиток:

— Возьми. Это то, что я получил от поджигателей... Здесь все доказательства того, что город поджег император. Возьми и обещаю, что ты выступишь против Нерона.

Марк покачал головой:

— Я не могу дать такое обещание! Буду откровенным... Я согласен, что Нерон зверь. Самый ужасный и испорченный из всех зверей... Но я не смею даже подумать о том, чтобы выступить против него. Я силен в речах, но не в восстаниях. Кроме того, я не завишу от себя... У меня жена и два мальчика, которые чисты, не совершали ничего плохого, и я боготворю их. Если я восстану против императора, то он их убьет. Я не боюсь за себя, но я боюсь за свою семью...

Лицо у Бурра скривилось в ужасной гримасе:

— Он сожрет всю империю... Он всех... Он вас...

Кашель опять прервал его. На этот раз он кашлял гораздо сильнее и вдруг задохнулся... Он неожиданно побледнел, откинулся на подушку и, закрыв глаза, испустил дух. А свиток, упав на пол, покатился прямо к ногам Марка.

Тут хромой раб зарыдал. Причитая и плача, он подбежал к постели хозяина, упал перед ним на колени и взмолился, упрашивая его не умирать.

Но Бурр уже не мог слышать раба, он не дышал.

Марк понял, что ему надо срочно убраться отсюда. Он поколебался и вдруг решился, нагнулся и поднял свиток...

После этого он резко развернулся и выбежал в уличную толпу, пряча свиток под тогу...

Седьмая глава

Наставления оратору

1.

Раннее утро.

Марк идет по школьному портику вместе с Витруцией. Вокруг ни души, однако чувствуется, что в школе праздник. Со стороны лужайки слышны голоса детей и звуки музыки. Торжественность обстановки подчеркивается художественно оформленными надписями на столбах портика:

«СЕГОДНЯ ДЕНЬ ЕЖЕГОДНЫХ ДЕКЛАМАЦИЙ!
ДА ПОМОГУТ НАМ БОГИ!»

Марк держал в руке записи со своей приветственной речью. Он готовился к этому выступлению с особой тщательностью, ибо сегодня на декламациях кроме родителей и просто интересующихся должны присутствовать сенаторы и высокие гости.

Несколько ночей напролет он сочинял свое выступление, писал и переписывал. Но часто бывало, что, несмотря на тщательную подготовку, произнося речь, он много импровизировал. Это происходило само собой... Тем не менее записки в руках придавали ему уверенности, но еще больше духовных сил дарила ему Витруция, которая шла за ним и повторяла:

— Марк, любимый, боги нам благоволят сегодня! Ты мастер слова, и, конечно, твое выступление, как всегда, будет безукоризненным.

— Благодарю тебя, дорогая Витруция! Твоя поддержка вдохновляет меня!

Витруция взяла Марка за руку, приложила к его пальцам свой драгоценный амулет, буллу с серебряным шариком в виде солнца, подаренную в день свадьбы, и сказала:

— Мой амулет добавит тебе уверенности. Все будет хорошо.

Марк благодарно улыбнулся и вышел на лужайку.

Перед тем как последовать за мужем, Витруция пропела свою молитву:

Помоги нам, Божья Мать, Весну-Весту закликать,

Лес-лесочек пробуждать, тепло в душу зазывать.

Помоги нам, Божья Мать, с Весной-Вестой поиграть,

Травку каплей орошать, с облаками полетать.

Усилиями рабов лужайка преобразилась. Была устроенная импровизированная арена для ораторских выступлений, а перед ареной возвышался деревянный амфитеатр. Он был переполнен. Родители детей, родственники, друзья и просто желающие послушать ежегодные декламации будущих ораторов предвкушали что-то интересное и захватывающее.

За ареной, недалеко от обителища авгура Марк увидел крытую со всех сторон белую палатку. Он начал размышлять, кто мог ее поставить и с какой целью, ибо сам он таких указаний не давал, но долго думать об этом он не мог. Заметив Марка с Витруцией, публика бурно приветствовала их, и они присоединились к гостям.

Детей разместили с левой стороны амфитеатра. В переднем ряду сидели подопечные ритора под прищотром Марцелла с Актуарием. Позади них устроились ученики грамматика. Сам Децим Агелатус был среди них, призывал их к порядку и время от времени

поправлял нарядную повязку на голове, которая не успела окончательно зажить. Вместе с Децимом был Свистоний. Чуть подалее крутился Эпиктет, новый раб-философ Тутуция.

Юноши были готовы к выступлению. Они держали таблички или свитки с записями. Младшим детям не терпелось послушать старших товарищей.

Особенно гордо выглядел Тутуций, которому Марк дал право выступить сегодня наравне с ораторами. Правда, его разместили в младшей группе, однако он был уже готов произнести свою первую декламацию и важно держал свиток с текстом речи в руках.

Часть арены занимали приглашенные музыканты, которые играли добрую музыку. Недалеко от них, у всех на виду пританцовывал школьный авгур Ауспик. Странные телодвижения он обращал к небесам, пытался задобрить богов и призывал их быть снисходительными ко всем собравшимся. Взамен он выкриками обещал богам в жертву все, что они попросят.

Лучшие места в первом ряду амфитеатра были оставлены для почетных гостей — сенаторов. Все ждали их прибытия и начала декламаций.

Удовлетворенно осмотрев арену, Марк направился к воротам, чтобы приветствовать знатных особ.

Первым прибыл всадник Квисед Болд, отец Фортиса, на прекрасном скакуне. Он поднял коня на дыбы, потом ловко спешился и поклонился Марку:

— Мой привет тебе, ритор!

Марк поклонился в ответ:

— Рад тебя видеть, великий всадник! Прими благодарность за посещение в этот праздничный день.

— Как я мог не прийти? Тем более что за мной едет еще целая армия сенаторов.

И действительно, вслед за Квиседом появилась великолепная лектика. Восемь сильных невольников высоко держали носилки и стройно бежали не хуже коней. Из лектики вышел один из самых богатых людей Рима, владелец многих пекарен, Доминус Урдиний, отец Урбанума.

Тут же подъехала роскошная квадрига сенатора Северия Агенобарба. За ним появились другие сенаторы — Тораний Тибр, отец Церебрия, и Септим Сервилий, отец Салсумуса.

Северий Агенобарб радостно пожал руку Марку и сказал:

— Дорогой ритор! Я знаю, ты обещал нечто чудесное сегодня здесь, в твоей школе, и мы пришли, чтобы разделить твою радость и гордость за учеников. Мы все хотим послушать речи твоих подопечных и наших сыновей...

Марк ответил:

— Дорогие отцы-сенаторы! Дорогие почетные гости! От имени всей нашей школы я безмерно рад приветствовать вас на нашем общем празднике! Добро пожаловать! Надеюсь выполнить все свои обещания...

Гости вошли в амфитеатр под аплодисменты присутствующих и заняли отведенные для них места в первом ряду.

Теперь все было готово к началу, и Викторий приказал музыкантам остановиться. Они отбили громкую барабанную дробь и закончили. Вместе с музыкой завершился танец Ауспика. Авгур открыл глаза, направил свой взор к небу и, увидев там стаю пролетающих птиц, воскликнул:

— Смотрите, птицы летят стрелой на восток! Это очень хороший знак! День будет прекрасным для всех! Да здравствуют все боги! Ура!

Амфитеатр взорвался радостными рукоплесканиями. Вместе с Ауспиком все закричали «ура!». Музыканты протрубили начало мероприятия...

Марк вышел на арену под восторженные аплодисменты и, когда все замолкли, выступил перед собравшимися с приветственным словом:

— Дорогие гости нашей школы! Я всем вам желаю доброго здоровья, крепости духа, процветания и благодарю за то, что почтили нас своим присутствием. С радостью в сердце объявляю открытыми ежегодные декламации Школы Радости!

Гости и дети с ликованием встретили слова главного риторика, и когда все опять затихло, Марк продолжил:

— Перед тем как начать, хочу особо приветствовать именитых сенаторов во главе с господином Северием Агенобарбом, которые почтили нас своим посещением. Их присутствие многократно увеличивает нашу ответственность. Вы великие мудрецы, неустанно трудитесь на благо нашей великой родины! Ваша оценка для нас очень многое значит! Я прошу господина Северия Агенобарба обратиться ко всем присутствующим с приветствием!

Северий вышел на арену и сказал:

— Почтенные гости, дорогие дети, достойные граждане великого Рима! Именно здесь, на этом самом месте, в этой чудесной Школе Радости рождается будущее нашего отечества! И прямо сейчас все мы с нетерпением ждем, что скажут нам сыновья! Те, кому мы скоро передадим наше обширное достояние, нашу империю и весь мир! Я буду краток, ибо мы здесь не для того, чтобы говорил я... Благодарим великого ритора за этот праздник!

Северий вернулся на место под восторженные крики, и Марк добавил:

— Нас почтили своим присутствием также доблестные всадники, которые ценой своей жизни защищают нас от варваров и своей храбростью приумножают наше достояние. Мы будем учиться у них мужеству. Среди нас

известные торговцы, которые честным трудом и предпринимательством делают нашу жизнь приятнее. Дай вам боги процветания! Здесь родители, учителя и, конечно, дети. Всем вам мой поклон и великая благодарность.

Закончив с приветствием и благодарностью присутствующим, Марк обратился к детям:

— Господа ораторы, подопечные нашей школы, я знаю, что вы уже готовы предстать перед нами со своими декламациями. Вы долго готовились и сами выбрали предмет — место рабов среди нас. Перед тем как начать, хочу сказать несколько очень важных слов. Во-первых, декламации у нас сегодня будут необычными. Возможно, они надолго запомнятся всем и даже войдут в историю. Особенность в том, что сегодня дети не будут состязаться между собой, как это было всегда, в течение многих лет. Молодые ораторы обсудили вопрос соперничества и пришли к заключению, что для каждого достойнее превзойти самого себя, нежели товарища. Поэтому каждый будет стараться представить сочинение лучшее, чем сам он подготовил год назад.

Квинтилиан сделал паузу и потом продолжил:

— Во-вторых, я хочу обратиться к родителям. Дорогие отцы! Я прошу вас изменить ваше отношение к своим детям. Как только у вас родится ребенок, с того же самого времени возымейте о нем самую добрую надежду. Это очень важная мысль, так как она направит вашу заботу о воспитании ребенка. Усмотрите в вашем чаде великого человека, истинного гражданина Рима, и тогда ваше отношение к нему станет гораздо уважительнее! Часто вы жалуетесь, будто бы природа немногим людям дарит способность к наукам. Говорите, будто бы напрасно и труд, и время тратится над тупыми умами. Я же нахожу, что острый и пронизательный ум есть нечто врожденное

в человеке. Обратите внимание, природа дает птицам способность летать, кони могут скакать, дикие звери от рождения свирепствуют. А наши дети? Что дает им природа? Им достается в дар разум. Я согласен, что один имеет больше ума, нежели другой, однако я не видел никого, кто бы через прилежание в чем-нибудь не преуспел. Итак, дорогие отцы, зная эту истину, да проникайтесь надеждой о своем ребенке от самого его рождения и не жалейте сил для воспитания будущего человека! Внимательно наблюдая за детьми, я понял нечто очень важное и хочу, чтобы вы тоже поверили в это! Наша душа имеет небесное происхождение.

Сенаторы в один голос высказали свое согласие.

– Правильно говоришь, ритор!

– Верно! Точно так и есть!

Северий Агенобарб аплодировал и восхищался:

– Лучшей речи о детях я не слышал!

Марк поклонился и продолжил:

– В-третьих, хочу обратиться к наставникам будущих ораторов. Здесь господа Викторий Марцелл, Децим Агелатус и другие. Обращаюсь к вам, ибо знаю, что вы мои друзья и мое мнение для вас значимо. Покорно прошу носить в себе отеческие чувства к детям и постоянно представлять себя на месте родителей. Освободите себя от всех пороков и в других не терпите их. Будьте строгими, но не грубыми; будьте ласковыми, но не слабыми; будьте взыскательными, но не придиричивыми. Без устали говорите с детьми о благородном поведении. Чем убедительнее будет ваша речь, тем реже понадобится наказывать. Готов ежедневно умолять вас: не гневайтесь и не бранитесь! Будьте просты и терпеливы в воспитании. Охотно отвечайте тем, кто спрашивает, а стеснительных вызывайте на разговор собственными вопросами. Щедро

хвалите, однако знайте меру, чтобы похвала ваша не вызвала беспечности. Поправляйте детей когда нужно, но не будьте суровыми. Выговоры в устах иных учителей походят на явную ненависть. А учительская ненависть родит отвращение к учению. Говорите детям в наставление такое, что навсегда останется в их памяти. Знайте, что дети очень любят слушать и подражать учителю, которого почитают, которого душевно любят. Итак, да будьте прекрасными и в красноречии, и во нравах, наставляйте детей и слову, и делу по примеру Гомерова Феникса, учителя Ахиллеса.

Присутствующие слушали Марка затаив дыхание. Когда он закончил, некоторое время амфитеатр находился в полном молчании. Наконец Викторий Марцелл смахнул слезу и закричал:

— Да хранят тебя боги, великий ритор!

И тут публика взорвалась бурными аплодисментами... Музыканты забили в барабаны, а когда народ затих, Марк продолжил с улыбкой:

— Наконец, с любовью обращаюсь к нашим детям. Помните, что нет лучшего дара, чем дар слова, которым наградил нас Бог. Что же может быть достойнее тех трудов наших, которые направлены на совершенствование этого великого дара! Никакой другой труд столь обильных плодов не приносит. Представьте себе, какой степени совершенства можете вы достичь в красноречии! Вы можете защищать друзей, направлять советами сенат, народ и войско. Все это украшает честного человека. Пусть всем кажутся ваши слова, как в устах Перикла, не словами, а молнией и громом! Однако помните и то, что нельзя быть оратором, не став честным человеком. А если было бы возможно быть нечестным оратором, я не хотел бы видеть вас такими. Я мечтаю видеть вас совершенными!

Однако можно ли стать совершенным без трудов и без непрестанного изучения наук? Хочу сказать вам и о науках... Часто спрашивают, защищая в суде кого-нибудь, на что нужно знать, что такое равнобедренный треугольник или как настраивать гитару. Конечно, посторонние науки сами по себе не сделают оратора совершенным, но, поверьте, принесут очень много пользы. Посмотрите, как бессловесные животные из разного рода цветов и соков составляют неподражаемую сладость! Так и слово, этот бесценный дар от Бога, требует многих наук, которые не видны в речи, но передают ему некую сокровенную силу. Помните, тот не будет великим, в ком хоть малого недостает. В этом и есть высшая степень совершенства. Природа не мешает быть совершенным оратором, постыдно не надеяться достигнуть возможного. Я же воображаю вас совершенными во всем и хочу, чтобы мои мечты сбылись. Этой цели служат наши декламации. Напоминаю еще раз новые условия. Раньше каждый старался превзойти других и быть первым. Но сегодня пусть каждый стремится превзойти не других, а себя! И последнее. По моему решению среди ораторов сегодня выступит подопечный господина грамматика, господин Гней Тутуций Агенобарб. Это для него высокая честь. Если сенаторы сочтут его речь достойной и если будет на то воля его первого учителя, господина Децима Агелатуса, он со следующего года перейдет в группу ораторов, несмотря на то что по годам он еще мал... Мне нечего более добавить, кроме того, чтобы пожелать всем удачи!

Присутствующие одарили Марка горячими аплодисментами, и на арену вышел Марцелл:

— Почтенные господа сенаторы, дорогие родители, сограждане! Хочу от имени всех поблагодарить господина главного ритора за прекрасные слова, за глубокие

мысли и за любовь, которую он нам щедро дарит! Спасибо тебе, Марк! Теперь мы готовы приступить к декламациям. Хочу напомнить тему, выбранную всеобщим голосованием и предложенную ораторами Церебрием и Салсумусом. Она звучит так — «Кто такие рабы — наши друзья, враги или просто вещи, которыми мы владеем?». Честь открытия ежегодных декламаций досталась господину оратору Церебрию Тибру, которого мы все горячо приветствуем и приглашаем сюда на арену.

Квинтилиан уже сидел среди сенаторов, а Церебрий выступил на арену и, когда все затихло, сказал:

— Достопочтенные господа сенаторы, верные хранители Отчизны нашей, на вас мы уповаем! Достопочтенные господа граждане Рима, вы свет вселенной! Я переполняюсь гордостью, имея возможность быть одним из вас и выступать перед вами! Рассуждать я буду о рабах и о рабстве. Мы все ежедневно видим рабов повсюду, и часто они выполняют для нас необходимую работу — трудятся на плантациях или обслуживают нас в домах. Но сейчас я хочу показать на примере рабов судьбу человека. На их примере я увидел, насколько изменчив наш мир. Вот послушайте историю известного полководца Кориолана. Он рассказывал, что во время битвы с варварскими племенами произошел любопытный случай. Кориолан бился с могущественным варварским королем, и с самого начала сражения ему повезло. Он смог взять в плен варварского короля и в ту же ночь объявил его рабом. Кориолан назначил за него высокую цену, уже появились и покупатели, однако внезапное нападение варваров оттеснило римлян, и король был освобожден от рабства. Однако Кориолан был мудрым полководцем и вскоре наша армия провела успешную атаку... Король вновь стал рабом, его оценили заново, но это опять было ненадолго, так как варвары еще

раз разбили нашу армию и вновь освободили короля. Наконец, наша армия разгромила врага и король был продан в рабство окончательно. Какая же тут мораль? Получилось, что король варваров три раза подряд становился то рабом, то свободным человеком. Этот случай показывает, как изменчива наша судьба. С каждым может случиться подобное. Поэтому мы должны быть осторожными и понимать, что в жизни возможно всякое.

Отец Церебрия, господин Тибр, с умилением слушал сына и в конце его выступления начал выкрикивать похвалу громче всех, хотя выступление вызвало всеобщее восхищение.

Когда Церебрий сел, Тибр сказал Марку:

— Ты действительно великий ритор! Я и не подозревал, что мой сын может так прекрасно держаться и быть настолько красноречивым!

Марк поблагодарил могущественного сенатора и ответил:

— Это еще не предел... Скоро твой сын еще откроет более удивительные способности.

Тем временем на арену вышел Викторий и объявил следующего выступающего:

— Сейчас перед вами предстанет господин оратор Урбанум Уридий.

После сердечного приветствия Урбанум предложил создать предприятие по производству полезных ученых рабов. Сначала он захватывающе рассказал о том, что некоторые люди придумали необычное использование рабов:

— ...Вот, к примеру, богач Сабин собрал коллекцию из ученых рабов, которые постоянно следовали за ним и при необходимости подсказывали ему ответы на возникающие вопросы. Один из рабов был математиком. Он мог быстро считать в уме, и как только хозяину нужно было составить таблицы счета товаров или наличности, раб сразу

выдавал любую калькуляцию. А другой раб имел драгоценную способность делать быстрые зарисовки. Хозяину часто хотелось запечатлеть себя в той или иной обстановке. Тогда он становился на фоне великолепного здания один или вместе с друзьями, а этот раб, достав из своей капсулы свиток и краски, быстро делал прекрасные зарисовки. Так хозяин собрал целый альбом своих изображений в разной обстановке и с гордостью показывал всем. Такое использование рабов приводит меня в восхищение. Сейчас я чувствую, что многим захочется занять подобных умных рабов, которые могут быстро считать или рисовать. Принимая во внимание этот спрос, я предлагаю наладить производство подобного товара на заказ. Я также придумал имена. Назовем их на греческий манер. Ведь вся наука к нам идет из Греции. Считающий будет зваться калькулятором, а рисовальщик – фотографом, то есть зарисовщиком образов. Для производства предлагаю покупать способных рабов и обучать их. Дело может давать хорошую прибыль.

Амфитеатр восхищенно аплодировал Урбануму, а его отец, Доминус, прослезился и начал жарко обсуждать возможность такого оригинального способа работорговли, когда предприниматель не просто перепродавал бы товар, а занялся бы его целенаправленной подготовкой.

Тем временем Викторий объявил следующего выступающего:

– Слово предоставляется господину оратору Элоквенцию Квинтилиану.

Марк с удовольствием наблюдал, как уверенно держался Элоквенций. Он выступил на арену и после приветствия сказал:

– Хочу выразить необычное мнение, к которому я пришел во время размышления о рабах. Что такое раб

и рабство? Эти понятия я определил вот как. Раб — это такой же человек, как и мы, попавший в полное подчинение к нам. Хозяева могут относиться к нему благосклонно или сурово. Мы, граждане великой империи, конечно же, не рабы. У нас нет хозяина. Тем не менее мы тоже находимся в подчинении некоторых природных сил. Мы не можем ни есть и ни пить, ибо природа сделала нас зависимыми от еды и питья. Кроме того, в нас кипят внутренние страсти, которым трудно не подчиняться, однако боги наградили нас совестью, честностью и справедливостью, что ограничивает наши пагубные порывы. Однако есть некоторые люди, которые не следуют своей внутренней добродетели и тем самым по своей воле становятся рабами еды, напитков и похоти. Таких людей жалко, ибо хоть они и называются свободными, но они все-таки невольники. Над ними властвуют чревоугодие, или блуд, или другие пороки. Они сами отдают себя в рабство греху. Это рабство намного хуже того, которое людям достается по злой судьбе. Я никому не желаю такого рабства! Некоторые могут возразить, что тогда все мы рабы. Если кто освободит себя от рабства греха, то он попадает в рабство добродетели. И в их словах есть некоторая истина. Так, если нам предписано Богами быть в рабстве либо у греха, либо у добродетели, то я выбираю последнее!

Элоквенций сорвал бурные аплодисменты. Его поздравляли друзья, а сенаторы высказывали Марку свое восхищение острым умом сына.

Затем на арену опять вышел Викторий и объявил последнего выступающего:

— Господа, перед вами сейчас предстанет наш самый младший участник, господин Гней Тутуций Агенобарб! Он пока числится в группе грамматика и не является оратором, но господин Квинтилиан обещал при определенных

условиях перевести его в старшую группу. Первое — безупречное выступление господина Тутуция с декламацией, а второе — согласие господина Децима Агелатуса, первого учителя Тутуция. Мы все поддержим нашего выступающего от всего сердца!

Под бурные аплодисменты Тутуций вышел на арену медленно и очень неуверенно. Квинтилиан почувствовал, что мальчик сильно волнуется, и подумал: «Возможно, его еще нельзя было выпускать? Он мал... Ну давай, мальчик! У тебя получится! Я буду тебя поддерживать мысленно отсюда... Наберись смелости! Я в тебя верю!»

С тревогой наблюдал за сыном и Северий Агенобарб. Он недовольно покачивал головой, когда Тутуций встал посередине арены, съежившись, дрожащей рукой раскрыл свиток и уткнулся в него.

Марк пытался поделиться с мальчиком своей уверенностью и духовными силами, и, видимо, это помогло. Тутуций решительно вернул свой свиток в капсулу и начал:

— Господа... Благодарю вас, что дали мне возможность выступить перед вами наравне с группой ораторов. Это для меня величайшая честь... Это выступление особенно важно для меня еще и потому, что недавно я сильно провинился... Я поступил недостойно и табличкой разбил голову моему грамматiku...

Все взглянули на Децима, который грозно вращал глазами, не зная, чего ожидать от Тутуция — дурного или хорошего.

С каждым словом голос мальчика креп и становился увереннее:

— Кроме того, я нечестно поступил и со своими друзьями. Я хитростью собрал с них деньги и вовлек их в недостойную игру. Теперь я стою перед вами, чтобы искупить обе провинности. Это и станет темой моей речи перед вами...

Эти слова задели присутствующих. Амфитеатр замолк в ожидании продолжения. Квинтилиан видел, что уверенность и мужество полностью вернулись к Тутуцию, который продолжил:

— Я, как и все мальчики нашей школы, хочу поскорее стать истинным римлянином. Конечно, я понимаю, что мне надо еще долго к этому идти, однако теперь, оказавшись в затруднении, я начал думать: что же сделал бы на моем месте истинный римлянин? Как он искупил бы свою вину? Я познакомился с нашей великой историей и понял, что настоящий гражданин совершил бы достойный поступок, который принес бы много пользы всему обществу. Мне же надо совершить два таких поступка. Один достойнее другого. И теперь я попытаюсь это сделать здесь, прямо перед вами. Вас же прошу быть ко мне снисходительными.

Выслушав это вступление, Марк несколько успокоился. Было видно, что Тутуций уже владеет собой и его уверенность все возрастала.

Тем не менее Марк продолжал посылать мальчику мысленную помощь.

Начало речи заинтересовало и сенаторов. Сам Северий уже перестал хмуриться.

Мальчик продолжал:

— Сначала хочу покаяться перед вами из-за того, что я очень несправедливо поступил с нашим учителем грамматики. Господин Децим исполнен лучшими пожеланиями относительно нас. Уверен, он хочет, чтобы мы выросли самыми умными, и поэтому иногда он прибегает к принуждению. Я хотел отомстить ему и сделал это самым отвратительным образом. Я прошу прощения у нашего грамматика и в знак примирения хочу сделать ему небольшой подарок...

Услышав слово «подарок», Децим начал успокаиваться. Он уже не с недоверием, а с интересом смотрел на Тутуция...

— Подарок этот необычный, и он находится здесь. Поэтому я с радостью хочу представить его всем присутствующим, и если господин грамматик примет мой дар, пусть это означает, что мы примирились... Итак, прошу подарок господина Децима выйти сюда на арену, чтобы его все увидели...

Тут из амфитеатра встал купленный Тутуцием раб Эпиктет и под удивленные возгласы всей публики с поклоном вышел на арену.

Северий уже восхищенно смотрел на своего сына, а Марк ликовал в душе.

Тутуций сказал:

— Знакомьтесь: это Эпиктет, ученый раб, которого я купил на деньги, собранные с товарищей, в лавке работящего Пропола на Форуме. Этот раб полностью принадлежит мне, и я волен распоряжаться им по своему усмотрению. Сейчас, перед всей публикой я объявляю, что преподношу раба Эпиктета в дар господину Дециму. Пусть он помогает ему в воспитании подопечных, пусть он учит нас философии и риторике, пусть он делает все, что посчитает нужным господин грамматик. Господин Децим, отныне этот раб твой! Владей им и распоряжайся.

Децим Агелатус плакал... Он слушал мальчика с удивлением, с восхищением, с любовью, и слезы сбегали по его лицу... Он встал и сказал:

— Господин Гней Тутуций Агенобарб, я вижу теперь в тебе великие задатки, и я принимаю твой дар с благодарностью. Прошу также простить меня за то, что я наказывал вас. Обещаю, это больше не повторится. Не могу больше говорить, слезы мне мешают. Но это слезы радости.

Децим сел. Дети окружили его. Некоторые обнимали его...

Тут весь амфитеатр взорвался аплодисментами.

Когда все стихло, Тутуций поклонился и продолжил свою речь:

— Теперь мне надо искупить свои проступки перед товарищами, ибо я втянул их в спор, вымогал деньги, лукавил перед ними. Мои дорогие товарищи, пожалуйста, простите меня. В знак искупления своей вины я приготовил дар и для вас всех. Это совершенно необычный подарок, однако было сложно его приобрести, так как он стоил очень дорого. Однако мое желание было велико, и я пошел с просьбой к своему отцу и господину. Я попросил его поверить мне и выдать в долг десять тысяч сестерциев...

По амфитеатру пронесся гул удивления.

Все посмотрели на Северия. Теперь он еле заметно улыбался. Чувствовалось, что он очень гордится своим сыном...

Тутуций продолжил:

— Я понимал, что это громадная сумма. Наверно, нет в Риме отца, который доверил бы своему сыну такие деньги. Но мой любимый отец поступил великодушно. Он ответил мне, что как наследнику древнейшего рода Агенобарбов, к коему принадлежит и ныне здравствующий император, мне причитается гораздо больше требуемой суммы, но ввиду моего молодого возраста отец должен знать, как я собираюсь распорядиться этими деньгами. Тогда я сказал, что это подарок для моих товарищей и для всей школы. Я попросил позволения доверить мне деньги для нужной покупки и дать мне возможность во всеуслышание объявить о моем приобретении прямо вот с этой арены на декламациях. И я благодарю отца, что, подумав, он доверился мне и передал серебряный ларец с требуемыми

монетами. Сейчас настало время публично сообщить, о чем идет речь.

Сенаторы удивленно посматривали на Северия, мальчики недоумевали, весь амфитеатр замер в ожидании, и Тутуций сказал:

— На эти деньги я купил для нашей школы нечто поистине ценное. Это типография...

Амфитеатр недоуменно зашумел. Кто-то спрашивал, что такое типография? Кто-то пояснил, что типография — это мастерская для размножения книг. Кто-то не мог поверить! Кто-то восхищенно аплодировал. А кто-то кричал и требовал показать типографию.

Сам Северий расцвел от счастья и гордости за своего сына.

Тутуций опять поклонился всем, немедленно заиграла музыка, и совершенно неожиданно навес, устроенный на задней части арены, вдруг открылся, и перед изумленной публикой предстало нечто и правда невообразимое.

Да! Это была типография...

Двести рабов сидели на траве со свитками пергамента перед собой и с бутылочками чернил. Они в руках держали каламусы и быстро выводили буквы на пергаменте.

Перед ними стоял высокий немолодой мужчина и руководил работой рабов. Как только завеса упала, он обернулся к амфитеатру и сказал:

— Почтенные господа! Меня зовут Сесий. Я бывший владелец этих рабов-писцов. Я собрал их, обучил, и теперь они красиво пишут то, что я диктую. Обычно я стою перед ними, медленно читаю книгу, а они записывают. Когда я закончу читать, двести книг уже будут готовы. Это и есть моя... то есть уже ваша типография.

Вперед выступил Викторий Марцелл:

— Это поистине необыкновенный подарок от господина Тутуция. Теперь мы сможем выпускать свои собственные книги! Уверен, товарищи Тутуция оценят дар!

Мальчики не могли скрыть восторга.

Сервий встал и сказал:

— Буду откровенен... Такого мудрого поступка от своего сына я не ожидал. Кроме того, я бы хотел узнать, как подросток сумел уговорить Сесия продать ему такое серьезное дело?

Сесий поклонился и ответил:

— Я расскажу вам! Когда господин Тутуций первый раз пришел ко мне с предложением уступить ему двести рабов, я не поверил своим глазам и ушам. Я спросил его, зачем это ему, и тогда он удивил меня еще больше, сказав, что покупает типографию, чтобы подарить товарищам и всей своей школе. Я попросил его назвать себя, и тогда узнал, что передо мной стоит один из Агенобарбов. Он просил назвать ему цену, и я запросил десять тысяч сестерциев, думая, что на этом все и закончится. Однако мальчик пришел через несколько дней с деньгами. Я ничего не мог возразить, и теперь это школьная типография. Надо сказать, что это очень прибыльное дело и школа сможет окупить подарок и вернуть деньги семье Агенобарбов. Если, конечно, они примут. А теперь хочу представить вам первое издание.

Рабы встали, в руках у них были готовые книги.

— Это сборник выступлений на ежегодных декламациях. Пока дети говорили, рабы Сесия записывали, и вот вам книги!

Марк встал и призвал всех:

— Нам надо вместе поблагодарить Тутуция! Вижу, что сенаторы проголосуют за то, чтобы перевести его в группу ораторов. Последнее слово мы ждем от Децима...

Амфитеатр опять взорвался аплодисментами.

Тутуций ликовал! Ему удалась задумка.

Тем временем на арену вышел Децим и сказал:

— Дорогой господин Тутуций Агенобарб! Ты великий человек. Это не я должен тебя прощать, а ты меня. Ибо я тоже виновен перед своими учениками. Я вас жестоко наказывал, сурово кричал на вас, сурово заставлял учиться и не видел в своих действиях ничего плохого. Но потом я понял, что мне самому надо многому учиться. Благодарю богов, что у меня тоже есть великий учитель, Марк Фабий Квинтилиан, который помогает мне стать лучше. Он научил меня, что ребенок пришел к нам от Бога, по законам Божьим, а мы его бьем ремнем, чтобы очеловечить по законам волчьим. Как же мы глупы... Он научил меня, что надо нести свет всему миру через наших воспитанников и, вообще, надо самим быть как дети. Ведь в конце концов этот мир есть сумма тех уроков, которые мы получали в жизни. И будущий Рим рождается здесь, на наших уроках. За подарок Тутуцию великое спасибо! Конечно, он заслуживает перевода в группу ораторов!

Амфитеатр ликовал.

Тут Марк заметил, что к Сервилию в спешке приблизился сенатский гонец. Он склонился к его уху и долго что-то шептал ему. Когда они закончили, Сервилий обратился к Марку и тихо сказал:

— Марк, дорогой, нам, сенаторам, надо уединиться на время для обсуждения чрезвычайно важного дела. Мы можем это сделать здесь, в твоей школе?

— Конечно, Сервилий! Чувствуй себя как дома. Я немедленно позову Актуария, и он проведет вас в зал риторских занятий.

Сервилий кивнул:

— Хорошо, зови его...

Вскоре сенаторы удалились в сопровождении раба, а на арене начал выступать Эпиктет. По просьбе Виктория он поведал свою историю:

— Почтеннейшие господа! Первым делом хочу сказать, что безмерно счастлив, что попал в вашу школу. И все благодаря смекалке моего юного господина, Гнея Тутуция Агенобарба. А все ведь произошло случайно! Жизнь неопределенна, похожа на разлившуюся от дождей реку – бурна, полна тины и камней, непроходима, бешена и шумна. Вот и вся моя жизнь состояла из случайностей. Родился я случайно рабом в доме моего первого хозяина Эпафродита. Он случайно узнал о мудреце по имени Музония Руф и начал посещать его беседы, а мне велел сопровождать его. Слушая Музония вместе с моим господином, я начал понимать, что есть великий неделимый Бог, что есть мироздание, что есть человек. Я открыл, что свобода – благо, неволя – зло, но выбор зависит от нас. То, где свободной воле нет места, не подходит ни под одно из названных понятий. Но дух господствует над плотью и над всем, что принадлежит телу и не имеет свободной воли. Человек со свободной волей не может быть назван рабом. Как прекрасно юные ораторы размышляли о рабстве! Кто есть раб? Тот ли, кто свободен телом и несвободен душой? Или тот, кто телом связан, а духовно свободен?

Весь амфитеатр слушал интересный рассказ Эпиктета.

Тем временем в зале юных ораторов шла горячая дискуссия сенаторов.

Они даже не обращали никакого внимания на Актуария, который привел их туда и сам остался у столба послушать...

2.

Вначале Северий Агенобарб сообщил:

— Господа отцы сенаторы. Я не мог не собрать вас немедленно, ибо только что гонец доложил мне удручающую весть. Наш император требует от нас невозможного...

Северия внимательно слушали всадник Квисенд Болд, отец Фортиса, могущественный сенатор-богач Доминус Урдиний, отец Урбанума, Тораний Тибр, отец Церебрия, и Септим Сервилий, отец Салсумуса.

Они хором воскликнули:

— Что?

— Чего он хочет?

— Мы ничего недозволенного делать не будем...

Северий сказал:

— Он хочет учредить новый праздник Нероний в свою честь. На этих праздниках он возжелал устроить состязания в песнях и на колесницах, но главное — теперь он хочет не только сам участвовать, как не раз это делал, но требует, чтобы выступили и мы, сенаторы.

Квисенд Болд вскочил на ноги:

— Он что, с ума сошел? И мы будем ему потворствовать? Неужели он хочет заставить нас, патрициев, выступать на сцене, как плебеев, петь песни под кифару, как отбросы общества, и участвовать в состязании на колесницах, как рабы?

Доминус покачал головой:

— Это недостойно... Я лично ни за что не буду показываться на арене и участвовать в публичных выступлениях Нерона.

Северий сказал:

— Да! Это и правда недостойное состязание для нас, истинных граждан Рима. Но гонец еще сообщил мне, что Нерон собирается казнить тех, кто откажется...

Кивнет взорвался:

— Я тоже не буду этого делать, даже если отказ будет стоить мне жизни.

Урбанум и Септим горячо поддержали их:

— Мы тоже отказываемся!

— Никогда!..

Северий сказал:

— Я с вами полностью согласен, но есть многие сенаторы, которые не захотят рисковать головой своей и своих детей, когда будет стоять вопрос жизни и смерти. Они рассуждают так: жизнь предпочтительнее смерти. Тем более жизнь детей.

Доминус спросил:

— Дорогой Северий, я тоже полностью согласен с тобой, однако давайте обсудим все по порядку и первым делом подумаем, насколько достоверной информацией мы обладаем.

Квисенд воскликнул:

— Правильно! Нерон позорит себя пением и бегами на колесницах, но истинно ли то, что теперь он действительно решил вовлечь в эти низкие забавы и нас?

Северий ответил:

— К сожалению, все совершенно достоверно... Мы знаем, что об этом говорилось в доме советника по прошениям Нерона Эпафродита. Сам Эпафродит подтвердил, что Нерон твердо решил собрать всех молодых патрициев для состязаний на Неронии. То же самое подтверждается тем, что интерес Нерона к состязаниям все возрастает. Я сам слышал от него, что он собирается дать нам выбор: петь, состязаться на колесницах или биться на саблях, как гладиаторы. Для тех, кто откажется, будет предусмотрено жестокое наказание — смертная казнь. Больших доказательств и не требуется.

Урбанум возмутился:

— Я не хочу жить в такой стране, где честь и достоинство так безжалостно попираются.

Его поддержал и Септим:

— Я не хочу, чтобы мои дети занимались недостойным делом.

Квисенд Болд продолжал горячиться:

— Я не подчинюсь ему! Он может заковать мои ноги, но свободу воли не может одолеть даже Зевс. Он бросит в тюрьму не меня, а лишь мое брненное тело. Он отрубит мне голову? Только что в том? Я ведь так или иначе должен умереть. Какой смысл мне терзаться из-за неизбежного? Нет! Предпочитаю достойную смерть, чем позор с Нероном.

Северий сказал:

— Братья! Давайте успокоимся, трезво оценим создавшееся положение и решим, что делать. Я считаю, что Нерон — недостойный правитель! Его надо устранить.

Доминус ответил ему:

— Дорогой Северий, что ты имеешь ввиду? Не хочешь ли ты предложить нам устроить заговор?

Все вдруг замолчали и с тревогой посмотрели на Северия.

Он сказал:

— Нет... Он уже раскрыл два заговора, и я не хочу, чтобы мы стали жертвой третьего. Хотя я знаю точно: наш заговор распространится мгновенно. Мы связаны со всеми знатными семьями и пользуемся у простого народа доброй славой. Мы щедры с друзьями и ласковы даже с незнакомыми. К нам присоединятся сенаторские сословия, трибуны и центурионы. Но мы не должны медлить! Мы срочно пошлем гонцов к Виндексу и Гальбе. Я вас заверяю, начнется немедленное восстание в Галии и нам поможет восставшая Испания. Гальба скоро вступит в Рим! Терять время нам нельзя...

Доминус воскликнул:

— Это же путь к гражданской войне!

Северий сказал твердо:

— Другого выхода я не вижу... Иначе попрание всего святого и мы все танцуем на арене с сумасшедшим императором. Нерон хуже гражданской войны.

Квисенд Болд сказал:

— Я согласен. Если мы все договоримся здесь, то общими усилиями сможем склонить и весь сенат.

Урбанум и Септим ответили в один голос:

— Мы за...

Доминус подумал:

— Я тоже с вами...

Северий подвел итог:

— Тогда не будем медлить. К действию!

3.

После окончания ежегодных декламаций Марк с Витруцией сидел у рабочего стола в спальне и слушал рассказ Актуария про тайное собрание сенаторов.

Он не знал, как относиться к этому рассказу... Конечно, гражданская война пугала, но Нерон был и правда хуже гражданской войны...

Однако пока он император и дал Марку приказ выступить на суде...

Отпустив Актуария, Марк раскрыл свиток, полученный от Бурра, и углубился в него.

Это был план поджога Рима. Были указаны точки, где должен вспыхнуть пожар, стрелками было указано направление распространения огня, и были даны инструкции поджигателям.

Это действительно было доказательство виновности Нерона. Если Марк представит это на суде...

Ну нет!

Об этом даже думать опасно...

Но иначе он пойдет против совести и обвинение ляжет на невиновных христиан.

От тяжелых раздумий его отвлекли тихие звуки. Он поднял голову и увидел Витруцию в сопровождении детей.

Они стояли перед ним светлые и любимые.

Элоквенций сказал:

— Отец, ты наш господин и наша опора... Как ты оценишь мое выступление сегодня на декламациях?

Марк еле сдержал слезы. Глядя на свою семью, он ясно понимал всю тяжесть положения. Почему судьба так распорядилась с ним? Почему ему достался такой жестокий жребий — за благополучие любимой семьи ему надо платить сделкой с совестью.

Что делать?

Не дождавшись ответа, Элоквенций спросил:

— Отец, я очень старался. Если тебе не понравилась моя речь, скажи, и я исправлю...

Марк покачал головой и обнял сына:

— Ты был прекрасен, мой родной! Я горжусь тобой.

К ним подбежал Калидус, и он тоже обнял отца:

— Папа, я тоже скоро вырасту и выучусь произносить речь, как Элоквенций...

Марк плакал:

— Да, мой дорогой... Конечно...

Витруция подождала несколько секунд:

— Дети, вам пора спать. Идите в свою спальню...

Мальчики по очереди простились с родителями и убежали.

Витруция села рядом с Марком:

— Дорогой, я все понимаю. Нерон преступник, и мы в беде. Что будем делать?

Марк в отчаянии покачал головой:

— Любимая, я не знаю. Это настоящее испытание. Я держу в руках обвинительный приговор императору,

7. Наставления оратору

который приказал оговорить других и который может в любую секунду уничтожить нас. Да, мы в большой беде, и впервые в жизни обстоятельства вынуждают меня действовать не по совести. Я всех учу, что в суде большое значение имеет доброе мнение об ораторе. Кто хочет, чтоб его словам доверяли, тот должен быть действительно самым благоразумным и добродетельным человеком. Я всех учу руководствоваться только правотой и совестью. Как мне вести себя иначе?! Но какую цену мне придется заплатить за честность! Пожертвовать жизнью своей семьи!

Витруция сказала:

— Марк, ты мой почитаемый супруг... Может, мы удалимся из этого города в Испанию? Там мы сможем жить тихо и мирно.

— Нет. Он нас достанет из-под земли. Мы не сможем спрятаться.

Тогда Витруция предложила другое:

— Отпусти меня и мальчиков, и мы спрячемся в нашем лесном домике. Ты знаешь, я там выросла, там мне знаком каждый куст, и сейчас дом пустой. О нем почти никто и не помнит. Там мы можем укрыться, а ты сделай все, что считаешь нужным, честно и по правде.

К глазам Марка опять подступили слезы:

— Нет, это тоже не выход. Он найдет вас. Это самый коварный человек, которого я встречал. Матереубийца не пощадит никого, и его злость не имеет границ. Я не позволю вам остаться без присмотра одним в лесу. Нет, нам от него не скрыться!

Преступление тысячелетия

1.

Марк проснулся от странных звуков, доносящихся из атриума, и, открыв глаза, увидел перед собой нового ученого раба Децима.

— Эпиктет? Что ты здесь делаешь?

Эпиктет низко поклонился и ответил:

— Хозяин, там за тобой пришли преторианцы.

— Что?

— Они велют тебе идти с ними на Форум. Начинается суд над христианами.

Марк повернулся и воскликнул:

— Где Витруция?

Эпиктет упал на колени:

— Я не знаю! Не наказывай, я не виноват...

— Что случилось? Где моя жена? Где Актуарий?

Эпиктет рассказал:

— Я слышал, что рано утром пришел гонец с сообщением о сегодняшнем суде. Витруция приняла его и приказала не будить тебя. Потом она собрала детей и удалилась.

Марк воскликнул отчаянно:

— Куда?!

Эпиктет поднял опущенную голову и указал Марку на противоположный конец кровати:

— Хозяин, посмотри, возможно, там она оставила тебе послание.

Тут Марк заметил свиток и судорожно открыл его.

Витруция писала коротко:

«Мой любимый супруг. Я с мальчиками в условленном месте! Сожги эту заметку и поступай, как подскажет тебе сердце! Знай, что я тебя люблю!»

Марку захотелось закричать от переполнявших его противоречивых чувств, но он сдержался. Послав Эпиктета сказать преторианцам, что сейчас выйдет, он в спешке сжег бумагу и тут на кровати нашел амулет Витруции. Видимо, она забыла буллу второпях.

Неожиданно появилось неприятное предчувствие:

— Она не растает с этим амулетом...

Но времени на раздумье не было. Марк укутался в тогу и, уложив свитки в капсулы, направился к выходу...

2.

На переполненном Форуме толпа с нетерпением ожидала начала суда над христианами. Все стулья из окружающих лавок были сданы в аренду с самого рассвета, а народ все прибывал. Преторианские солдаты с трудом сдерживали людской наплыв.

Перед храмом Кастора и Поллукса были сооружены судейская кафедра с ограждением для выступающих ораторов, трибуна почетных гостей и императорская ложа с величественным тронem.

Квинтилиан уже занял место защитника прямо под судейской кафедрой и пытался унять дрожь от волнения. Он еще представления не имел, что будет говорить, как выстроит свое выступление и, вообще, что будет отстаивать. Его тревога еще увеличилась, когда он увидел, что прибыли почти все подопечные его школы в сопровождении воспитателей и рабов. Они расположились по правую сторону, у высоких перил Юлиевой Базилики. Там

были и Марцелл, и Децим, и все дети. Они время от времени махали руками своему главному ритору, а он махал им в ответ, пытаясь скрыть свое предельное напряжение.

На противоположной стороне от Юлиевой Базилики, под высокими куполами Храма Лавров было устроено еще одно охраняемое ограждение — для преступников. Туда вскоре привели закованную в кандалы группу христиан во главе с Благовестником. Несмотря на всю тяжесть своего положения, христиане были на редкость спокойными и умиротворенными. Глубокие голубые глаза Благовестника излучали мир и безмятежность. Он еле заметно улыбнулся Марку, который думал: «Возможно, их поведут отсюда прямо на казнь, а они спокойны... Как это у них получается? Мне бы сейчас обрести такой душевный покой...»

Тут Марк почувствовал, что Благовестник мысленно поддерживает его, и тревога немного отпустила.

Неожиданно за спиной Квинтилиана возник Сенека.

— Приветствую тебя, великий ритор!

Марк поклонился:

— И я тебя приветствую, Сенека. Не буду скрывать, что я сильно переживаю за благополучный исход сегодняшнего дня. Неопределенность заставляет чувствовать себя в глубоком омуте.

Лицо у Сенеки было застывшим, как маска, словно он пытался скрыть очевидное, — присущая ему уверенность почти исчезла, оставив лишь сомнение и нерешительность.

Он ответил еле слышным шепотом:

— Я сам в смятении. Все мои труды пошли прахом. Нерон совсем сошел с ума. Он подозревает каждого второго, считает всех опасными, и он готов погубить пол-Рима. Он ждет от каждого, что тот поднимет меч и он падет жертвой от злодеев-граждан. Он алчет крови, истребляет всех

из списка подозреваемых, на рострах головы убитых выставляет. Но тем кровопролитие не кончится. Сейчас он возжелал вовлечь в актерство знатных родом. Он возжелал, чтобы патриции на колесницах состязались и бились на арене, как гладиаторы. Они восстанут. Или уже восстали. Я чувствую запах гражданской войны. Сейчас лишь меч верности и войско хранят Нерона. Но и этот оплот падет.

Марк ответил вопросом:

— Но как же так? Ты его наставник...

— Я наставлял его быть славным среди славных, он же стал позорищем среди позорных; я наставлял его щадить отчизну, он ее терзает; я наставлял его миловать униженных, он же безвинных на казнь отдает; я наставлял его не распалиться гневом, избегать резни, дать мир земле и покой своему веку, он же своим безумством разжигает огонь гражданской войны. Рим вверил ему всех граждан, он их губит... Наконец, я был изгнан, чтобы не докучать ему. Что делать? Я в отчаянии... Очевидно, часто дурная природа сильнее мудрых наставлений. И теперь, убив свою законную жену, он женился на распутнице известной...

Квинтилиан растерянно спросил:

— Сенека, друг мой, я в растерянности. Как быть сегодня на суде? Дашь мне совет?

Философ усмехнулся:

— Ты знаешь, был пожар. Весь Рим сгорел. Теперь обвиняются невинные. Но что мне тебе советовать, когда сам нуждаюсь в наставлении?

В этот самый миг по Форуму пронесся гул толпы, а за ним крик ликтора:

— Всем приветствовать великого понтифика, божественного императора, Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика, Отца Отечества и божественную императрицу нашу Поппею Сабину!

Форум взорвался приветственными криками. Толпа восторженно гудела, все начали неистово аплодировать, и на фоне всеобщего ликования к людям вышел Нерон. Лицо у него было опухшее, наверно, от вина, и чувствовалось, что он и сейчас не трезв.

С ним была его новая жена, Поппея Сабина, которую он отбил у законодателя моды Отона. Они встали на пороге и приветствовали Форум, помахав толпе рукой.

Сразу вслед за императором появились сенаторы, включая Северия Агенобарба, Доминуса Урдиния, Торания Тибра с Септимом Сервилием и всадника Квисенда Болда. Все выглядели угрюмо, но особенно хмурился всадник. Он грозно осматривался и остался стоять, когда все расселись.

Наконец в императорской ложе появился один-единственный друг Нерона, гордый Петроний Арбитр.

Сенека нагнулся к Квинтилиану и сказал тихо:

— Отона, бывшего мужа Поппеи, он отослал подальше, дав ему прекрасную должность, а моего племянника, поэта Лукана, возненавидел лишь за то, что завидует его таланту.

Тут же появился судья, и императорский ликтор возвестил:

— Волей божественного императора суд над поджигателями Рима будет вести претор города Рима, господин Тит Флавий Виспасиан. Приветствуйте судью!

Раздались жидкие аплодисменты и ленивые выкрики. Сам претор Виспасиан поклонился всему Форуму и объявил:

— Почтенные господа! В июльские календы, в год консульства Марка Фруги и Гая Басса, наш Рим был уничтожен в зверском пожаре, который был запланирован, подготовлен и устроен жестокими разбойниками. Над ними мы начинаем справедливый и открытый суд. Эти грязные

злодеи, которые именуют себя христианами, по имени казненного прокуратором Понтием Пилатом некоего Иисуса Христа, находятся здесь на Форуме, закованные в кандалы, и, надеюсь, ждут своей казни, если, конечно, их вина будет доказана, в чем я не сомневаюсь ни капли, ибо дело было досконально расследовано трибуном преторианской гвардии, господином Гаем Софонием Тигеллином, честность которого не может быть подвергнута сомнению, по поручению его божественного величества нашего императора! Да здравствует император вместе с божественной Попшеей!

Форум взорвался приветствиями.

Многие бросали презрительные взгляды в сторону закованных преступников. Несмотря на тяжелые цепи на руках и ногах, несмотря на измученные пытками лица, христиане держались уверенно и спокойно.

Сам же Виспасиан, произнеся столь длинное вступление без передышки, отдышался и продолжил:

— Самые лучшие ораторы выступят сегодня перед нами. Луций Анней Сенека предстанет перед нами с обвинительной речью, а Марк Фабий Квинтилиан будет защищать преступников. Как он это будет делать, непонятно, но эти достойные мужи назначены по приказу его божественного величества нашего императора! Да здравствует император!

Форум еще раз горячо приветствовал императора.

Потом Виспасиан сказал:

— Послушаем теперь обвинительную речь господина Сенеки.

Сенека медленно выступил на площадку перед толпой и сказал:

— Господа! Мы собрались здесь, чтобы определить виновность некоей секты в подстроенном бедствии,

которое обрушилось на Рим в июльские календы в год консульства Марка Фруги и Гая Басса. Ужасы того пожара многие из вас еще помнят. Это было разрушение самое страшное и беспощадное, которое довелось претерпеть этому городу. Начало бедствию было положено возле цирка. Огонь вспыхнул в лавках с легко воспламеняющимся товаром и, гонимый ветром, быстро распространился вдоль всего цирка. Вскоре свирепое пламя поднялось на возвышенности, затем опять устремилось вниз. Сам город с кривыми, узкими улицами, с тесными застройками легко становился добычей пламени. Воздух содрогался от криков перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей. Многие и многие погибли тогда, лишившись всего имущества и крова.

Весь форум слушал речь Сенеки затаив дыхание.

На этом месте обвинитель остановился и сделал многозначительную паузу. У некоторых, в том числе и у Квинтилиана, возникло ощущение, что сейчас Сенека отбросит свою невозмутимость и скажет нечто из ряда вон выходящее.

Это мгновение продолжалось долго, пока судья Виспациан не оживил обвинителя:

— Сенека, продолжай!

Философ отрезвился, но маска с его лица не спала, и он продолжил:

— Пожар был укрощен лишь на шестой день, после того как на обширном пространстве были разрушены дома и огонь вырвался в голое поле. Когда все думали, что беда осталась позади, огонь вспыхнул снова. Сколько святых лиц богов было уничтожено! Сгорел храм Луне, воздвигнутый Сервием Туллием. Сгорел храм и большой жертвенник, посвященный Геркулесу Эвандром. Сгорел построенный Ромулом по обету храм Юпитера

Основателя. Сгорело святилище Весты с Пенатами римского народа.

Форум тихо гудел от возмущения.

Сенека продолжал:

— В то время божественный император пришел на помощь бедствующему народу. Огонь поглотил даже императорский дворец, но наш великий правитель не думал о своем имуществе. Он заботился о бедствующих римлянах! Идя навстречу погорельцам, он открыл Марсово поле, все сооружения Агриппы, а также свои собственные сады, предоставляя обездоленной толпе спасение. Кроме того, он спешно возвел строения, чтобы разместить в них несчастных людей. Из Остии было срочно доставлено продовольствие, и цена на зерно была снижена до трех сестерциев. Начал строиться новый Рим, с точно размеченными кварталами и широкими улицами. Божественный император за свой счет начал возводить новые портики, а также назначил вознаграждение соответственно сословию и размерам состояния каждого за завершение строительства особняков в установленные сроки. Сами здания император приказал возводить из габийского или альбанского туфа, ибо этот камень огнеупорен. Все эти мудрые меры сделали город прекраснее, за что надо благодарить божественного императора!

Судья сразу вставил:

— Да здравствует император вместе с божественной Августой!

Форум взорвался приветственными криками и восхищенными возгласами.

Сенека выждал, пока утих восторг, потом продолжил:

— Божественный император как мудрый правитель приказал трибуну преторианцев провести расследование и найти разбойников, которые умышленно устроили

поджог. Господин Тигеллин расследовал дело и выявил вот эту шайку... Посмотрите на них...

Сенека указал на закованных в кандалы христиан и сказал:

— Эти люди повинны не только в поджоге. Они принесли в наш Рим зловерное суеверие. К сожалению, мы часто видим, что все наиболее гнусное и постыдное стекается в Рим и находит здесь приверженцев. Теперь они перед вашим судом, избалованные в злодейском поджоге и в ненависти к людскому роду.

Сенека достал из своей капсулы свиток и, подойдя к судье, сказал:

— Достопочтенный судья, прими этот свиток с доказательствами виновности этих разбойников.

Форум заплодировал...

Сенека же медленно отошел к своему месту и хмуро присел, стараясь не оглядываться вокруг.

Наверно, ему было стыдно.

Виспасиан принял свиток и сказал:

— Господин Сенека! Мы все очень благодарны тебе за прекрасную речь. Теперь мы выслушаем защитника. Господин Квинтилиан, можешь начинать. Не представляю, что может быть сказано в оправдание или смягчение вины разбойников.

Подопечные Квинтилиана взволнованно ждали выступление Марка. Все застыли в ожидании и были готовы внимать каждому слову своего учителя.

Марк выступил вперед, поклонился императору, сенаторам, судье, толпе и сказал:

— Достопочтенные господа...

Тут у него на мгновение дрогнул голос, но он справился с волнением и продолжил увереннее:

— Мне очень трудно выступать здесь, на этом Форуме, в защиту тех людей, которых обвинитель называет

разбойниками и которые повинны в совершении самого жестокого преступления, которое знал Рим. Мне трудно выступать, потому что дело особенно сложное, а я как наставник будущих ораторов никак не могу быть хоть в чем-то нечестным. Я получил приказ от божественного императора защищать христиан. Если бы я тогда мог вообразить, какое на себя беру бремя, тяжесть которого теперь чувствую, то заранее измерил бы силы свои. Я понял, что я приступаю к самой важной задаче в своей жизни – проверке своей честности.

Квинтилиан сделал паузу, почувствовал, что весь Форум внимает каждому его слову, и продолжил:

– Я верю вместе с Катонем старшим, что настоящий оратор должен быть мужем честным и в слове искусным. Но честность тут ставится превыше всего, ибо это есть великое и почтенное качество! Если бы искусство слова служило орудием для людской злости, то для общественных и частных дел не было бы ничего губительнее красноречия. Мы, наставники риторики, оказали бы ужасную услугу человечеству, если бы давали это оружие разбойнику, а не честному и доблестному воину. Лучше уж я родился бы немым и безмозглым, чем обращал дар божественного промысла на всеобщую погибель.

Марк посмотрел в сторону своих учеников и продолжил:

– Здесь собрались подопечные моей школы. Им я не раз говорил, что оратором вообще быть невозможно, не будучи честным человеком. И это простейшая истина, ибо человек злой есть бессмысленный человек, а бессмысленный человек никогда не может быть оратором. Если бы вы увидели сейчас во мне хитрого и злого человека, вы не приняли бы мои доводы по поводу этого сложного дела. Итак, я стремлюсь видеть в ораторе не простого

законоведа, не наемного ходатая, не посредника в тяжбах, которого просто стряпчим называют, но предполагаю мужа, одаренного от природы превосходным умом, украшенного изящными и разнообразными познаниями, ниспосланного для блага людей, во всем совершенного, благородно мыслящего и наилучшим образом говорящего. Поэтому от оратора требуют не только превосходной способности к красноречию, но и всех душевных доблестей. Да будет оратор таков, чтоб его по справедливости можно было назвать и мудрецом; он должен быть не только совершенен в нравах, но совершенен и во всех знаниях, во всех качествах, нужных для красноречия. Может быть, такого еще нет. Но надо стремиться к совершенству. Кто старается подняться вверх, будет выше того, кто отчаивается в успехе и остается внизу. Так знайте же: я, ритор, воспитатель будущих ораторов, сам должен стремиться к совершенству прежде всех. Если я буду безнравственным, то чему научу подопечных своих? Поэтому здесь и всегда я клянусь говорить правду и только правду! Даже если это будет угрожать моей жизни или жизни моих близких.

Теперь Квинтилиан обратился к судье:

— Господин претор! Получив приказ от императора, я начал исследовать дело, встретился с разными свидетелями и получил некоторые неопровержимые доказательства, которые собраны у меня здесь, в этой капсуле. Их я передам тебе сразу после окончания своей вступительной речи. Согласно моим доказательствам, в пожаре виновны не христиане! Их даже защищать не нужно... Есть некто другой, кто повинен в этом разрушительном бедствии!

Тут по Форуму пронесся гул недоумения и заинтересованности.

Обстановка накалялась до предела.

Мальчики трепетали, сам Благовестник не отрывал свой спокойный взгляд от Марка.

Напряглись сенаторы и сам император.

Лишь Сенека сидел, склонив голову, уставившись на каменный бульжник площади.

Судья сказал:

— Господин Квинтилиан, я очень надеюсь, что ты знаешь, что делаешь и говоришь. Ты должен быть честен, в этом нет спору, но у тебя должны быть очень веские доказательства в подтверждение твоих слов о виновности кого-то другого. Ты обязан сообщить нам все!

Марк ответил:

— Сообщу... И приведу свои доводы. В своей вступительной речи господин обвинитель обрисовал нам ужасную картину происходившего бедствия и рассказал о той великой помощи, которую оказал своему народу божественный император. Можно ли было предположить нечто иное? Как мог император не прийти на помощь своему страждущему народу? Однако я бы хотел добавить несколько важных деталей к словам господина обвинителя. Вот какой вопрос меня интересует... Где была доблестная Римская армия в те пагубные дни и ночи, когда бушевал пожар? Естественно предположить, что все легионы, размещенные в Риме, все преторианские, а также полицейские когорты должны были выступить на улицы Рима и всеми силами способствовать борьбе со стихией и спасению людей... Что же мы увидим, если пригласим сотню или даже несколько сотен свидетелей пожара и спросим их, видели ли они хоть одного солдата с ведром воды в руках или спасающего детей, женщин и немощных? Никто такого не видел...

Послышались выкрики из толпы на Форуме:

- Он прав!
- Никто не видел солдат.
- Правда! Где была армия?

Квинтилиан подождал, пока народ утих, и сказал:

— Армия была в казармах. Одно дело, что никто не отдал им приказ выйти на помощь своему народу. Другое дело, что кто-то им приказал ничего не предпринимать, ибо армия и солдаты, не имея иного указания, по своей воле встали бы на защиту своего любимого города. Тут возникает главный вопрос. Неужели вот эти христиане, пусть они даже и представляют зловредную секту, имеют такую власть над нашей армией, полицией и преторианцами? Кто мог им такую власть предоставить? Ответ на этот вопрос очевиден. Никто им эту власть не давал. Они ее просто не имеют! А был кто-то намного могущественнее христиан, кто имел власть над армией и преследовал свои цели, задумывая и осуществляя это злодейство.

Толпа от этих слов резко возбудилась. Послышались выкрики из толпы:

- Он прав!
- Назови злодея!
- Кто виноват?

Судья поднял руку и, успокоив весь Форум, сказал:

— Меня тоже очень интересует, кто же преступник? Господин ритор обязан все сказать нам и представить доказательства. Уверен, он это сделает. Дадим ему продолжить.

Форум затих, и тогда Марк сказал:

— Основываясь на полученных доказательствах, я понял, что есть могущественный человек, которого долгие годы мучили по ночам души его собственных погибших близких. Эти души поднимались из глубин Тартара и посещали его в ночной темноте. Во сне и наяву они

преследовали его и терзали. Вот он и решил избавиться от них так, как иногда делали наши предки. Если в доме привидения, то этот дом надо сжечь, и привидение сгорит вместе с домом. И этот могущественный человек решил поджечь весь Рим...

Такого напряжения Форум давно не помнил.

Затаив дыхание внимал народ словам Марка:

— Он нанял людей, раздал им план действий, приказал разместиться в разных частях города и дожждаться сигнала к началу злодейства. Откуда мог этот могущественный человек подать сигнал? И каким он мог быть? Естественно предположить, что сигнал должен был последовать с такого места, которое хорошо видно во всем городе. Всем известно, что это Меценатова гора. Так вот, этот могущественный человек собрал своих друзей на Меценатову гору, где устроил званый пир. Мы можем пригласить в свидетели тех, кто там был. Пусть они расскажут нам под присягой, что происходило на Меценатовой горе, какая арена там была устроена, чем угощали гостей и кто выступал на арене. Мне известно, что в ту самую роковую ночь на той арене пел под кифару песнь про своих предков тот самый могущественный человек. И во время пения загорелись праздничные огни, что и явилось сигналом к началу пожара. Последовав знаку, преступники начали поджигать сначала склады, а потом уже и жилые дома.

Форум опять взорвался...

— Кто этот негодяй?!

— О ком ты говоришь, ритор?

— Есть ли у тебя доказательства?

Квинтилиан поднял руку, призвал народ к спокойствию и громко сказал:

— Да! У меня есть доказательства! Вот они, в этой капсуле, которую я прилюдно передаю господину судье!

Чтобы они случайно не были утеряны, я сделал несколько копий и разместил их в надежных местах.

Виспасиан принял от него доказательства и спросил:

— Скажи нам, кто же то чудовище, о котором ты говоришь?

Услышав этот вопрос от судьи, Форум мгновенно затих.

Марк помедлил, сделал глубокий вдох, приготовился к самому худшему и сказал:

— Господин претор, господа сенаторы, народ Рима! Чудовище, которое устроило поджог нашего города, сидит перед нами! И я не могу его не обличить! Это наш божественный император Нерон! Он устроил поджог, потому что его мучили по ночам видения Агриппины, Британика, Клавдия и других насильственно погибших близких. Он хотел сжечь их души вместе со всем городом, а потом выстроил себе на пепелище Золотой дворец.

Тут началось...

Сложно выразить это словами...

Нерон, до того слушавший Квинтилиана со страшно искаженным лицом, закричал со злостью:

— Да он заодно с преступниками! Казнить его немедленно!

В сторону Квинтилиана сразу бросилось несколько преторианцев.

Форум в одно мгновение разделился на два взорвавшихся лагеря. Одни кричали:

— Не может этого быть!

— Ритор лжет!

— Голову с плеч!

Другие возмущались:

— Надо расследовать!

— Пусть император сам опровергнет под присягой!

— Он правда был в ту ночь на Мecenатовой горе!..

Сенека не мог поднять голову.

Испытывая противоположные чувства, дети перепугались, но восхищенно хлопали в ладоши.

Викторий Марцелл понял, что их лучше немедленно увести, и приказал рабам помочь ему.

А сами христиане в этой всеобщей суматохе вдруг запели песнь Богу! Их голоса были возвышенны, одухотворены, и единый глас летел прямо к Небесам.

Толпа бушевала, как грозное море, и Квинтилиан видел, что на него надвигаются несколько вооруженных преторианцев с обнаженными мечами. Не зная, что делать, он отдал себя в руки своего хранителя Гениуса и закрыл глаза.

Но преторианцы к нему не смогли приблизиться.

Кто-то крикнул:

— Никто не посмеет тронуть ритора! Сначала придется убить меня! Это говорю я, Северий Агенобарб! Во мне королевская кровь! И я подтверждаю все, так как был на Мecenатовой горе в ту ночь! Там император пел, и вспышки были. Ритор говорит правду!

Марк открыл глаза и увидел, что между ним и солдатами встал Северий Агенобарб с поднятым мечом...

Это остановило солдат, а Нерон захлебывался в ярости:

— Это тоже их сообщник. Это заговор! Убить предателей!

Однако солдаты не смогли прямо напасть на Северия. Один из них грозно двинулся на него и сказал:

— Ты препятствуешь воле императора, и ты заговорщик!

Северий сразу ответил:

— Я за справедливость и препятствую злодейству! Ритор самый честный человек, которого я знаю! Он

представил доказательства, а суд еще не закончен! Поэтому его нельзя трогать!

Солдат закричал:

— Ты безумец! Выступаешь против десятка солдат один?!

Тут позади Марка появился великий всадник, Квисед Болд, отец Фортиса. Обнажив меч, он закричал:

— Северий не один! Я с ним! А это значит, что с нами еще много всадников...

От толпы на Форуме немедленно отделилось несколько десятков всадников, которые быстро присоединились к Квиседу.

Образовавшееся противостояние могло тут же перерасти в кровавую потасовку, однако напасть преторианцы не осмелились, ибо в дело вмешалась толпа.

Многие кричали:

— Мы тоже с ними!

Преторианцы отступили.

Тем временем песня христиан звучала все громче. Это было самое чудесное пение, которое когда-либо слышал Марк. Песня устремлялась в небо, завораживая мощным лучом доброты.

Единая песня единых христиан...

Разъяренный Нерон заорал:

— Заткните глотки преступникам! Не могу их слышать!!!

Преторианцы, охранявшие преступников, достали палки и начали их бить. Они безжалостно ломали им руки, ноги и ребра, но тем мощнее становилась их песня...

Тут раздались голоса из толпы.

Кто-то кричал:

— Смотрите, у них приверженцы и в толпе!

Кто-то кричал:

— Не бейте их! Они же просто поют!

Кто-то кричал:

— Бить надо настоящего злодея — императора!

Тут Тигеллин понял, что надо уводить Нерона, и приказал:

— Преторианцы, за мной!

Преторианцы немедленно последовали...

Тем временем весь Форум уже сходил с ума. Отрицательная энергия выплескивалась из всех углов и, взрываясь, стократно усиливалась, вовлекая всех собравшихся. Кто-то уже бил кого-то, кто-то размахивал мечом, кто-то резал кого-то...

Лишь продолжающаяся песня христиан устремлялась к небесам, но мир уже невозможно было восстановить.

Северий быстро оценил положение и закричал сенаторам:

— Сообщите в сенат! Император только что разжег огонь гражданской войны! Пусть Гальба немедленно вступает в Рим со своим войском!

Кто-то из сенаторов сорвался с места.

Императора увезли...

Тут перед Марком встал Сенека. Он восхищенно смотрел на ратора, но в его взгляде была также великая горечь...

Наверно, он хотел сказать Марку что-то, но Северий вмешался:

— Ритор, следуй за мной! Здесь уже небезопасно...

Марк сказал ему:

— Мне надо убедиться, что дети выбрались отсюда невредимы.

Северий ответил:

— Об этом позабочусь я. А ты иди за мной!

Он быстро провел Марка через защищенные портики храма Кастора и Поллукса к противоположному выходу и сказал:

— Тебе надо позаботиться о безопасности своей семьи. Где твои кровные?

— Они укрылись в лесном доме, где выросла Витруция.

— Так мчись туда... Бери мою квадригу. Вон она, стоит у входа в храм. На ней ты быстро доберешься. Пользуйся ей, сколько надо.

Тут к ним подбежали дети, которым очень хотелось увидеть своего учителя. За детьми бежали Викторий, Децим и рабы, а впереди всех мчался Тутуций. Он первый приблизился к Марку и сказал:

— Господин ритор! Хочу выразить свое восхищение! Ты для меня образец истинного оратора! Я хочу быть таким, как ты! Храбрым, честным, умным и... лучшим во всем! Обещай, что научишь меня всему!

Дети поддержали Тутуция:

— Да, да!

— Мы тоже!

— Научи всех нас!

— Мы тебя слушали всей группой затаив дыхание!

— Мы любим тебя!..

Тутуций обнял Марка, и все дети протянули к нему руки.

Марк сказал:

— Обещаю научить всему, что знаю...

Тут вмешался Северий:

— Сын мой! Дети! Ритор сейчас очень торопится, и надо его отпустить! Вам же надо быстро добраться до дома...

Тутуций возразил:

— Мы хотим в школу...

Дети подтвердили:

— Да!

— Нам будет хорошо в школе!

— Если надо, мы защитим свою школу!..

Северий ответил:

– Хорошо. Добирайтесь до школы... А ты, ритор, не теряй времени и поезжай!

Марк сказал:

– Викторий и Децим, позаботьтесь о детях...

Викторий ответил:

– Обязательно! Ты великий оратор, Марк...

Децим плакал и ничего не смог сказать...

Марк спросил:

– А где Актуарий?

Никто его не видел, но сейчас было не до него.

Марк обратился к Северию:

– Благодарю тебя, господин сенатор!

– Это я тебя благодарю, ритор! Ты сумел преобразить моего сына. Он сейчас на прекрасном и светлом пути, и я спокоен за него!

Тут сенатор вложил в руки Марка кошелек с золотом и сказал:

– Бери это! Очень может пригодиться в такой суматохе.

Марк кивнул в знак благодарности и вскочил на квадригу.

Кони сразу почувствовали, что надо трогаться, и издали какой-то странный журчащий звук. Марк взмахнул вожжами, и квадрига сорвалась с места.

За Марком еще долго следовали восхищенные взгляды учеников и...

Божественная песня христиан...

2.

Четверка лошадей летела по переполненным римским улицам как ураган. Люди разбегались, уступая дорогу величественной квадриге. Буквально в считанные минуты Марк достиг оставленные без присмотра Аппиевые ворота, выехал за город, а дальше, по сельской дороге, кони

полетели еще быстрее. Марк восхищался, как легко можно управлять такой повозкой. Кони чувствовали самое малое движение вожжей и мгновенно повиновались. На поворотах они почти не замедляли ход, и квадрига твердо держалась на колесах.

Ветер бил в лицо Марку, а в голове у него ветром проносились мысли...

«Скорее бы достичь лесного дома Витруции...»

«Боги, помогите ехать быстрее...»

«Я произнес речь, и началась бойня...»

«Я зачинщик???»

«Люди резали друг друга...»

«Императора в спешке увели...»

«Какие у меня великолепные воспитанники! Как сердечно они выражали любовь!»

«Сейчас главное — Витруция и мальчики!»

«Боги, помогите ехать быстрее...»

«Да хранят небеса Северия, который дал мне эту квадригу...»

«На Форуме произошло чудо! Я должен быть уже казнен и обезглавлен...»

«Меня спасла честность!»

«Я поступил правильно! Надо было обличить тирана!»

«Так значит, это я, Марк Фабий Квинтилиан, начал гражданскую войну???»

«Гражданская война вспыхнула бы и без меня!»

«Народ не может долго терпеть такого ужасного правителя...»

«О! Что же это происходит на окрестных полях Рима? Здесь целая армия...»

«Это — легионы генерала Гальбы...»

«Грозная армия движется к Риму... До городских ворот им оставалось совсем немного. Это дает надежду на

спасение. Если армия вовремя займет город, то Нерону будет некуда деться...»

«Однако сейчас главное – скорее обнять Витруцию и мальчиков...»

Кони мчались так быстро, что Марк достиг родных мест Витруции меньше чем за час. Он завернул на знакомую тропу и еще около получаса ехал по лесу. Наконец он остановился у старого дома любимой жены.

Это была небольшая семейная постройка родителей Витруции. После их смерти дом пустовал. Витруция должна была укрыться здесь.

Квадрига Сервилия с шумом остановилась. Выскочив из нее, Марк громко позвал:

– Витруция!.. Мальчики!.. Где вы?..

Удивительно, но на пороге никто его не встретил и никто не отозвался.

Это насторожило Марка. Он осторожно зашел в дом и крикнул в пустоту:

– Витруция... Калидус... Элоквенций... Где вы прячетесь? Не было слышно ни шороха.

Марк осмотрел атриум и не нашел ни следа.

В отчаянии он обошел весь пустой дом, наконец вернулся в атриум и тут увидел, что у водоема появился вооруженный солдат.

Минуту назад его здесь не было.

Марк окликнул:

– Эй... Кто ты? Где моя семья?..

Солдат обернулся.

Марк сразу узнал его и тут же понял, что произошло нечто ужасное.

Это был грозный Тигеллин.

Его грубое лицо источало смертельную угрозу, и он сказал неопределенно:

— Ритор...

Марк невольно ответил:

— Трибун...

Тигеллин усмехнулся:

— Вижу, искал свою семью, но, увы, нашел меня... Понимаю твоё разочарование... Забавно, правда?

Марк отчаянно покачал головой:

— Ничего забавного.

Тигеллин ответил строго:

— Что же делать? Люди по-разному видят мир. Это и понятно. Иначе жизнь была бы такой скучной.

— Где моя семья?

— Ого! Как настоятельно требуешь ты ответа от меня! Интересно, на каком основании? Я обязан тебе отвечать? Или что-то должен? Или ты мой генерал?.. Однако правду от тебя скрывать я не стану и отвечу, что позаботился о твоей семье. Но я не могу указать тебе их местонахождение, пока ты не подчинишься воле императора.

Самые худшие опасения Марка сбывались... У него на глазах навернулись слезы:

— Они живы?

— Их жизнь в твоих руках.

— Что надо императору? Он ведь хотел меня казнить. Почему бы тебе не исполнить этот приказ и освободить мою семью?

— Все не так просто... Императору надо обеспечить процветание империи, и я забочусь о благополучии императора. Для этого поджигатели и преступники должны быть жестоко наказаны. Христиан надо распять! Сегодня ты воспрепятствовал этому. Более того, ты совершил государственную измену, назвав августейшего императора преступником. Это верная казнь, и я тебя немедленно обезглавил бы, если бы не мудрость божественного

императора. Он приказал тебе не умирать, а исправить содеянное! Поэтому я требую немедленно передать мне все копии твоих фальшивых доказательств, затем мы вернемся вместе в Рим, а завтра ты заявишь на суде, что ошибся. Если сделаешь это и когда христиане будут наказаны, тогда ты получишь свою семью обратно.

Марк сумел совладать с собой, и к нему вернулось некоторое мужество:

— Тигеллин, ты умный военный, и ты знаешь, что император развратный, похотливый и безнравственный человек! Если тебя правда заботит процветание империи, то ты должен восстать против этого матереубийцы вместе со всем народом.

На лице Тигеллина появилась ярость:

— Как ты смеешь?!

С этими словами Тигеллин поднял тяжелую палку и, сильно замахнувшись, ударил Марка. Резкая боль оглушила его. Он свалился на землю и, чуть не потеряв сознание, закричал:

— Постой! Это не выход... Твой император жестокий тиран, и я не могу ему служить. Но судьба дает тебе возможность послужить родине! Одумайся, и давай обсудим это...

Затуманенным взором он увидел, что палка опять поднялась над ним и начала опускаться на голову...

Он понял, что сейчас погибнет, и приготовился к худшему.

...Вдруг с открытого потолка атриума сорвался огромный камень, который полетел в сторону Тигеллина и обрушился на его голову.

Палка застыла в воздухе...

Глаза у трибуна закатились, и он рухнул на землю...

Квинтилиан посмотрел вверх и увидел там своего спасителя:

— Актуарий! Что ты там делаешь?

Раб ловко спустился с чердака атриума, подбежал к хозяину и сказал:

— Господин ритор, извини меня, что я не мог бросить камень на это чудовище раньше. Я должен был попасть с первого раза и ждал подходящего момента.

— Как ты очутился здесь?

— Когда Витруция решила укрыться с детьми здесь, я последовал тайно за ней, чтобы защитить! Прибежал сюда... Потом мы увидели приближающихся солдат, и я нашел чердак. Залез, хотел затащить детей и Витруцию, но не успел, преторианцы нагрянули и похитили их... Тигеллин отправил их к Нерону, а сам остался ждать тебя. А я притаился наверху.

Марк радостный вскочил:

— Так ты знаешь, где Витруция с мальчиками?

— Нет... Солдаты что-то говорили между собой, но я не разобрал. Они упоминали Рим...

Марк воскликнул:

— Боже! Какое несчастье! Так давай скорее в Рим!

— Да! Надо спешить! А что сделать с трибуном?

Марк посмотрел на бездыханное тело Тигеллина и сказал:

— Смотри, Актуарий. Ты убил самого грозного и могущественного человека Рима.

— За это меня сожгут на костре?

— Я заступлюсь, может, и не сожгут...

— Правда? Постарайся, чтобы вместо сожжения хотя бы голову отрубили.

Марк махнул на Тигеллина рукой и ответил:

— Не время для шуток. Надо понять, где искать Витруцию с детьми.

— Хозяин, возможно, Сенека подскажет? Его деревенское поместье как раз по Аппиевой дороге.

Марк согласился:

— Молодец, Актуарий! Остановимся на пути.

Они вместе разместились в квадриге, и кони понесли их обратно к Риму.

Вскоре на их пути появился особняк Сенеки.

Марк сказал:

— Будем надеяться на лучшее.

Марк натянул вожжи, и повозка плавно и легко развернулась в сторону белых ворот.

3.

Марк оставил Актуария с квадригой, а сам вошел в дом. В глаза бросалась неопишуемая роскошь. Все пространство украшали золотые статуи богов, великолепные настенные рисунки, повествовавшие о жизни богов на Олимпе. Посередине атриума бил чудесный фонтан, однако радости среди этой роскоши не было. По углам рыдали рабы, а рядом с фонтаном стоял Сенека со своей супругой Паулиной, окруженные преторианцами.

Никто даже не обратил внимания на вошедшего Марка...

Преторианец говорил:

— Я, центурион Фабий Рустик, обращаюсь к тебе, Луций Анней Сенека, чтобы возвестить твою смерть. Исполняя волю божественного императора, приказываю тебе немедленно умереть добровольно!

Сенека спокойно выслушал центуриона, чуть заметно улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Я подчинюсь воле императора. Но перед смертью хочу огласить свое завещание.

Центурион ответил:

— Нет! Приказ четкий: умереть немедленно и без оглашения завещания.

Сенека кивнул:

— Хорошо, можно и так. Если я не могу огласить завещание, тогда оставляю вам самое драгоценное, что имею, — свой образ жизни... Следуйте ему...

Тут жена Сенеки Паулина разрыдалась...

Сенека обратился к ней:

— Не плачь, дорогая... После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить воспитателя. Я лишь прошу тебя: не предавайся вечной скорби. Созерцание прожитой добродетельно жизни даст тебе утешение.

Паулина ответила со слезами:

— Хочу уйти вместе с тобой. Я сама обрекла себя на смерть и требую, чтобы чужая рука поразила меня.

Сенека сказал:

— Ты предпочитаешь смерть? Не буду перечить. Пусть мы с равным мужеством и твердостью расстанемся с жизнью, но в твоём конце больше величия...

Тут Сенека заметил Квинтилиана:

— О! У нас великий ритор! Дорогой Марк, не откажи проводить меня в последний путь. Побудь со мной...

Центурион подозрительно посмотрел на Марка, но промолчал.

Квинтилиан, с великим удивлением наблюдавший за происходящим, ответил:

— Дорогой Сенека! Как я могу тебе отказать в такой час?

Паулине дали попрощаться с Сенекой, и тогда философа отвели в покой с огромным бассейном. Там к ним присоединился врач философа Стаций.

Под пристальным вниманием центуриона Фабия Рустика врач перерезал вены философу и приказал рабам:

— Посадите его в бассейн...

Сенека обрызгал рабов и сказал:

— Я совершаю возлияние влагой Юпитеру Освободителю.

Вода в бассейне окрасилась в красный цвет...

Философ побледнел и обратился к Марку:

— Ритор, я очень рад видеть тебя. Благодарю, что пришел, мне очень надо было поговорить с тобой. И прости за то, что обстоятельства вынудили меня встретить тебя таким вот странным образом.

Марк был в недоумении. Ему стало очень жаль философа, и он сказал:

— Сенека, скажи, почему все это происходит?

Философ ответил:

— Ты же слышал, потому, что император так приказал. Но ты не переживай, мой Квинтилиан. Смерть меня не страшит, ибо она предстоит всему. Это закон, а не кара. Она разрешение и конец всех скорбей. Ведь это всего лишь небытие, которое было и раньше. Я знаю, каково оно, ибо я уже был в этом небытии до рождения. Все мы там были...

— Да, Сенека... Ты великий философ... Так рассуждаешь в такой тяжелый миг...

— Разве это тяжелый миг? Разве погашенной свече будет хуже, чем до того, как ее зажгли? Нас тоже зажигают и гасят. В промежутке мы многое переживаем, а до и после — глубокая безмятежность. Это предел, за который не преступают наши горести, и я рад, что нахожусь у этого предела. Люди мечтают умереть позднее. В этом ли весь смысл жизни? Достаточно ли мы прожили, зависит не от лет, а от нашего сердца. Я жил достаточно. Я ожидаю смерть как состоявшийся человек. Все очень просто...

Марк спросил:

— Как император мог приказать тебе умереть?

Сенека посмотрел в сторону молча стоявшего центуриона и еле заметно улыбнулся:

— Это тоже просто. Он человек, который отличается постоянной свирепостью нрава и жаждет человеческой крови. Он постоянно полон гнева и злобы. Он вредит не потому, что его обидели. Наоборот, он рад найти любой повод к обиде, лишь бы получить возможность навредить. Видимо, ему не понравилась моя речь в суде, потому он решил отправить меня в небытие. Теперь я туда и направляюсь. И надеюсь, что это пойдет мне на пользу! Такая смерть прославит меня. Ведь цикута окончательно сделала Сократа великим.

— Как же так получилось? Ты сам его воспитывал...

Сенека кивнул:

— Правильно... Я его воспитывал. Но я был не настолько мудрым, каким являешься ты, мой Марк! Мы оба знаем, что сначала надо возвращать добрый нрав, а затем давать мудрость, но я пренебрег этим строгим правилом. Я учил своего подопечного мудрости и не заглядывал далеко в будущее. Получилось, что я дал знание человеку злomu и безнравственному. Вот как это опасно! Злой человек свои знания на добрые дела не направит. Этого я не учел в воспитании Нерона. Да, я знал, что надо совершенствовать душу воспитанника умением отличать добро и зло. Это знание я и упустил.

Тут речь Сенеки замедлилась. На мгновение он закрыл глаза и отключился, но сознание к нему быстро вернулось, и он обратился к центуриону:

— Доблестный Фабий Рустик. Не дашь ли ты возможность нам с ритором поговорить наедине? Ты подождешь снаружи и сможешь зайти позже, чтобы подтвердить мою смерть. Ведь из этого бассейна я никуда не убегу?

Центурион подумал и, ничего не ответив, вышел.

Сенека обратился к врачу:

— Дорогой Стаций, ты бы лучше помог сейчас Паулине. Я в полном порядке...

Стаций поклонился и тоже вышел.

Когда они остались одни, Сенека сказал:

— Я восхищался тобой на суде, мой Марк! Ты знаешь лучше всех во всем Риме, что главное — воспитывать человека честного и нравственного. Иначе знания будут использованы на пагубу. Но, в отличие от меня, ты своим примером показываешь вершину честности и нравственности. А я этого не смог... Нам легко раздавать советы направо и налево, однако как сложно нам следовать собственным наставлениям! Одно дело — наставлять Луцилия, и совсем другое, самому жить по этим наставлениям.

Марк кивнул:

— Долог путь наставлений, краток и убедителен путь собственного примера!

Сенека сказал:

— В этом все дело... Наверно, я не смог стать достойным примером для своего воспитанника! Вместо этого я показывал ему примеры двуличия. Я не воспитывал своего подопечного, а только учил наукам и мудрости. Вот почему я восхищаюсь тобой! Bravo, Марк! Ты великий мудрец! На суде ты преподавал великолепный урок своим ученикам! Урок мужества, честности, самоотверженности и ораторского искусства. Я убежден, ни один из них никогда не пошлет тебе приказ немедленно умереть.

Сенека плакал, и Марк, плача вместе с ним, ответил ему сквозь слезы:

— Как же такое возможно? Ты великий Сенека, и мы все учились на твоих наставлениях. Мы наизусть запомнили твои крылатые выражения. Я у тебя научился и тому, что душа это Бог, нашедший приют в теле человека. Вот почему я всегда считал, что забота о душе превыше всего!

Сенека сказал:

— Судьба, рукой императора Нерона, даровала мне беспредельное влияние и несметные богатства. Я постоянно сам себя спрашивал, я ли, из всаднического сословия и родом из провинции, числюсь среди первых людей Римского государства? Я ли, безвестный пришелец, блистаю среди знати? Где же мой дух, довольствующийся немногим? Не он ли выращивает такие сады, прогуливается в этих пригородных поместьях, владеет такими просторами и получает такие доходы с денег, отданных в рост? И не было мне оправдания... Я должен был отдать свое имущество, раздарить все и уделить время своей душе.

Марк хотел сказать еще что-то, но Сенека потерял сознание, однако вскоре очнулся и спросил, уже с трудом выговаривая слова:

— Дорогой Марк! Наверно, ты пришел с каким-то делом? Что ты хотел?

Квинтилиан сказал:

— Я хотел спросить совета...

— Я тебя слушаю.

— Тигеллин по приказу Нерона похитил мою супругу и моих любимых детей. Я не знаю, где они. Мне пришлось поспорить с Тигеллином, и мой раб разбил ему голову. Ты долго жил во дворце и знаком с окружением Нерона. Может быть, ты подскажешь, как и где мне искать свою семью?

Сенека ответил:

— Твой раб разбил голову Тигеллину?

— Да...

— Это героизм!

— Ты можешь мне помочь?

Сенека кивнул:

— Думаю, могу. Мое чутье подсказывает, что Нерон сейчас укрывается в Золотом дворце. Там и ищи своих... Спешь туда. Проси помощи у Нерона. Знаю, это призрачная

надежда на спасение твоих кровных, но это единственная возможность. Не жди моей смерти, я и один умру. Мы ведь в этот мир приходим в одиночестве и так же в одиночестве покидаем его. Иди и никогда не будь несчастным раньше времени...

Сказав это, Сенека закрыл глаза и замер...

Марк вышел наружу.

Центурион опять оглядел его очень подозрительно, но относительно ритора у него никаких приказов не было, и поэтому он ему не препятствовал...

Квадрига стояла на том же месте, где он ее оставил.

Рядом сидел Актуарий.

Марк сказал:

— Едем.

— Куда?

— В Золотой дворец Нерона.

В воспоминании Марка всплыли слова Сенеки, сказанные им когда-то...

«Не знаю как, но только вымышленное тревожит сильнее. Вероятно, что случится беда. Но не сей же миг! Как часто неожиданное случается. И как часто ожидаемое не сбывается. Даже если предстоит страдание, какой смысл бежать ему навстречу? Когда оно придет, сразу же начни страдать, а до этого надейся на лучшее...»

И кони помчались с надеждой на лучшее...

4.

Квадрига быстро доставила их к Аппиевым воротам, через которые Марк недавно покинул Рим. Тогда ворота были открыты и не охраняемые. Сейчас же здесь их встретили дозорные. Один из них преградил дорогу квадриге и приказал:

— Стой! Выходи из повозки и назови себя!

Марк повиновался, подошел к солдату и ответил:

— Приветствую. Я ритор, Марк Фабий Квинтилиан.

Дозорный очень подозрительно осмотрел сначала Марка, потом квадригу и сказал:

— Ты лжешь...

— Нет, мой друг. Это правда.

Подозрение дозорного возросло, и он сказал:

— Никогда ритор не сможет позволить себе такую квадригу. Это значит, что ты ее украл. Я должен арестовать тебя!

Марк понял, что он попал в тяжелое положение, но неожиданно пришло спасение. Дозорные засуетились, и один из них закричал:

— Освободить ворота! В Рим вступает сам великий легат, господин Гальба!

Дозорный немедленно оттащил Марка в сторону, и тут он увидел, что к воротам приблизился величественный всадник в сопровождении огромного отряда.

Гальба остановился у ворот, оглянулся на роскошную повозку и спросил:

— Что тут у вас происходит? Кого вы задержали?

Дозорный, остановивший Марка, выступил вперед и доложил:

— Господин легат, на квадриге ехал некто, называющий себя ритором. Согласись, ведь подозрительно, что учитель имеет таких дорогих коней.

Гальба спросил:

— Как зовут ритора? И где он?

Тут Марк подошел к легату и ответил:

— Господин легат, меня зовут Марк Фабий Квинтилиан. Я здесь, перед тобой.

Услышав это имя, Гальба спросил:

— Не тот ли ты ритор, который прилюдно обвинил Нерона в злодействе?

— Да, это я, а это мой раб Актуарий.

— И откуда у тебя квадрига?

— Ее одолжил мне сенатор, господин Северий Агенобарб, чтобы я смог спасти свою жену и детей. Их похитил Нерон... Я подозреваю, что он их держит в Золотом дворце. Именно туда я хочу попасть.

Гальба кивнул и сказал громко:

— Слушайте все! Господин ритор совершил подвиг на благо отечества, и к нему надо относиться как к герою! Выделите немедленно четырех всадников, чтобы они сопровождали ритора до ворот Золотого дворца. Сегодня в Риме небезопасно.

У Марка на глазах выступили слезы счастья:

— Благодарю тебя, легат!

В тот же миг четыре лучших всадника окружили Марка.

Гальба удовлетворенно кивнул и сказал:

— Спешите же, ритор! Пусть боги благоволят тебе!

Марк в тот же миг вскочил на квадригу вместе с Актуарием, перед ними открылись ворота, и они поскакали по Высокой тропе, сопровождаемые всадниками...

Скоро они были на Квиринале, где застали ужасное зрелище. У храма Юноны шла беспощадная бойня. Отряды солдат безжалостно истребляли друг друга. Кровь лилась по всей площади, отовсюду слышались стоны раненых и умирающих. Живые же горели необузданной страстью истребить противников и самим пасть на поле боя.

Если бы не сопровождающие солдаты, Квинтилиан, наверно, остался бы на Квиринале навечно. Могучие всадники мечами расчистили перед ним дорогу, и, проскочив площадь, они оказались на улице Гемоная. Там горел карцер. Видимо, заключенные воспользовались беспорядками и подожгли тюрьму.

Дальше ехать было полегче, хотя кое-где шли уличные бои, но это не мешало продвижению, однако то, что Марк увидел в садах, прилегающих к Золотому дворцу, превышало любую жестокость, которую мог бы вообразить самый извращенный ум...

5.

Огромная площадь сада была заполнена высокими крестами с пригвожденными людьми...

Многие кресты горели...

Преторианцы доставляли к садам все новых преступников, тут же подвозили кресты и людей продолжали к ним прибывать. Потом кресты поднимали и поджигали...

От этого зверства Марк остолбенел.

Один из всадников нагнулся к нему и сказал:

— Господин ритор, к сожалению, мы не можем здесь сейчас находиться долее, иначе нам придется вступить в бой с преторианцами, а это будет неравный бой. Мы доставили тебя до Золотого дворца и должны теперь удалиться. Удачи тебе...

Сказав это, всадники резко развернулись и исчезли.

Марк даже и не пытался ответить им.

Он был поглощен происходившим на его глазах ужасом.

Оставив квадригу с Актуарием, он пошел дальше пешком. Проходя среди горящих как факелы христиан, он поражался тому, что они не причитали, не плакали, не кричали, а принимали происходящее с достоинством и готовностью.

Многие даже радовались, молились и пели...

Вдруг совершенно неожиданно он наткнулся на двух преторианцев, которые укладывали следующую жертву на крест. Марк присмотрелся и воскликнул:

— Благовестник!

Да! Это был он.

— Ритор... Рад тебя видеть!

Марк обратился к преторианцам:

— Доблестные солдаты, послушайте, суд над христианами еще не окончен! Их нельзя казнить!

Один из солдат грубо прокричал:

— Мы выполняем приказ божественного императора!

Он для нас высший суд! Не мешай нам, иначе мы пустим в ход мечи.

Не зная, что делать, Марк в спешке вспомнил о кошельке с золотом, который передал ему Северий. Он достал золото из внутреннего кармана и показал преторианцам, сказав:

— Возьмите это и отпустите хотя бы этого человека.

Солдат принял кошелек, взвесил в руках золото и ответил:

— Отпустить его я не могу. Но за эту цену дам тебе право поговорить с ним три минуты.

Благовестник улыбнулся:

— Это великий подарок! Мне как раз надо было сказать тебе нечто, ритор.

Преторианец сказал:

— Можете говорить. Мы подождем рядом.

Марк подошел к пригвожденному к кресту Павлу и сказал со слезами:

— Благовестник, это ужасно — видеть такую жестокость...

Благовестник улыбнулся и ответил:

— Ты приехал поздно, и тебе повезло. До этого было зрелище похуже. Наши казни сопровождались издевательствами. Нас облачали в шкуры диких зверей, чтобы нас растерзали собаки. Из этого Нерон устроил представление в цирке, где сам сидел в одежде возничего.

— Я восхищен вашим мужеством.

— Да, мужество христиан действительно достойно восхищения. Нас притесняют отовсюду, но мы свободны; мы

попадаем в отчаянные обстоятельства, но не отчаиваемся; нас гонят, но мы не оставлены; нас низлагают, но мы не погибаем; нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем. Мы всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы жизнь Иисусова открылась в нашем теле. В нас действует смерть, а жизнь действует в вас. Мы знаем, что воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас. Мы не унываем, так как внешний наш человек тлеет, когда внутренний обновляется. Это кратковременное страдание, которое сейчас ты видишь, принесет вечную славу. Ведь мы смотрим не на видимое, а на невидимое. Ибо видимое временно, а невидимое вечно!

Благовестник замолчал, и Квинтилиан спросил его:

— Как мне помочь тебе?

— Сначала помоги себе! До последнего вдоха я буду просить — примиришь с Богом, помоги себе, а потом уже другим, через себя... Для кого-то запах смертоносный — на смерть, а для меня это запах живительный на жизнь. Ибо знаю: когда земная моя хижина разрушится, я имею от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный. Воздыхаю желанием облечься в небесное наше жилище. С радостью выхожу из тела, дабы водвориться у Господа. Так вот сейчас не мне нужна твоя помощь, а тебе — моя. Я чувствую, что у тебя несчастье.

Марк ответил:

— Я правда восхищен тобой! Ты на кресте, сейчас тебя казнят, а ты думаешь обо мне! У меня и правда несчастье! Нерон похитил мою любимую жену и моих обожаемых детей. Я иду в его Золотой дворец с надеждой найти их там.

Благовестник сказал:

— Зная кровожадность Нерона, надежда спасти их невелика. Но, что бы ни случилось, у меня есть просьба к тебе.

— Я сделаю все...

— На суде ты показал пример честности и отваги. Ты мужественный человек, и твое мужество должно передаваться поколениям. Поэтому несмотря на то, как разрешится судьба с твоей семьей, я хочу, чтобы ты написал «Наставления оратору».

— Что? Наставления? — удивился Марк.

— Да! Я хочу, чтобы ты написал их пространно и глубоко. Пиши от души, то, что считаешь самым важным. К примеру, ты сам не раз говорил, что наша душа небесного происхождения. Начни писать с этого... И то, что главное — воспитать человека честного. Ты способен на это.

Тут вернулись преторианцы, и один из них сказал:

— Беседа окончена! Отойди от преступника!

Другой солдат оттолкнул Марка, и он упал на землю, а преторианцы подняли улыбающегося Благовестника, установили крест и поднесли к его ногам факелы...

Благовестник запел, и к его голосу присоединились голоса других христиан, распятых на крестах.

И их песнь устремлялась в высокие небеса.

Один из солдат ударил Благовестника копьем и приказал:

— Замолчи!

Благовестник же ответил:

— Помни! Ты храм Божий, и Дух Божий живет в тебе. Не разорь храм Божий, как жестокий правитель. За это полагается кара, ибо храм Божий свят; а этот храм — ты!

Тело Благовестника вспыхнуло, но его глаза улыбались до самого последнего мгновения...

Марк встал и, плача, направился в глубину Золотого дворца.

Девятая глава

Золотой дворец

Марк стоял перед высокой оградой Золотого дворца. Ворота выглядели грозно и пугающе, однако было странно, что там не было ни преторианцев, ни дозорных.

Марк смело толкнул тяжелую дверь, и она легко поддавалась.

Минуту спустя Марк уже шагал по огромному дворцовому парку и с великим удивлением осматривал громадные постройки, неопикуемой красоты сады, величественные фонтаны и реки, луга и пруды, разбросанные как в сельском уединении. Где-то виднелись леса и пустоши. Открывались далекие и прекрасные виды. Ритор чувствовал себя маленьким среди такого величия и не понимал, как все это разместилось в самом сердце Рима.

Пройдя через величественный двор, Марк приблизился к Золотому дворцу, поднялся по высокой лестнице, и перед ним открылись новые чудеса.

В огромном внутреннем дворце стояла величественная статуя императора, отлитая из чистого золота. Марк сразу вспомнил ту, которую он видел в дворце на Палатинском холме. Она тоже была огромной и смотрела на мир словно из поднебесья, но эта превышала ту в двадцать раз. Голова, увенчанная короной, упиралась прямо в облака. Ее размер невозможно было даже описать. Это был истинный бог, спустившийся на землю. В левой руке у него была

круглая держава, а одежды на нем не было вовсе, как и подобает настоящим обитателям Олимпа.

Превосходным телосложением статуя вовсе не походила на настоящего Нерона, жирного, потного и дурно пахнущего.

Марк проходил по роскошно отделанным портикам и удивлялся обилию золота и драгоценных камней. Поражали огромные потолки, прекрасные настенные рисунки, мраморные полы и золото... Много золота! Все стены, столбы, карнизы и рамки... все было отделано золотом...

Однако среди этой роскоши не было ни души.

Марк растерянно блуждал по огромным залам, пока не услышал звуки человеческих голосов.

Это придало ему надежду, и он направился в ту сторону.

Один роскошный зал переходил в другой, и Марк приближался к источнику звуков.

Выйдя в очередной зал, он неожиданно наткнулся на раненого человека, умирающего в луже собственной крови. Зрелище было тяжелым, однако, возможно, человека можно было еще спасти. Марк поспешил к телу и, всмотревшись в измученное лицо, узнал поэта:

— Лукан... Превосходящий слогом Гомера! Что случилось?

Полуживой Лукан с трудом открыл глаза и ответил:

— Ритор... Ты спрашиваешь, что случилось? Я отвечу тебе стихами...

Волны не в силах залить это пламя.

Рассеявшись в море,

Рушатся всюду суда,

и огонь пожирает обломки.

Черпает воду один, пытаясь залить это пламя,

Ищет спасенья другой, держась за горящие доски...

В сотне различных смертей людей пугает одна лишь —
Смерть, что грозит им сейчас...

Марк спросил:

— Кто же виноват в твоей смерти?

Лукан усмехнулся и произнес второй стих:

Цезаря я получил повеление погибнуть...

Жизни неведом нам срок,

И всем одинаково славно, гибель рукою маня,

Обрывать последние миги,

Юные годы терять, на которые много надежды

Мы возлагали пред тем...

С этими словами Лукан закрыл глаза, замер на секунду, потом очнулся и сказал уже прозой:

— Он предал всех друзей... Петрония погубил, Отона отправил на край света, мне приказал умереть...

— Я сожалею...

Марк понял, что поэта убил Нерон и ему уже ничем не помочь. Тем не менее он постоял несколько секунд и, когда сознание опять покинуло Лукана, повернулся и продолжил свой путь в сторону доносившихся голосов.

Он проходил из одного роскошного зала в другой, еще более роскошный. Тут и там осыпались цветы, откуда-то подавались благовония, потолки двигались как небосвод. Казалось, что этим залам не будет конца, но тут Марк вышел к искусственному озеру с прекрасными деревьями по берегам. Звуки исходили из противоположного портика, и Марк направился туда.

За портиком оказался небольшой амфитеатр. В центре арены сидел император. Рядом с ним были два развратника, мальчик Спор, «жена» Нерона, и копьеносец Дорифор, самый мужественный муж.

Никто не заметил вошедшего Марка, так как Нерон кричал:

— Что это? Что же это?! Возможно ли, чтобы спасение не пришло откуда-нибудь...

Спор стоял молча, с поникшей головой.

Дорифор ответил:

— Мой император, я вынужден сообщить, что преторианцы прекратили сопротивление и переходят на сторону Гальбы.

Нерон выкрикнул:

— Где Тигеллин?

— Он исчез... Возможно, в плену, или убит, или предал тебя... Войска Гальбы уже скоро будут во дворце.

Нерон схватил со стола свой гомеровский кубок, наполненный вином, залпом его осушил и разбил об мраморный пол:

— О! Великие боги! Ну почему вы посылаете мне такое несчастье?! Я вас всех возвеличивал, я строил вам храмы и почитал вас, а теперь вы меня бросили? Ну, вас всех в Тартар я бросаю. Брат мой, Дорифор, скажи, что мне делать?

Дорифор ответил:

— Все очень плохо. Тебе надо уйти от грозящего позора.

Услышав это, Нерон рассвирепел. Он перевернул стол с кушаньями, и звук разбившейся посуды эхом отозвался от стен.

Как только эхо затихло, он закричал:

— Смерть так смерть! Я уйду в блаженстве, выпив яд Локусты! Спор, ты моя законная жена. Сходи за моим ларчиком от Локусты и принеси его быстрее...

Спор убежал и мгновение спустя вернулся с ларчиком. Нерон открыл его. На каждой склянке была надпись — быстрого действия, замедленного, походит на отравление, вызывает приступ, с противоядием или без.

Нерон нерешительно провел рукой по бутылочкам и, вернув ларец Спору, закричал:

— Нет... Яд пить не могу! Лучше позвать мне гладиатора Пикула! Он опытный боец, пусть он одним ударом меня...

Тут Нерон заплакал и кинулся обнимать Дорифора.

Сквозь плач он говорил:

— Дорифор, мой мужественный муж, не пойти ли мне просителем к Гальбе?.. Представьте, я выхожу к народу в черном платье, чтобы с роstralьной трибуны в горьких слезах вымолить прощение за все, что было, а если не получится умолишь, хотя бы выпрошу наместничество над Египтом.

Дорифор отрицательно покачал головой:

— Мой император, пойми, тебя растерзают раньше, чем ты достигнешь Форума...

Нерон кивнул:

— Ты прав... Тогда дай мне свое копьё! Я им заколюсь. Дорифор снял оружие с плеча и передал императору.

Тот подержал его в руке, потом отбросил далеко и закричал:

— Оно не подойдет! Спор, принеси мне мои острые кинжалы... Не буду пользоваться ядом Локусты...

Спор немедленно подал императору два кинжала.

Нерон начал проверять острие то одного, то другого и вдруг воскликнул:

— Мне нужен достойный пример мужества! Пусть кто-нибудь сослужит мне добрую службу и покажет, как вонзить кинжал себе в горло... Пример мне нужен!!!

Дорифор со Спором опустили головы, не проявляя рвения оказать императору такую услугу и умереть перед ним, дабы придать ему мужества.

Нерон закричал:

— Неужели нет у меня ни друга, ни недруга? Неужели нет тут никого, кто мог бы показать пример?

Он оглядел весь амфитеатр и тут заметил стоящего в углу Марка.

— Смотрите, здесь отважный ритор. Ну-ка приведите его поближе! Он даст мне пример мужества!

Дорифор вместе со Спором подбежали к Марку и подвели его к императору, который протянул ему один из кинжалов и сказал:

— Ну как, покажешь, как заколоть себя?

Квинтилиан взял серебряный кинжал и ответил:

— Хорошо... Я покажу тебе пример мужества, только с одним условием.

— Какое еще условие?

— Сначала ты освободишь мою любимую жену Витруцию и моих обожаемых сыновей, Элоквенция и Калидуса, которых ты похитил! Удерживать их долее смысла нет... Я пришел за ними... Освободи их, и я готов дать тебе пример!

Нерон воскликнул:

— Ага!.. Вот зачем ты пришел.

Тут ритор увидел совершенно безумные глаза императора. Он выкрикивал:

— Я понял, что надо сделать! Не надо мне примера мужества! Мне надо спеть последнюю песню и выйти замуж за Дорифора! Я женился на мальчике, теперь надо замуж выйти за мужественного мужа, и тогда я почувствую полную близость к богам!.. Нет... Нет... Для церемоний времени нет. Лучше я... спою! Спою и с песней радостно отправлюсь к богам...

Марк воскликнул:

— Нет! Сначала освободи мою семью, а потом пой сколько хочешь!

Нерон усмехнулся и ответил:

— Нет, нет... Условия ставлю я! Сначала ты, ритор, вместе с этими... с моей женой и моим мужем, выслушаешь

меня, а потом я подумаю, дать ли тебе то, что тебе надо. У тебя нет выбора. Спор, кифару мне!

Мгновение спустя заплаканный Спор передал императору кифару.

Дорифор отчаянно покачал головой и сказал:

— Давайте послушаем его. Выхода нет.

Тем временем Нерон провел пальцами по струнам, закрыл глаза и запел...

Просыпаюсь я в обломках,
Среди пепла, пепелища...
Расправляю свои крылья
И хочу взлететь, как птица.

Только кто я? Я потерян...
Я в тумане... Я не знаю...
И свое я отражение
В чистой речке не узнаю.

Тут Марк испытал то же, что случилось с ним прошлый раз, когда Нерон пел. Неожиданно какой-то туман наплыл на ритора, и в этом тумане он увидел чудесное видение.

С высокого потолка опускались три лучика света и соединялись внизу, освещая поющую женщину. Чувствовалось, что здесь присутствует много тысяч зрителей, еще больше, чем тогда, на Меценатовой горе. Они в забытьи поют вместе с женщиной, и еще многие сотни тысяч смотрят на ее выступление издалека. Марк не понимал, как это происходит, но чувствовал, что это не сон.

Вот изображение становится отчетливее...

Женщина поворачивается лицом и...

Боже!

Пораженный Марк видит, что женщина бородатая...

Черная борода ровно и коротко подстрижена.

Этот извращенец продолжает петь писклявым голосом
Нерона...

Так, как Феникс, восстаю я
Из-под пепла, из-под ила,
Из мужчины превращаюсь
В нечто женское игриво...

Я желаю быть любимой,
Я желаю быть красивой,
Я в твоём огне — восстану,
Стань моим огнём и жизнью...

Марк увидел, что с неба полились огненные струи,
а под ногами поющего женомужчины начали образовываться облака...

Но тут же видение исчезло...

Бородатая женщина провалилась в черную пропасть,
и резкий звук прервал песню.

В амфитеатр вбежал запыхавшийся советник императора по прошениям, Эпафродит.

Он быстрым шагом подошел к Нерону и сказал:

— Мой император, не время сейчас распевать песни.
Сенат только что объявил тебя врагом народа. Тебя разыскивают, чтобы казнить.

Нерон отбросил кифару и воскликнул:

— Что это за казнь?

Эпафродит ответил:

— Преступника раздевают донага, голову зажимают в колодки, а по туловищу секут розгами до смерти...

Нерон схватился за голову и воскликнул:

— Живу я гнусно, позорно, не к лицу Нерону, не к лицу... Нужно быть разумным в такое время!

Тут он опять обернулся к Марку и закричал:

— Ну же, мужайся!.. Пусть ритор пример мужества покажет.

Эпафродит схватил меч и сказал:

— Нет времени для примеров. Слышишь, всадники приближаются?

Марк понял, что сейчас Нерона заколет сам Эпафродит, и закричал:

— Сделай хоть одно доброе дело перед смертью! Скажи, где моя семья?

Нерон посмотрел на Марка безумными глазами и ответил:

— Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает...

Эпафродит сказал:

— Вот именно... Бери кинжал, вот так... Это легко и почти не больно... Я помогу...

Тут Эпафродит вложил в руки Нерона кинжал, приблизил острие к его горлу и...

Нерон воскликнул:

— Стой, всегда есть время на доброе дело! Дай мне его сделать...

Эпафродит остановился.

В глазах у Марка появилась надежда.

Нерон гнусно улыбнулся ритору и сказал:

— Ах, какой артист погибает...

Квинтилиан закричал:

— Ах ты лжец...

Эпафродит же никого уже не слушал, он вонзил кинжал императору в горло...

Тут же Золотой дворец наполнился всадниками...

Все вдруг закружилось. Солдаты кричали:

— Не дайте ему умереть!

— Он должен предстать перед судом!

— Его надо казнить прилюдно...

Несколько солдат немедленно спешились и подбежали к окровавленному Нерону...

Квинтилиан был готов разрыдаться, но к нему подбежал Спор и сказал тихо:

— Ритор, мужайся! Я знаю, где твоя семья. Следуй за мной!

Марк взглянул на Спор и переспросил:

— Правда?

— Да, да... Иди за мной...

В амфитеатре усиливалась суматоха. Дворец наполнялся солдатами, но им удалось выбежать из амфитеатра...

Они быстро прошли половину Золотого дворца и остановились у входа в подземелье.

Спор сказал:

— Нам сюда, вниз...

Марк спросил:

— Скажи мне, Спор, они ведь живы?

Спор ничего не ответил, и они начали спускаться по крутой лестнице. Пройдя узкий коридор, они достигли темницы. Спор открыл дверь, и перед Марком предстало, наверно, самое ужасное зрелище в его жизни.

Витруция беспомощно лежала на холодном полу в обнимку с мальчиками. Справа от нее лежал старший Элоксвенций, слева — Калидус.

Квинтилиан взмолился:

— Что с ними?

Спор показал ларец с ядами, который все это время держал в руках и ответил:

— Нерон напоил их ядом Локусты из этого ларца... Мне очень жаль...

Квинтилиан подбежал к Витруции и позвал ее:

— Моя любимая Витруция, умоляю, отзовись. Здесь я, почитающий тебя муж, Марк Фабий...

Витруция открыла глаза. Лицо у нее было измученным, однако, увидев Марка, она устало улыбнулась:

— Марк, любимый... Как хорошо, что ты нашел нас...

Марк расплакался, бросился к ним, обнял всех троих и ответил:

— Да! Мы опять вместе. Смотри, я принес твою буллу, которую ты случайно оставила дома.

Марк вложил в руку жены амулет и почувствовал, что он придал Витруции сил:

— Мне очень не хватало его. Благодарю, что принес.

Тут очнулся Калидус:

— Отец мой... Какая радость видеть тебя... Ты знаешь, нас напоили плохим лекарством и теперь мне так трудно двигаться. Мне кажется, что все тело онемело... Я не могу даже встать...

Марк поцеловал Калидуса и погладил его золотые кудри:

— Все пройдет. Все пройдет, мой малыш, и мы с тобой опять будем бегать по лужайке нашей школы...

Калидус улыбнулся:

— Я скучаю по нашей школе... Здесь сыро и холодно, а там тепло и светло.

Марк ответил:

— Я обниму тебя крепче, и сразу станет теплее.

Калидус прижался к отцу и прошептал:

— Папа, прости, что не смог вернуть тебе долг в двадцать сестерциев, которые ты одолжил мне для расплаты с Тутуцием... Я обещаю, что отдам долг, как только встану на ноги и смогу ходить и работать...

— Конечно, мой родной, конечно. А пока позволь мне согреть тебя.

Витруция взяла Марка за руку своей онемевшей рукой:

— Марк, любимый, согрей нас всех.

Тут и Элоквенций открыл глаза и, увидев отца, улыбнулся:

— Отец! Наш любимый родитель! Да хранят тебя боги! Ты наше счастье, наш кормилец, опора и надежда. Я уповаю на твою благосклонность! Обещаю, я приложу все силы, чтобы оправдать твои надежды.

Марк еле сдержал рыдание и с трудом ответил:

— Да, да! Я здесь, сын мой... Все будет хорошо...

Элоквенций прошептал:

— Я думаю, нас отравили. Но император сказал, что яд медленный, так что мы пока будем жить...

— Конечно, мы еще будем жить долго и счастливо...

— Отец, я так горжусь тобой! Солдаты, которые нас везли сюда, говорили, что ты настоящий герой. Я тоже хочу быть героем, как ты... Я стремлюсь к этому и хочу победить свой страх. Ведь ты нас учишь, что наша душа живет вечно, ибо она небесного происхождения.

Марк держал голову мальчика в своих руках и говорил:

— Да, сын мой... Именно так...

Элоквенций улыбнулся:

— Однако нам следует поискать противоядие...

Калидус поддержал:

— Да, да, папа.

В это время из коридора подземелья послышался шум и топот солдат. Не прошло и секунды, как в темницу вбежали бойцы Гальбы.

Один из них строго спросил:

— Что здесь происходит? Кто вы такие?

Ему сразу ответил другой:

— Боги мои! Это же великий ритор! Господин Квинтилиан, это ты?

Марк с надеждой посмотрел на солдат и ответил:

— Да, это я... А это моя семья, которую отравил Нерон. Помогите мне увезти их домой...

Солдаты ответили:

— Конечно, господин ритор! Для нас честь помочь тебе.
Калидус сказал:

— Как хорошо, что наш отец герой!

Солдаты заботливо подняли на руки мальчиков и Витруцию. Марк обратился к Спору, который все это время стоял в углу и крепко держал в руках ларец Нерона:

— Дай мне этот ларец, пожалуйста. Там может быть спасение для моей семьи. Мне ведь нужно найти противоядие.

На глазах у Спора тоже были слезы, и он молча протянул ларец Марку.

Весь Золотой дворец Нерона был переполнен солдатами, которые с почтением пропускали Марка и его семью.

Все хотели помочь...

У самого выхода Марка заметил сам Гальба и приветствовал:

— Ритор, я рад, что ты нашел свою семью! Мои солдаты быстро доставят вас домой. Я вижу, им нужен врач. Позволь мне послать к тебе лучшего врача, которого я знаю. Он последует за тобой.

Марк поклонился и ответил:

— Благодарю тебя, господин легат! Твоя помощь неопенима.

Гальба объявил во весь голос:

— Слушайте все! Знайте, что среди нас великий ритор всех времен, Марк Фабий Квинтилиан! Его семья пострадала от зверя по имени Нерон! Злодей поднял руку на невинных детей и женщин! Помните это! Сейчас ритору нужна помощь! Немедленно пошлите к нему моего врача!

Их посадили в армейскую повозку, и она тронулась в сторону Школы Радости.

Элоквенций сказал:

— Как хорошо... Скоро будем дома...

9. Золотой дворец

А Витруция тихо запела:

Помоги нам, Божья Мать, Весну-Весту закликать,
Лес-лесочек пробуждать, тепло в душу зазывать.
Помоги нам, Божья Мать, с Весной-Вестой поиграть,
Травку каплей орошать, с облаками полетать...

Грянул раскат грома, сильнее всех предыдущих, и крыша задрожала как сухой лист.

Опять сверкнула молния...

Сильнейшая вспышка и гром так испугали Актуария, что он упал на колени и закрыл лицо руками.

Марк был весь в слезах:

— Благовестник... Я потерял их... Ничего не помогло. Врач развел руками. Противоядия в ларце Нерона не нашлось. Неумолимая смерть похитила мою молодую супругу, с душой ребенка, украшенную всеми добродетелями. Она покинула меня в мучениях, но счастливая. Потом младший сын, кудрявый Калидус, последовал за своей матерью. Он был светлой и радостной душой, нашей надеждой и утешением. Наконец, я потерял старшего сына, Элоквенция, в котором проявлялось благоволение богов. В последние минуты своей жизни он сам утешал меня. Его одаренность в словесности проявлялась даже в бреду... Благовестник! Теперь на тебя одного уповаю! Рад, что скоро я увижу их... С твоей помощью, Благовестник...

Благовестник спросил:

— Марк Фабий Квинтилиан, в эту последнюю минуту готов ли ты к крещению?

Марк ответил:

— Да... И надеюсь, что Господь поможет с водой для крещения...

Благовестник приготовился и объявил:

– Крещается раб Божий Марк Фабий Квинтилиан во имя Отца... Аминь...

И тут грянул гром, мощный, как землетрясение, и...

Крышу прорвало...

Черепица обвалилась...

И первая волна дождевой воды обдала больного с ног до головы...

Перепуганный Актуарий залез под стол, а в душу риторы вместе со священной водой проникла великая и неопишуемая радость. Если бы он мог двигаться, он подставил бы голову под струю воды...

Тут же раздался второй удар...

Благовестник продолжил спокойно:

– Крещается раб Божий Марк Фабий Квинтилиан во имя Сына... Аминь...

И вторая волна воды захлестнула постель, освящая ротора...

Актуарий метался как сумасшедший...

И опять грянул гром, и опять Благовестник сказал:

– Крещается раб Божий Марк Фабий Квинтилиан во имя Святого Духа, аминь... Авва, Отче!

Марк повторил:

– Авва, Отче!

И третья волна дождевой воды, большая, чем первые две, нескончаемым потоком хлынула в спальню, продолжая омыwać душу ротора.

И тут же дождь мгновенно прекратился.

Вода отступила, и Благовестник сказал:

– Да благословит Господь Марка Фабия Квинтилиана, спасающего слово Бога!..

И тут Марк почувствовал неожиданное облегчение...

Одрыхлевшее тело наполнилось силой, исчезла режущая боль в желудке, прошла ломота суставов, ушло ощущение

безысходности, в небытии растворилось земное смятение. Беспорядочные мысли рассыпались как мелкие осколки разбившегося стекла, а мирскую суету унесла крещенская вода.

Мощный свет вспыхнул в тускневшем сознании...

Вмиг развеялся густой туман забвения, а белый свет раздвинул стены узкой спальни до беспредельности...

Марку стало удивительно легко и радостно, и он начал подниматься все выше и выше, вместе с Благовестником, пока они не оказались в чистых Небесах, над белыми облаками.

Там Благовестник сказал:

— Скоро ты будешь со своей семьей... Но по пути я хочу показать тебе нечто...

Марк ответил:

— Все что угодно! Я полностью доверяюсь тебе...

Благовестник указал рукой на сияющее облако. Оно раскрылось, и перед Марком предстала удивительная картина. Войска шли по узкому ущелью. Во главе их стоял мудрый полководец Гней Тутуций Агенобарб.

Благовестник сказал:

— С твоей помощью он стал мудрейшим правителем. Только что он спас десятки тысяч солдат от неминуемой гибели. Они противостояли варварской армии, но вместо боя Тутуций так мудро провел переговоры, что варвары покорились ему без боя. Он сказал тогда своим солдатам, что мудрость не в том, чтобы выиграть сражение ценой десятка тысяч жизней, а в том, чтобы сохранить эти жизни и цели своей достичь. Он стал самым благородным и великодушным полководцем, которого знал Рим. Это твоя заслуга...

Потом Благовестник указал на другое облако, и там Марк увидел огромную библиотеку, в которой корпел над древними книгами философ.

Благовестник сказал:

— Смотри... Это должно произойти тысячу лет спустя... Может быть, больше... Философа будут звать Поджо Браччолини. Он родится для того, чтобы случайно обнаружить неизвестное сочинение. Оно очарует его, и он не сможет оторваться от него, читая дни и ночи напролет... Он издаст эту книгу заново, и она обретет новую жизнь. Знаешь, что он нашел? Послушай его самого...

Тут Марк услышал, как философ Браччолини, держа в руках его книгу, восклицает:

— О! Невероятная удача... О! Неожиданная радость!.. Я буду тебя созерцать, Марк Фабий, целым и невредимым.

Благовестник пояснил:

— Так откроют твоё сочинение заново для грядущих поколений. Я обещаю позаботиться об этом, ибо твои наставления опережают твой век. Они для будущего. Благодарю, что написал их.

Затем Благовестник указал на третье сияющее облако и спросил:

— А это узнаёшь?..

Там появился певец в розовом одеянии, на глазах два круглых розовых стекла, в ушах изумрудные серьги, сверкающие под ярким светом, и перед ним продолговатый огромный инструмент, издающий поразительной мощи звук... А голос певца усиливается многократно с помощью некоей трубки у его рта, и он поет на огромной площади, перед десятками тысяч слушателей, которые качаются в такт и в слезах подпевают, размахивая горящими огоньками...

Рядом появилось другое видение...

Пространство наполняется невообразимым светом. Огромная площадь до отказа заполнена народом, который подпевает певцу с оголенным торсом, в кожаных

облегающих брюках, играющему на округленном инструменте с клавишами. А на фоне — горящий Рим... Вспыхивают тысячи факелов, и огонь танцует в ритме песни, играючи уничтожая город...

Наконец тут же и третье видение — бородатой женщины...

Марк сказал тихо:

— Я видел все это...

Благовестник ответил:

— Да. Две тысячи лет спустя такие «Неронии» будут калечить людей. Миллионы будут воспевать похоть и страсть, и низкие души будут призывать их к земным наслаждениям. Гнев, ярость, злоба, злоречие, сквернословие и ложь овладеют душами.

Марк сказал:

— Я не хочу такого будущего.

Благовестник кивнул:

— Я тоже. Но будут и те, кто призовет к благости. Они будут вразумлять людей славословием и духовными песнями, во благодати воспевая Господа. И главное! Они будут облекаться в любовь, которая есть совокупность совершенства, и будут делать все от души, как для Господа, а не для человеков.

... Тут перед Марком возникло последнее видение...

Появился писатель, который сидел перед светящейся доской и увлеченно стучал пальцами по плоскому столику.

Марк спросил:

— Кто это?

Благовестник ответил:

— Тоже из далекого грядущего, пишет книгу про тебя...

— Удивительно! Он пишет без стилуса и даже без каламуса? Пальцами?

10. Последняя минута

— Думаю, это какая-то светящаяся записная книжка из будущего...

— Обо мне пишут книгу на светящейся записной книжке две тысячи лет спустя. Звучит как небылица...

— Да, согласен... Звучит как небылица...

— Очень интересно, как заканчивается эта книга?

Благовестник прищурился и ответил:

— Могу прочитать... О! Она заканчивается странно...
Такими же словами, как и начинается... Слушай... и читай сначала...

«...Дух пребывал в спокойном ожидании далекого путешествия домой...

Пришла пора воссоединиться с давно потерянной любимой семьей...

Настала последняя минута земного пути...»

Оглавление

Вступление (Богуславский М. В.) 3

1. Три дарованные минуты до последнего вдоха 10

2. Будни ритора 17

3. Пир земного бога 54

4. Лавка работорговца на Форуме 100

5. Две минуты до последнего вдоха 146

6. Умирающий свидетель 151

7. Наставления оратору 169

8. Преступление тысячелетия 196

9. Золотой дворец 234

10. Последняя минута 248

Серия «Живая классика педагогики»

Паата Амонашвили

МАРК ФАБИЙ КВИНТИЛИАН

Роман в жанре духовной фантастики

Редактор О. В. Куликова

Подписано в печать 13.04.2015.

Формат 60*84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 1550 экз.

Заказ №

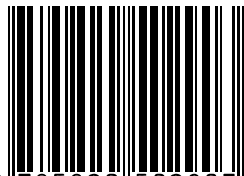
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-8205-0290-3

9 785820 502903

